

ПИОНЕР 2
ФЕВРАЛЬ ● 1973 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Месяц февраль. Вот он, вот он — летит со звонкой ледяной горы навстречу весне.

Месяц февраль. Готовься, пионер, к зимней «Зарнице», готовься, пионер, к сдаче норм на значок ГТО... Что ты говоришь? Летом сдал? Ну так знай: в феврале новые, особые старты.

Февраль. Точит свои «канады» будущий нападающий соревнований на приз «Золотая шайба». Пробуют лед длинными «ножами» участники стартов «Серебряные коньки».

Февраль. Реактивный ветер свистит в ушах. Один за другим уносятся в полет юные прыгуны с трамплина, чемпионы из «Спартака». О них рассказывают В. ПОСТНИКОВ и С. ИВАНОВ. Кстати, Владимир Постников, наш фотокорреспондент, делится в этом номере своими профессиональными секретами. Юнкоры, не зевать! Все на фотоурок!..

Постоянный читатель «Пионера», конечно, уже привык к нашим рубрикам **«Школа умелых хозяев», «Международный пионерский клуб «Товарищ».** В февральском номере «Товарищ» рассказывает о юных португальских патриотах. Быть борцом в фашистской стране — это уже само по себе подвиг!

В феврале исполняется сто лет со дня рождения Пришвина. Уж этого-то писателя все знают!.. Но не все знают, что существуют целые читательские клубы Пришвина.

1973 год объявлен годом Коперника. В феврале исполняется пятьсот лет со дня его рождения. Обращаем твое внимание на рассказ Януша ПАРАНДОВСКОГО **«Маленький Коперник»**.

Часто на читательских конференциях нас поругивают: фантастики печатается маловато!.. Что ж, фантастика так фантастика. **«Я — шерристянин»** — так необыкновенно называется новая повесть В. МАЛОВА...

И еще, наверное, ты ждешь, чем же там кончится история про дядю Шуру, Надежду Васильевну, Наташку и вдумчивого шестиклассника Бориса Збандуто. В этом номере мы печатаем окончание повести писателя В. ЖЕЛЕЗНИКОВА.

Журнал «Пионер» велик, а ключик его мал! Поэтому не сердись, читатель, что мы не сказали здесь о **«Научном телеграфе»**, или о дневнике **«Слышать голос трубы»**, или об отделе **«Надо посоветоваться»**, или... да мало ли о чем...

И Калинка где-то здесь, прямо на этом развороте,— может, ты и разглядишь ее среди лыжников, а может, и нет, зато Алешу, Маринку и Леку ты определенно можешь увидеть — вон они на санках, на верху горы!

В феврале горячие морозные деньки — для коньков, для лыж, для хоккея! В феврале длинные вечера — для чтения.

Рисунок Б. ГУРЕВИЧА.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

ФЕВРАЛЬ 2

Издательство «Правда»

Москва 1973 г.

СОЧИНИТЕЛЬ СКАЗОК

Владимир
ЖЕЛЕЗНИКОВ

ПОВЕСТЬ

Окончание, начало в № 1.

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

В то утро, как всегда, я подошел к окну и увидел дядю Шуру. Вернее, я увидел его спину и руку, которая держала знакомую мне тросточку и чертила по асфальту. Он привез эту тросточку из Африки, говорил, что она сделана из бивня слона, и очень гордился ею.

Дядя Шура и раньше стоял именно на этом месте, и я видел только его спину и руку с пляшущей тросточкой. Правда, теперь около его ног не было привычно вьющегося Малыша. Но дядя Шура вернулся, и это уже вселяло радость.

Рядом с ним стоял мужчина в высокой косматой папахе. Дядя Шура что-то ему говорил, не подымая головы, а тот его внимательно слушал. Лицо его было напряженным и испуганным.

Я знал людей с таким выражением лица, они часто появлялись в квартире дяди Шу-

ры. Он их привозил из дальних своих путешествий вместе с детьми, которым собирался делать операции. Детей отдавали в больницу, а родители жили у дяди Шуры.

Однажды он привез с собой якутского охотника. Этот охотник целыми днями молча сидел у телефона в ожидании вестей из больницы, где лежала его дочь. Он сидел, как изваяние, не двигаясь. Когда я увидел его в первый раз, то подумал, что он не живой, а вырезанный из дерева. Если же звонил телефон, он неслышным движением снимал трубку и говорил: «Попов слушает». А потом этот охотник уехал вместе с дочерью и вскоре прислал дяде Шуре в подарок прекрасную оленью шкуру и унты для Наташки. Унты были ей в самую пору, и непонятно было, как это получилось, ведь неразговорчивый охотник Попов не спрашивал у Наташки номер ее ноги. За все время, что он жил у дяди Шуры, он сказал мне только одну фразу: «Надо быть мужчиной, там все бурлит.— Он постучал себя в грудь.— Здесь все молчит».— Он высунул язык.

А этот, в косматой папахе, вероятно, был из Дагестана.

Я стал ждать прихода дяди Шуры, потому что после тех печальных событий, когда Надежда Васильевна унесла от меня спящую Наташку, я больше к ним не ходил.

Дядя Шура почему-то ко мне не зашел ни в тот вечер, ни на следующий день, хотя через стену я слышал его голос. Что ему стоило протянуть руку и стукнуть в стену, и тут же я оказался бы «у его ног». Но он не протягивал руку и не стучал.

Никогда бы не подумал, что Надежда Васильевна может оказаться такой вредной, и будет мстить мне, и отвадит от меня дядю Шуру и Наташку.

В тот день я встретил Надежду Васильевну у нашего метро.

Мы шли навстречу друг другу. Я бы, конечно, поздоровался, я не из тех, кто долго помнит обиды, но она меня не заметила.

Я оглянулся ей вслед, чтобы посмотреть, в какую сторону она направляется. И — с ума сойти! — вместо нее увидел мальчишку, который вел на поводке Малыша!

В первый момент это на меня так подействовало, что я просто оцепенел. А мальчишка тем временем прошел мимо и скрылся во дворе большого дома.

Медленно, будто нехотя, я побрел следом. Торопиться было нельзя, это я понимал. Походка моя приобрела эластичную упругость, сердце билось где-то в горле. Я сдвинул кепку на лоб, чтобы не было видно моих лихорадочно зорких глаз.

Я еле сдерживал улыбку, представляя фурор, который я произведу, когда появлюсь перед Наташкой с Малышом. Это была большая удача.

Мальчишку я нагнал во дворе и безразличным голосом спросил, кивнув на собаку:

В это время так называемый Буян широко и сладко зевнул и показал мне синий-синий язык.

— Кусается?

— Нет, не кусается,— охотно ответил мальчишка.— Он щенок.

— Малыш, Малыш! — позвал я щенка и погладил его по шерсти.

— Его зовут Буян,— сказал мальчишка.

— Буян? — переспросил я.— А, по-моему, он откликается на кличку Малыш.

— Может быть,— ответил мальчишка.— Он еще глупый.

— А какой у него язык? — спросил я.

— Обыкновенный,— ответил мальчишка.

— А у нашего синий,— сказал я.

— Что, у вас такая же собака?

— Была, да пропала. Вот я теперь ее ищу.

Я внимательно посмотрел на мальчишку. Нет, он держался спокойно, даже виду не подавал.

В это время так называемый Буян широко и сладко зевнул и показал мне синий-синий

язык. Теперь мальчишка, пожалуй, смутился. Но, как говорит тетя Оля: «Не убедившись окончательно, не думай про другого плохо». Поэтому я не закричал на мальчишку и не стал у него вырывать поводок, а пошел дальше по дороге расследования.

— Малыш, Малыш! — осторожно позвал я.

— Это моя собака,— угрюмо сказал мальчишка.— Она у меня уже три месяца живет.

— А если она твоя, то почему ты не знал, что у нее синий язык?

— Не знаю,— ответил мальчишка.

— Ну, ладно,— схитрил я: надо было както выяснить, где он живет. — Раз собака твоя, то твоя... А в вашем доме у многих собаки?

— У многих,— ответил мальчишка. — В тридцать седьмой — у Карповых, в сорок первой — у Ивановых...

— Постой, постой, я запишу! — Я вытащил ручку и тетрадь и сделал вид, что записываю.

— У Марковых — в шестьдесят первой,— продолжал мальчишка.

— А ты сам в какой квартире живешь? — спросил я небрежно.

— Я?.. А зачем? — Он тоже был парень не простак.

— Надо,— сказал я. — По заданию ветеринарной...

И не успел я закончить этой фразы, как мальчишка ловко подхватил Буяна и пустился наутек.

— Стой! — закричал я. — Стой! — Бросился следом за ним, но кепка у меня слетела с головы, и я вынужден был остановиться.

Пока я ее поднимал, мальчишки и след простыл. Но я не расстроился. Дело было начато, теперь я его все равно найду. В конце концов даже если это действительно не Малыш, то, может быть, этот парнишка уступит своего Буяна по сходной цене и Наташка успокоится и откажется от цирка. Я бы на его месте обязательно уступил, если бы мне рассказали всю ее историю. И я так увлекся этой идеей, что не заметил, как оказался около Наташкиной двери.

При этом я стал так отчаянно звонить, как будто я уже привел Малыша, как будто он вился около моих ног. Я стал повизгивать и лаять и услышал, как Наташка замерла с той стороны. А затем от волнения долго не могла открыть дверей.

Но когда она наконец открыла и я увидел ее, то пожалел о своей шутке. Она стояла передо мной в длинной, до полу, ночной рубашке, с лицом, густо усыпанным маленькими зелеными точками, как веснушками. Это ее прижгли зеленкой.

— Что с тобой? — испуганно спросил я.

Наташка не ответила, она шарила глазами по лестнице, надеясь увидеть Малыша.

— Извини,— сказал я,— это я сам лаял... Неудачно пошутил.

— Я заразная,— ответила Наташка. — У меня ветрянка.

— Ерунда,— успокоил я ее.

— Она передается по ветру,— предупредила Наташка.

— Во-первых, здесь нет ветра,— сказал я,— а во-вторых,— и соврал,— я уже болел ветрянкой. — Решительно вошел в коридор и скомандовал: — А ну, живо в постель!

Наташка послушно легла под одеяло, и теперь на белом еще больше выделялись на ее лице нелепые зеленые веснушки.

— Ты на меня не обиделась? — спросил я. — За ту историю?

— Нет,— сказала она. — Ты же не виноват. Мне все рассказали.

— Я держался, но сама понимаешь, сила на ее стороне. И ты тоже хороша, не проснулась... А может, вы помирились? — с надеждой спросил я.

— Посиди около меня,— вместо ответа сказала Наташка. — И почитай. Ты ведь ее не боишься?

— Я?! С чего это ты взяла? — спросил я. — Что тебе почитать?

— «Золушку»,— потребовала Наташка.

Я сел около нее и взял «Золушку».

— Боря, — спросила Наташка, — ты еще не ездил к тете Оле?

— Нет,— ответил я.— Но я обязательно съезжу, не волнуйся.

— Боря, как ты думаешь, кем мне стать в цирке?

— Пойди в акробатки,— сказал я. — Будешь летать под куполом цирка.

— Под куполом я боюсь,— созналась Наташка.

— Ну, в дрессировщики тигров,— предложил я. — Интересно.

— Тигров я тоже боюсь.

— Тогда в ученики к фокуснику.

— Вот хорошо, буду фокусником,— решила она.— Читай...

— «Жил-был один человек,— читал я.— Умерла у него жена, и остался он вдвоем с дочерью... Вскоре он женился во второй раз на самой гордой и сердитой женщине на свете...»

Вот тут-то и произошла неприятная накладка. Только я подумал, что Наташка не случайно выбрала эту сказку, что она думает, будто эта сказка почти про нее, поэтому она себе и имя для цирка взяла — Золушка,— как в дверях комнаты появилась Надежда Васильевна.

Я не слышал, как она вошла. В руках у нее был громадный игрушечный резиновый крокодил.

Мы поздоровались, оба испытывая неловкость. Я ей сказал, что читаю Наташке сказку, хотя это и так было понятно.

— А ведь Наташа заразная,— сказала Надежда Васильевна и строго добавила, обращаясь к ней: — Хорошо ли это будет, друг мой, если ты заразишь ветрянкой Борю?

Теперь обращение «друг мой» мне совсем не понравилось. Она определенно не умела обращаться с детьми. Ну, кто им так говорит: «Друг мой»?

Конечно, в ответ на эти слова Наташка, насупившись, повернулась к стене и не пожелала объяснять действительное положение дел.

— А я болел ветрянкой,— сказал я.

— Тогда не страшно,— обрадовалась Надежда Васильевна. — Тогда все в порядке. Посмотрите, что я принесла. — Она показала нам крокодила.

Никто не удивлялся, ни я, ни Наташка, хотя Надежда Васильевна явно хотела нас удивить и потрясти. В воздухе все еще висели ее слова «друг мой», холодные, как ледяной ветер.

Но Надежда Васильевна не сдалась, отчаянный человек, присела на корточки, опустила свое ценное приобретение на пол, и крокодил начал лениво и смешно открывать и закрывать крокодилову пасть.

Смех Надежды Васильевны, радость ее по поводу крокодиловой автоматической пасти, одиноко и коротко прозвучал в комнате.

— Это самый веселый в мире крокодил,— сказала Надежда Васильевна. — Он умеет лечить ветрянку.

— Ничего крокодил,— уныло сказал я.

— А я не люблю крокодилов,— упрямо сказала Наташка.

Наступила неловкая пауза, которая затягивалась и затягивалась, молчание уже было бесконечным.

Я сидел, скорчившись на стуле, Наташка лежала лицом к стене, показывая нам спину, а Надежда Васильевна так и осталась стоять на корточках около крокодила.

А крокодил по-прежнему нелепо и ненужно открывал и закрывал пасть. У крокодила были зеленые глаза, красный язык и много-много белых пластмассовых зубов.

Наконец Надежда Васильевна встала и безразличным голосом объявила:

— Раз тебе не нравится крокодил, то будем пить чай. Я принесла свежие булочки.

— Я хочу, чтобы Боря дочитал про Золушку,— твердо сказала Наташка.

— Хорошо, друг мой,— согласилась Надежда Васильевна. — Пока Боря тебе дочитает, вскипит чайник, и ты захочешь чаю.

Она вышла из комнаты, а Наташка показала ей в спину язык, потом, передразнивая, сказала: «Друг мой...» Но потом почему-то посмотрела на меня и невесело улыбнулась.

«Жил-был один человек,— начал я читать. — Умерла у него жена, и остался он вдвоем с дочерью. Вскоре он женился второй раз на самой гордой и сердитой женщине на свете... С первых же дней мачеха стала обижать девушку. Она плохо кормила ее и заставляла делать самую тяжелую работу...»

В это время в комнату с самым решительным видом вошла Надежда Васильевна.

— Боря,— перебила она мое чтение. — Ты читаешь без выражения. Дай-ка мне книгу.— Она забрала книгу, но вместо того, чтобы дочитать «Золушку», стала листать страницы.— Лучше я тебе почитаю другую сказку. «Золушку» ты уже знаешь на память... Вот. Хорошая сказка. — И начала читать: «Жил да был солдат, и было у него трое детей, а жены не было. Но солдат не тужил с детьми, он был настоящий солдат: умел стирать и штопать белье, топить печь, рубить дрова, варить щи и кашу. Но тут началась война, и солдат собрался в поход. Перед этим он женился на молодой женщине, чтобы не оставлять детей одних. Женщина оказалась на редкость доброй и внимательной к детям. Но только солдат ушел из дому, как она тут же переменилась...» Вдруг она прекратила чтение, но я, сидя с нею рядом, успел заглянуть в книгу и дочитал строчку, которую она не прочла: «... и стала настоящей злой мачехой».

— Вот так надо читать,— сказала она. — Четко и выразительно. — И захлопнула книгу. — А сейчас я принесу вам все-таки чай.— Она стремительно вышла из комнаты, и ее уход был похож на бегство.

При этом она задела ногой крокодила, и он снова стал «работать» пастью. Я рассмеялся: ну и автомат. Потом посмотрел на Наташку и увидел, что она тихо плакала и по щекам у нее текли зеленые слезы.

— Ты чего? — возмутился я.

— А я знаю эту сказку,— сказала Наташка. — Она тоже про злую мачеху.

И ей стало совсем себя жалко, и слезы у нее полились еще сильнее.

— А ну перестань! — сказал я. — Если в цирке узнают, что ты плачешь от каждой сказки, «хорошо ли это будет, друг мой?»

А через несколько дней после этого Надежда Васильевна собрала вещи и уехала. Представляете, уехала! Совсем, навсегда, прихватив свою виолончель и чемодан.

Головы наших кумушек торчали в окнах. Их ехидные взгляды сопровождали Надежду Васильевну от подъезда до такси. И откуда они пронюхали все в одну секунду?

Но сначала по порядку.

Да, да, незадолго до ее отъезда у нас произошел тяжелый разговор. Может быть, если бы не было этого разговора, все сложилось бы по-другому.

Мы шли вместе: я в школу, она на репетицию. Я знал, что Надежда Васильевна опаздывала, но она не обращала на это внимания. Видно, ей нестерпимо нужно было поговорить со мной на тему Наташки и Малыша. Я, чтобы ускорить дело, сообщил ей сногсшибательную новость о том, что Наташка собирается уйти в цирк.

Она сначала смутилась и стала переклады-

вать виолончель из одной руки в другую, будто виолончель сразу потяжелела. Этим она занималась несколько минут, потом рассмеялась, кстати довольно неуверенно, и сказала:

— Ну, это детские забавы. Кто из нас в трудную минуту не собирался куда-нибудь бежать.

— Может быть,— ответил я,— она никуда и не убежит. Но она собирается,— это слово я произнес с расстановкой.

Я вовсе не думал, что Надежда Васильевна после этого уедет, просто хотел, чтобы она была внимательнее к Наташке и хотя бы перестала ее называть «друг мой», раз Наташке это не нравилось.

А она уехала.

Правда, впоследствии выяснилось, что она это сделала совсем не из-за моих слов. Все было серьезнее.

Надежда Васильевна считала, что уступками любовь не завоюешь. Ей надо было все или ничего. Вот она какой была человек!

Но это я уже потом понял, а пока плыл в бурном потоке событий и радовался тому, что к Наташке пришло избавление, раз Надежда Васильевна ушла от них.

Наивный человек, как я мог ничего не понять, как мог решить, что все кончилось благополучно и теперь вновь наступит райская жизнь?

Разве я подумал при этом о дяде Шуре? Разве я подумал о Надежде Васильевне? И разве подумал о том, что, может быть, именно Наташка самый неправый человек в этой истории? Потом, когда я пересказал все это тете Оле, она сказала: «Ты действовал, прости меня, глупо... Тебе надо было достучаться до сердца Надежды Васильевны, и она бы тебе открылась».

Да, так вот как это было.

Когда я возвращался из школы, то увидел возле нашего подъезда такси.

— Эй, парень, двадцать седьмая квартира на каком этаже? — крикнул мне шофер.

— На седьмом,— ответил я.— Это наши соседи.

— Передай, что прибыл,— попросил шофер.

Я вбежал в подъезд, вскочил в лифт, размышляя, кому понадобилось такси в такое время, когда Надежда Васильевна и дядя Шура на работе.

Дверь мне открыла Наташка. Она была чем-то сильно взволнована, это сразу было заметно, потому что тут же выпалила:

— Надежда Васильевна уезжает. Совсем.

Вот тут я ахнул. Все-таки этого я не ожидал.

В комнате на стуле стоял открытый чемодан, и Надежда Васильевна, не разбирая, торопливо бросала туда свои вещи.

Мы поздоровались, и я сказал ей про такси.

— Уже? — переспросила она и добавила спокойным, ровным голосом:— Спасибо. Хорошо.

А я боялся встречи с нею, думал, начнет что-нибудь говорить о своем отъезде, о том, какая она несчастная, и еще чего доброго расплачется, но ничего этого не произошло.

Я увидел в комнате почти незнакомую женщину: лицо у нее было непривычно худое, с чуть выступающими скулами и полузакрытыми глазами, точно ей было лень их открыть совсем, точно это была для нее непосильная и ненужная работа. К тому же она была в новом костюме. Когда я встречаю хорошо знакомого человека в новой, непривычной для меня одежде, я всегда чувствую перед ним робость, как перед незнакомым. Поэтому она мне и показалась совсем чужой, и я перестал волноваться и смотрел на ее поспешные сборы, напоминающие бегство, равнодушным взглядом. Сам же думал в это время, как она уедет и как дядя Шура с Наташкой заживут старой, привычной жизнью.

Надежда Васильевна закрыла чемодан и подняла его. Он оказался для нее тяжел, и она уронила его на пол. Чемодан глухо стукнулся об пол и раскрылся. Оттуда стали выпадать какие-то платья, кофты, а Надежда Васильевна, склонившись, быстро запихивала их обратно в чемодан.

— А где же дядя Шура? — спросил я.

— На работе,— ответила она.

Значит, я не ошибся, это действительно было настоящее бегство. Значит, она все же чувствует себя виноватой во всей этой истории с Малышом, раз так стремительно заметает следы.

Надежда Васильевна уже закрыла чемодан, когда Наташка вошла в комнату, неся в руках крокодила.

— Вы забыли,— сказала Наташка.

— Это твой,— ответила Надежда Васильевна.— Я же тебе его подарила.— И впервые добавила слова, не имеющие прямого отношения к отъезду.— Ведь это самый веселый крокодил в мире, пусть он живет с тобой.

— Какой он веселый? — вдруг сказала Наташка.— Вот Малыш был веселый. Лаял по утрам.

Надежда Васильевна выпрямилась, посмотрела на Наташку, потом на меня, провела взглядом по стенам, словно прощаясь, потупила глаза и сказала:

— Ну, не поминайте лихом,— и снова замолчала, словно ждала от нас каких-то слов.

— Давайте я вам помогу,— сказал я и, не дожидаясь ее согласия, подхватил чемодан и выволок его из комнаты.

Я решил их оставить вдвоем: может быть, им надо о чем-нибудь поговорить в последний раз.

Вызвал лифт, стою — жду.

Наконец она вышла. На плече у нее висела виолончель в футляре. Ничего у них, вид-

Через несколько дней Надежда Васильевна собрала вещи и уехала.

но, не получилось: лицо у нее было по-прежнему строгое, губы крепко сжаты, а глаза были совсем почти закрыты, словно ей был немил белый свет.

— Дальше не провожай,— сказала Надежда Васильевна.— Я сама.

Я ворвался обратно в пустую комнату и сделал вид, что мне ужасно нравится все то, что сейчас произошло, что случилось нечто веселое. Я стал прыгать, дурачиться, схватил Наташку за руки, кружил ее и кричал.

Потом мы с хохотом оба упали на пол.

— А Малыша все равно не будет,— вдруг сказала Наташка.

— Будет,— уверенно ответил я и таинственно добавил: — Я его найду.

— А как?

— Это секрет.

— Смотри,— сказала Наташка,— я буду ждать.

Она встала, подошла к крокодилу, наступила на него ногой и выпустила воздух. И прекрасный, веселый крокодил превратился просто в кусок резины. После этого жалкие останки крокодила она запихнула под шкаф.

Теперь от Надежды Васильевны в комнате ничего не осталось.

Нет, остались еще ветки с пожелтевшими осенними листьями. Они стояли в большом стеклянном кувшине. Ветки были кривые, разлапистые, но почему-то, стоя в кувшине, они были очень красивы.

— Как можно не любить цветов. Это все равно, что не любить землю,— услышал я глубокий и ровный голос Надежды Васильевны.

И готов был оглянуться, потому что мне почудилось, что она стоит в дверях. Но я знал, конечно, что ее там нет. И мне стало горько оттого, что она уехала, даже не поп-

робовав помириться с Наташкой, что я должен был разочароваться в ней.

«Лучше бы я ее не знал»,— подумал я. И во мне появилось острое, щемящее чувство сожаления о потерянном.

И тут вбежал дядя Шура. Он, видно, торопился, но, как видите, не успел. Он обошел все комнаты, не снимая пальто, словно еще надеялся найти ее, заглянул в пустой шкаф. Постоял, помолчал. И пошел к выходу, к двери, на улицу.

Наташка крикнула ему в спину:

— А ты не будешь обедать? У нас есть суп и котлеты.

— Спасибо,— ответил дядя Шура.— Мне не хочется.

Наташка вопросительно уставила на меня свои «пятаки».

— Ничего,— успокоил я ее.— У нас, у взрослых, так бывает.

Тут вбежал дядя Шура. Он, видно, торопился, но, не успел...

Сначала хлопнула дверь квартиры.

Потом хлопнула дверь лифта.

Потом фигура дяди Шуры пересекла двор и скрылась.

Именно в тот день, когда я собирался отправиться на поиски Малыша, встретил около метро дядю Шуру. Я хотел к нему подлететь, но в последний момент узнал его собеседницу и поспешно затормозил. В зубах у меня был свежий бублик, так я от неожиданности чуть не подавился: дядя Шура беседовал не с кем-нибудь, а с самой Надеждой Васильевной. А я-то думал, что он успокоился и Надежда Васильевна исчезла из его жизни навсегда

Они стояли друг против друга, и между ними была ее виолончель. Прохладный ветерок трепал полы ее расстегнутого нараспашку пальто и так же трепал волосы на непокрытой голове. Но она ничего этого не замечала, внимательно слушала дядю Шуру и показывала всем своим видом необычную нежность к нему.

А он-то клюнул на это и раскваксился. Заботливо застегнул ей пальто и поднял воротник. Когда он подымал ей воротник, она успела ловко прижаться щекой к его ладони.

А я жевал бублик и наблюдал за ними.

За время, проведенное около метро, на моих глазах прошли десятки встреч разных влюбленных, я эти взгляды давным-давно изучил. Я даже научился определять: когда встречаются влюбленные, а когда люди, которые не могли жить друг без друга. Или такие, которые искусственно изображают нежность, как сейчас Надежда Васильевна.

Наконец Надежда Васильевна нехотя вскинула виолончель на плечо, она ее носила по-прежнему на ремне, и они разошлись.

Дядя Шура прошел мимо меня, не заметив. А я догнал Надежду Васильевну и поздоровался с нею. Пусть, думаю, знает, что я их видел.

— А, Боря, здравствуй,— сказала она.— Откуда свалился?

— Из метро вышел... И увидел вас.

Вижу, глаза у нее отсутствующие: первый мой выпад на нее никак не подействовал.

«Ну, что ж, пойдем дальше»,— подумал я, увлеченно жуя бублик.

— И дядю Шуру я видел.

— А-а-а,— неопределенно протянула она.

Похоже было, что и второй мой выпад никак на нее не подействовал. Ну, что ж, пойдем еще дальше, это нам нетрудно, наша дорога недальняя.

— Правда, он очень изменился, похудел? — спросил я.

— Жизнь наладится, он и поправится,— сказала она.

— А по-моему, все наладится гораздо раньше, если вы не будете мешать.

— А когда она наладится? — спросил я. — Вы ведь знаете все наперед.

— Месяца через два.

— Через два, — сказал я. — А по-моему, гораздо раньше, если вы не будете им мешать.

Сам не понимаю, как у меня выскочили эти слова. А у Надежды Васильевны стало странное лицо, будто кто-то «невидимый» надел на него маску.

Так мы простояли целую вечность.

Я готов был ее успокоить и отказаться от своих слов, но, честное слово, у меня отнялся язык.

Какой-то прохожий толкнул ее, задев за виолончель. Она сняла виолончель и, зацепив ремнем за пуговицу у пальто, оторвала ее, не заметив. Длинные волосы Надежды Васильевны, торопливо завернутые в пучок, — вероятно, она спешила на свидание к дяде Шуре и не успела аккуратно причесаться — от резких жестов рассыпались и упали ей на лицо. Отбросив их, не глядя на меня, она покинула поле боя. Она убегала от меня в который раз, на ходу занимаясь своим любимым делом, перебрасывая виолончель из одной руки в другую.

А я поднял пуговицу, оборванную ею, положил в карман и отправился по своим делам.

По-моему, я ее победил. Ну, конечно же, победил. Правда, удовольствия я от этого не испытывал. Тут же мною стали овладевать сомнения. Может быть, я слишком сурово с нею обошелся? С другой стороны, ситуация требовала решительных поступков.

Да, мне было ее жалко, но я сделал свое дело. «Мавр сделал свое дело, мавр может уйти». Тетя Оля всегда произносит эти слова горьким, недовольным голосом, и они ей служат присказкой к какому-нибудь выска-

зыванию вроде: «Нет ничего горше самовлюбленной юности. Все-то они знают, все-то они понимают, во все лезут, все решают и поэтому бьют очень сильно».

Ведь я понимал эти слова, но к своей жизни никогда не прикладывал.

В эту минуту я впервые как бы прозрел и подумал, что, может быть, Наташка и я далеко не во всем правы?

Помню, состояние недовольства собой владело мною несколько минут, до тех пор, пока я вошел во двор, где жил тот мальчишка со щенком, похожим на Малыша.

Прошло несколько дней.

И вот как-то я сижу дома, и вдруг до меня долетает откуда-то со стороны музыка. Я прижался ухом к стене: не было никакого сомнения: в квартире у дяди Шуры играла виолончель.

Значит, все же вернулась Надежда Васильевна?! Вернулась, несмотря на мою просьбу. Теперь Наталья наверняка что-нибудь да выкинет. Сбежит в цирк или уйдет к цыганам. Эти маленькие трудно поддаются уговорам.

Дверь мне открыл сам дядя Шура, и звуки виолончели обрушились на меня.

— А, это ты, мыслитель,— равнодушно произнес дядя Шура, хотя вид у него был явно возбужденный.

И «мыслителем» он меня почему-то обругал и в комнату не приглашал. Неужто она наябедничала? Ну, что ж, ничего не поделаешь, оказался лишним, хотя почему-то было чертовски обидно. Всегда обидно, когда тебя не понимают.

— Скажите Наташке, пусть зайдет ко мне.

Я человек гордый и никогда никому навязываться не собирался.

— А ты что, и зайти не можешь? — спросил дядя Шура. — Он обнял меня за плечи. — Всем мыслителям трудно живется. Они вечно размышляют, размышляют... а по мне, надо жить проще и естественней. Если что-то непонятно, возьми и скажи, и сразу все станет на свое место. — Он остановился. — Послушай! Как играет... А ты думаешь, я не прав?

— Словами всего не выскажешь,— сказал я. — Я вам не помешаю? — Я боялся встречи с Надеждой Васильевной.

— Не помешаешь,— резко сказал дядя Шура и первый вошел в комнату.

Я остановился на пороге и огляделся.

Никакой Надежды Васильевны в комнате не было, но около дивана стоял магнитофон. Его динамики были включены на полную силу.

Дядя Шура с размаху плюхнулся на диван.

— Дядя Шура, вы же собирались с Наташкой в зоопарк? — сказал я.

Дядя Шура покосился на дверь в Наташкину комнату и приложил палец к губам: молчи, мол.

— Что-то вы мне не нравитесь,— сказал я, стараясь перекричать магнитофон.

Дядя Шура убрал звук и в наступившей тишине сказал:

— Я сам себе не нравлюсь.

В это время из своей комнаты вышла ее светлость Наталья Александровна. Она поздоровалась со мной, наклонилась к магнитофону и усилила звук.

— А то мне ничего не слышно,— сказала она и ушла.

Да, подумал я, в этом доме явно не хватает тети Оли с ее нежностью и добротой и неожиданными точными словами, против которых нечего возразить. А у меня пока, хотя я и старательный ее ученик, толком ничего не получается. Пойду-ка я отсюда, может быть, найду Малыша?

В поисках Малыша я попал на Птичий рынок, потому что Буян оказался все же настоящим Буяном и к Малышу не имел никакого отношения.

Благородный Петька, хозяин Буяна, посоветовал мне пойти на Птичий рынок. Он сказал, что там иногда продают случайно найденных или ворованных собак.

И представьте, на Птичьем рынке я действительно нашел... только не Малыша, нет, Надежду Васильевну!

Я присел на корточки около выводка овчарок: их было целых шесть штук, симпатичных щенков. Они ползали по коврику возле своей гордой громадной матери.

— Мне нужен щенок породы чау-чау,— раздался надо мной женский голос.— Вы таких здесь не встречали?

В первый момент я ее не узнал, но слово «чау-чау» привлекло мое внимание.

— Чау-чау? — переспросил хозяин овчарки.— Не знаю.

— Они такие лохматые,— объяснила Надежда Васильевна.— У моей дочери был такой щенок. И пропал. Вот я и ищу нового.

Я чуть не упал от ее слов, прямо готов был плюхнуться на грязную мостовую. «У моей дочери,— сказала она.— У моей дочери... У моей дочери»,— как дурак твердил я про себя.

Я здорово обрадовался, когда наконец прочувствовал значение ее слов. Выходило, что она любит Наташку, раз называет своей дочерью. «В конце концов,— как говорит тетя Оля,— все истории когда-нибудь заканчиваются и, как правило, благополучно». В этот миг я почувствовал, что наша история тоже имеет явные виды на благополучный конец. Я встал и сказал:

— Здравствуйте, Надежда Васильевна.

...и бублик показался мне горьким-прегорьким!..

Улыбнулся и подумал, сейчас она ответит мне прежними словами: «Привет... Не видел ли ты сегодня цветные сны?...» Но она ничего этого не ответила, а безразлично, без тени удивления оглядела меня.

— А-а-а, и ты...

Ее слова больно хлестнули меня по лицу. Это было как раз на мою тему о предательстве. Может быть, она об этом и не подумала, может, это вышло случайно, но у меня почему-то эта фраза в голове приобрела сразу свой знаменитый законченный смысл: «И ты, Брут...»

«Ну, что ж,— подумал я,— пойдем дальше по этой дороге, поглотаем горькой пыли: что заслужили, то и получили».

Я посмотрел на нее, неужели она на самом деле так думала обо мне, но ни о чем не догадался, а только увидел, что лепестки цветов у нее в глазах расцвели невероятно.

Мы с нею поболтали еще несколько минут о разных пустяках. О том, чего только не продают на этом рынке. Она сказала: «Все, кроме лунной породы». А я добавил, стараясь ее развеселить: «И виолончели...» Она не развеселилась.

О Малыше и собаках породы чау-чау мы не сказали ни слова. О дяде Шуре и Наташке тоже ничего. Как будто этого не было в нашей жизни.

Но в конце я не выдержал и спросил:

— Надежда Васильевна, вы на меня сердитесь?

— Нет,— сказала она.— Ты поступил, как тебе велела совесть. Я это уважаю в людях. Только опыта у тебя жизненного маловато. И жалеть надо, думая. Может, хоть теперь ты понял, почему я не люблю добреньких.— Помолчала.— Но больше я не хочу об этом говорить.

Все. Точка. Баста. Мы готовы были разойтись навсегда, но она продолжала смотреть на меня изучающе. Что-то, видно, увидела жалостливое, потому что тут же жестко добавила:

— Хотя, кажется, и не понял. Так и остался верным учеником своей тети Оли.

Действительно, по моему лицу всегда можно догадаться, что у меня на душе. Это мой большой недостаток, я никак не научусь скрывать своих чувств. Недаром тетя Оля говорила: «Твое лицо, как букварь. Его всегда легко и просто прочесть. Впрочем, не расстраивайся, со мной всю жизнь творится то же самое. И мое лицо — «букварь», причем, знаешь, самые первые его страницы там, где слова написаны большими буквами: «Маша. Ма-ма. Ко-ро-ва». А как раз в этот момент, когда Надежда Васильевна говорила мне про «добреньких», я хотел ей сказать, что она изменилась в худшую сторону: похудела, побледнела, и вид у нее усталый, в общем, отметить, что ее страдания «налицо». К счастью, вовремя спохватился и прикусил язык. Но она, конечно, все поняла по моему «букварю», она же необыкновенно умная, этого у нее не отнимешь. Вот и припечатала меня, а за компанию и тетю Олю.

Обиднее всего, что я не нашелся, как заступиться за тетю Олю. Надежда Васильевна была явно несправедлива к ней, разве тетя Оля просто «добренькая»?

Так Надежда Васильевна и ушла. Когда она была уже довольно далеко, я все же крикнул ей в спину:

— Вы не правы! — Но это прозвучало как-то жалко и малоубедительно.

Не знаю, слыхала она мои слова или нет, только не оглянулась. В этот момент во второй раз мною овладело сомнение и беспокойство по поводу моего поведения в этой истории. Я почувствовал, что надежная дорога ведет куда-то в другую сторону, а моя петляет между кочек и болот, в которых хлюпают мои плохо обутые ноги.

Затем я почувствовал острый голод. У меня всегда появляется ощущение голода, когда я сильно волнуюсь. Мне бы что угодно пожевать, это меня отвлекает. Некоторые люди, как известно, теряют всякий аппетит, когда волнуются, я же наоборот. Я увидел палатку, торгующую бубликами, купил и автоматически, все еще думая о Надежде Васильевне, вонзил зубы в бублик. И вдруг, вы не поверите, чудесный бублик, пахнущий свежим тестом и маком, показался мне горьким-прегорьким. Я даже в удивлении посмотрел на него, чтобы понять, почему его тесто было таким горьким. Нет, тесто обыкновенное: белое и мягкое. А дело было в том, что этот бублик напоминал мне день, когда я случайно около нашего метро встретил Надежду Васильевну с дядей Шурой и сказал ей про то, что она мешает хорошо и мирно жить дяде Шуре и Наташке.

Я тогда тоже ел бублик: нахально так жевал перед ее носом этот вездесущий проклятый бублик и цедил сквозь зубы жестокие слова.

Я вспомнил, как лихорадочно она перебрасывала виолончель из одной руки в другую, как ветер растрепал ее торопливо собранную прическу и бросил ей волосы на лицо.

Вот это предстало передо мной с невероятной точностью, и показалось, что стоит мне протянуть руку, и она, рука, коснется морской металлической пуговицы на ее пальто.

От этих воспоминаний мне стало нестерпимо стыдно, и хотя я вспомнил слова тети Оли, «что стыдно — это хорошо, это, знаешь ли, благородно, это значит, что ты такого больше не сотворишь», мне это ничуть не помогло, ибо то, что было сделано, было достаточно гнусным.

Легкое сомнение, которое только что родилось в моей душе, быстро переросло в твердую, но печальную уверенность, что я совершил в отношении Надежды Васильевны непростительную ошибку.

Тут я вам должен честно признаться, что тетя Оля предостерегала меня, что я себя неправильно веду. «Поверь моему педагогическому чутью,— сказала она.— Они обязательно помирятся, потому что любят друг друга». Тогда я в ответ ей только нервно захихикал и презрел ее педагогическое чутье. А напрасно. Но что теперь об этом говорить, все мы умны задним числом.

А она, то есть Надежда Васильевна, тем временем все удалялась и удалялась и превратилась из обыкновенного человека в недосягаемую горную вершину, которая без конца манит к себе, но которую тебе никогда не дано покорить. Так я ее снова сильно полюбил, может быть, больше, чем раньше, я понял, что виноват перед нею и безвозвратно ее потерял.

От этого меня охватил ужас, и я подумал, что мне никогда не удастся не только помириться с Надеждой Васильевной, но и забыть то, что я ей сделал. И этот мой поступок навечно будет на моей совести, как клеймо на плече древнего раба.

Итак, заклейменный и уничтоженный, я приплелся к Наташке. А та играла в куклы, ей было явно не до меня.

Я сел в любимое кресло дяди Шуры и стал ждать. Кресло глубокое, старое, теплое, как живое; оно располагало к размышлениям. Вообще размышления — полезная вещь. Я это усвоил, с тех пор как познакомился с Надеждой Васильевной, только не всегда этим пользовался. Иногда забывал и действовал непродуманно. Как правило, в этом случае результат бывал печальным.

Надежда Васильевна показалась мне меньше ростом и какой-то неуверенной в себе. Может быть, именно поэтому она в конце

сказала мне такие резкие слова. И горько мне стало от мысли, что и я виноват в чужом несчастье, но и радостно, потому что я открыл для себя истину и понимал, что придет день — и Надежда Васильевна простит меня. Потом, размышляя дальше, я обнаружил в себе недовольство тем, что не заступился за тетю Олю. Крик в удаляющуюся спину Надежды Васильевны: «Вы не правы...» — это не защита друга.

Мне надо было сказать, что тетя Оля нежнейшая душа и надежный друг, а она, Надежда Васильевна, несмотря на правдивость своего характера, несправедлива к ней.

Тут я сделал для себя печальное открытие, что могут жить два прекрасных человека, такие, как тетя Оля и Надежда Васильевна, которые могут друг друга не понимать. Потом я поразмыслил еще немного и решил все же, что тетя Оля смогла бы найти путь к сердцу Надежды Васильевны, и более того, она, несмотря на возраст, умеет учиться хорошему у других людей, и она бы еще коечему у нее научилась, раз Надежда Васильевна такая необыкновенно умная.

В моей голове вдруг сложилась простейшая формула для действия. Раз Надежда Васильевна любит Наташку, подумал я, почему бы Наташке не любить Надежду Васильевну?

А действительно, что этому мешает? От удовольствия я подскочил в кресле и ударил в ладони. Дурацкий, конечно, жест, но зато он привлек внимание Наташки.

— Ты чего? — спросила она.

— Я подумал: вот жили три человека. А потом разъехались. Двум от этого плохо, и еще неизвестно, хорошо ли третьему? Что в этом случае делать, как поступать?

Наташка ничего не успела ответить, потому что хлопнула входная дверь и в комнату торопливо вошел дядя Шура.

Он был чисто выбрит и аккуратно пострижен, последнее время за ним этого не водилось, вечно он ходил лохматый и нечесаный. А тут он был очень аккуратный, от этого он стал меньше ростом. Он стал меньше ростом, Надежда Васильевна стала меньше ростом! Что бы это значило?

Дядя Шура, видно, очень торопился и вошел в комнату как был, в пальто. В руке он держал сумку с продуктами.

— Здрасьте, дядя Шура,— сказал я.

— Ты почему так рано? — спросила Наташка.— Что-нибудь случилось?

Но дядя Шура не ответил ни мне, ни Наташке, спросил, не звонил ли кто-нибудь ему, и, получив отрицательный ответ, вышел из комнаты. Затем вернулся без пальто и без сумки, протянул Наташке сверток с конфетами, а мне сказал:

— Здравствуй, Боря.— Прошел снова к телефону и снял трубку.—Телефон, что ли, испортился? Нет гудка. Боря, сходи позвони со своего телефона к нам.

Я вышел, чтобы выполнить просьбу дяди Шуры. Телефон оказался исправным. Когда я возвращался обратно, то, еще идя по коридору, услышал разговор между Наташкой и ее отцом.

— А мы скоро пойдем гулять? — спросила Наташка.

— Пойдем,— ответил дядя Шура.

— А когда?

— Когда мне позвонят.

— А если тебе никогда не позвонят?

По-моему, она спросила это с тревогой. Что ж, подумал я, надо действовать более энергично.

Я замешкался, чтобы дать возможность дяде Шуре ответить, но он промолчал.

Я прошел мимо дяди Шуры, который странным образом читал газету, держа ее вверх ногами, мимо Наташки, которая продолжала играть в куклы, подошел к шкафу, вытащил из-под него крокодила и стал надувать.

Наташка внимательно посмотрела на меня.

— Это же самый веселый в мире крокодил,— находчиво сказал я словами Надежды Васильевны.

Дядя Шура опустил газету и внимательно посмотрел на меня. Кажется, он безоговорочно принимал меня в союзники.

— Если он тебе не нравится,— осторожно сказал дядя Шура,— пусть Боря подарит его кому-нибудь.

Наташка ничего не ответила.

Я опустил крокодила на пол, и тот начал смешно открывать и закрывать пасть.

— Дареного не дарят,— вдруг тихо сказала Наташка.— Он у меня будет вместо коня. На нем куклы будут ездить.

Это уже была какая-то победа. Я с большим интересом ожидал следующих событий и думал, что вот-вот кто-нибудь из них вспомнит о Надежде Васильевне. Но Наташка пыхтела над крокодилом и ничего не говорила, и дядя Шура молчал.

— Ну, кто ездит верхом на крокодиле? — спросил я.— На собаке, я еще понимаю.

Дядя Шура посмотрел на меня осуждающе. Но я не отказался от своих слов, ибо у меня в голове созрел моментально новый план действий. Я решил отвести Наташку к Петьке. Тот отдаст ей Буяна. Дядя Шура сообщит об этом Надежде Васильевне, и та вернется. Они помирятся с Наташкой. А тогда я все расскажу Наташке, и она вернет этому разнесчастному влюбленному собаководу обратно Буяна.

— Если бы была собака,— вздохнула Наташка.

— А она есть,— сказал я.— Я нашел Малыша.

— Нет, правда? — закричала Наташка.

Дядю Шуру словно подбросило. Он подбежал ко мне, зачем-то хлопнул сильно по плечу. Признаться, я еле удержался на но-

гах. Затем он бросился и стал радостно кружить Наташку.

Он был счастлив и весел. Он прыгал, как мальчишка, как бывший счастливый дядя Шура. А Наташка визжала и подскакивала вокруг него.

— Ну, расскажи, расскажи, как это произошло? — спросил дядя Шура, когда немного успокоился.

— Как! Кто ищет, тот всегда найдет,— ответил я.— Вот я и нашел. Только у Малыша теперь другое имя. Его зовут Буян. И он привык к этому имени.

— А они его отдадут? — испуганно спросила Наташка.

— Конечно,— сказал дядя Шура.— Обязательно отдадут. Пойдем за ним немедленно.

Я испугался: надо было обо всем этом еще предупредить Петьку.

— Сегодня нельзя,— сказал я.— Их нет дома. Мы пойдем завтра, я договорился.

— А завтра я не могу,— сказал дядя Шура.— У меня срочная работа.

— Ничего,— успокоил я его.— Мы сходим с Наташей. Можете на меня положиться.

— Значит, я не буду участвовать в этом замечательном празднике,— сказал дядя Шура.— Какая обида!

И вот мы идем к Петьке. Идея моя ему совсем не понравилась, но он, добрая душа, согласился скрепя сердце дать своего Буяна. Если он (то есть Буян) согласится.

А Наташка вооружилась полностью: в руке у нее были поводок и ошейник.

Мы были молчаливы и сосредоточенны. Наташка волновалась перед встречей с Малышом. А я дрожал от сложности собственного плана.

Что, если Петька передумал, если он куда-нибудь скрылся, и прочее, прочее, прочее?

— Как ты думаешь, он меня не забыл? — спросила Наташка.

Она имела в виду, конечно, Малыша. «Ох, уж эти разнесчастные собаколюбители Петька да Наташка!» — подумал я. Здесь голова лопается в поисках правильного выхода, а им бы только увидеть свою собаку. Я понимаю, собака — друг человека, но нужно во всем знать меру.

— Забыл,— ответил я с некоторой злостью. — Забыл. Забыл.

Она была поражена, видно, моим резким тоном и некоторое время шла молча. Затем все же сказала:

— Нет, не забыл. Собаки никогда не забывают. А ты не знаешь.

— А люди? — спросил я.

— И люди тоже, —ответила Наташка.

— Замечательно! — закричал я.— Значит, люди такие же умные, как собаки.

И вдруг я остановился, как вкопанный. Даже не я сам, а что-то во мне само остановилось. Я замер и прислушался к себе. И почувствовал, как все внутри у меня затрепетало.

— Ты что? — с подозрением спросила Наташка.

— Подожди,— сказал я.— Дай подумать.

И вот тут-то произошло самое неожиданное: то было открытие, которое привело всю историю к доброму концу, и в этом открытии весь мой предыдущий план, вся моя хорошо выстроенная математическая формула полетела в тартарары.

Ибо вместо того, чтобы идти к Петьке добывать несуществующего Малыша, я повел Наташку совсем в другом направлении.

Путь наш был простой и привел к двери квартиры Надежды Васильевны.

Права была тетя Оля, когда мне, дураку, вдалбливала: «Обдумай все возможные пути к цели, но выбирай всегда самый бесхитростный. В закоулках легко заблудиться».

Не раздумывая, я позвонил в дверь.

Услышал ее торопливые шаги, и дверь открылась.

Я увидел ее лицо — в первый момент оно было строгим. Потом стало испуганным. Наконец губы ее, которые за секунду до этого были крепко сжаты, опомнились первыми и улыбнулись.

Я в ответ тоже улыбнулся ей и даже легкомысленно, неизвестно почему, видно, от волнения, подмигнул, но она этого не заметила. Это было видно по ее глазам. Они меня не видели, они смотрели мимо меня. И только тут я вспомнил, что пришел к Надежде Васильевне не один, что рядом со мной Наташка.

Робко я оглянулся на нее. Она стояла, низко опустив голову, сжав в руке собачьи ошейник и поводок.

Но вот она посмотрела на меня, зрачки ее глаз буравчиками сверлили меня, перевела взгляд на Надежду Васильевну и попятилась к лестнице.

— Зачем вы обманули меня? — спросила Наташка.

Только тут я понял, что Наташка решила, что мы с Надеждой Васильевной в сговоре.

— Это я один,— сказал я.— Ты потом поймешь.

Я не сделал за Наташкой ни полшага, как стоял, так и остался стоять, решил, что если она вздумает убежать, то все равно ее не уговоришь.

Наташка где-то болталась уже за моей спиной и вот-вот должна была броситься в бегство, это я понял по глазам Надежды Васильевны, которые, не отрываясь, следили за Наташкой.

Вот это были глаза!

Я никогда в жизни не видел таких говорящих, зовущих глаз. Даже не знал, что могут быть глаза, когда не надо слов, крика, просьб, когда так все понятно. Веки у Надежды Васильевны чуть-чуть дрожали.

Может быть, я не имел права так поступать, подумал я, может быть, я не должен был приводить сюда Наташку и тем самым распоряжаться ее судьбой. Ведь никто никому не давал права распоряжаться чужой судьбой, это я знал, знал, а все равно распорядился. Вот тебе и прямой и короткий путь...

Но мне хотелось им помочь!

И вдруг лицо Надежды Васильевны радостно изменилось, и в следующий момент произошло то, что должно было произойти. Мимо меня стремительно пролетела Наташка и упала на руки своей мачехи.

А?! Каково! Выходит, не такой я уж хвастун?! Нет, скажите честно, я потушил этот пожар или не я! Если бы со мной была рядом тетя Оля, она бы по справедливости ответила на мой вопрос.

Но мне, между прочим, пора было уходить, потому что на меня никто не обращал внимания. Неблагодарные люди. Нет, нет, так я не умею. Чего во мне нет, так нет: благодарности я не выношу. Меня тошнит, когда благодарят. В этот момент Надежда Васильевна посмотрела на меня и покачала головой, она так медленно, понимающе и всепрощающе покачала головой. И это была самая высшая похвала, которая была мне нужна. Но ей этого, видно, показалось мало, и она произнесла первые слова за всю нашу встречу, и они оказались необыкновенные, хотя внешне были самые обыкновенные.

— Боря,— сказала она.— А ты вырос.

Я улыбнулся ее сообразительности, как я сам не догадался. Вот, оказывается, почему и она и дядя Шура стали в последние дни меньше ростом. Это я неожиданно вытянулся. Значит, я сделал еще шаг вперед, значит, я вскарабкался по этой трудной, но чистой лесенке еще на одну ступень.

...и произошло то, что должно было произойти!

А Наташка не оглянулась. Она как уткнулась в Надежду Васильевну лицом, так и стояла, не шелохнувшись. Может быть, спела первую песенку и складывала первую сказку, в которой была мачеха не злой, а доброй. Красивой, доброй и необыкновенно умной, как Надежда Васильевна.

Я опустил руку в карман, захватил там одну вещицу, надежно спрятал ее в кулак, протянул Надежде Васильевне и разжал кулак. На моей ладони лежала, тускло поблескивая, та самая морская золоченая пуговица, которую Надежда Васильевна оторвала от своего пальто во время нашего разговора у метро. Она молча взяла ее, снова улыбнулась, и уголки ее губ поднялись чуть выше, и улыбка приобрела таинственно-счастливое выражение.

— Ну, ладно, друг мой,— сказала она Наташке.— Давай успокоимся.

Да, действительно, кажется, мне здесь больше делать было нечего. Я сделал свое святое дело и должен был идти дальше своей дорогой. Но мне все равно было весело, я был рад, потому что снова отвоевал себе право быть другом Надежды Васильевны.

А что может быть лучше в жизни, чем хороший, необыкновенно умный друг?

Помню, я как-то получил от нее открытку из Ленинграда. Открытка была без обращения и начиналась словами: «...Посмотри, какой красивый дворец...» Я перевернул открытку и увидел фотографию двухэтажного каменного дома, мельком взглянул. Но так как меня интересовал не этот дворец, а письмо Надежды Васильевны, то я снова вернулся к нему и прочел до конца.

«...Посмотри, какой красивый дворец,— писала Надежда Васильевна.— Как он гармоничен. Он так прекрасен, так совершенен, что, кажется, его не могли построить люди, а он вырос сам, самостоятельно, родился из земли, на которой стоит. Как деревья и цветы, окружающие нас. Ты лучше поймешь меня, если отложишь сейчас открытку в сторону, а потом снова возьмешь ее в руки и поднесешь к глазам, между прочим, словно случайно. И так можно делать много раз, и тогда ты станешь думать об этом дворце и к тебе придет удивление перед ним.

И действительно, так оно и получилось.

Первый раз, когда я взглянул на этот дом, то заметил лишь его желтый цвет и автоматически отметил количество этажей. Красота же его осталась для меня незамеченной. Тогда я не знал, что прекрасное понимаешь не сразу, что нужно много времени, чтобы научиться отделять подлинное от подделки. Посмотрев на открытку во второй раз, я увидел, что окна в доме имеют какой-то особенный, четкий и легкий рисунок, а арка узкая и такая таинственная, что появлялось непреодолимое желание войти в нее, потому что там, так мне показалось, спрятано какое-то невероятное чудо.

Однажды, возвращаясь домой, я вспомнил про открытку, и мне захотелось немедленно ее увидеть. И от этого мне стало радостно, хотя ведь ничего особенного не произошло. Просто у меня дома на столе лежала открытка с изображением дворца времен Екатерины II, и все. Но мне было радостно.

А еще был случай, когда Надежда Васильевна сказала мне:

— Знаешь, внутри каждого из нас заложен огромный разнообразный мир. Человек — это целая вселенная. И ты тоже вселенная. Только надо научиться открывать себя,— сказала она. — Если будешь всегда помнить об этом, то твои поступки станут значительными и важными, и тебе не захочется заниматься чем-то случайным. Будет жалко и обидно терять свое время. И, поняв это, ты почувствуешь себя человеком.

Эта сногсшибательная фраза так мне понравилась, что я тут же решил запомнить ее на всю жизнь.

Сколько я узнал еще такого от Надежды Васильевны — не перечесть.

Я медленно спускался по лестнице, напевая себе, подпрыгивая на каждой ступеньке.

Так, в непонятном танце я достиг первого этажа, остановился около телефона-автомата, позвонил дяде Шуре на работу и сказал, вспоминая неразговорчивого охотника Попова:

— Збандуто говорит. Все в порядке.

— Что в порядке? — не понял дядя Шура.— Нашли Малыша?

— Нет, я отвел Наташку к Надежде Васильевне.

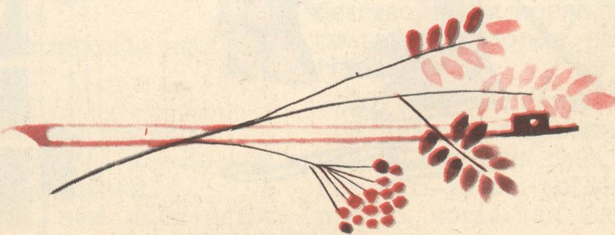
После этого наш разговор прервался. Если бы я не был Поповым, я бы произнес еще сто слов о том, как я вел Наташку к Надежде Васильевне, и как волновался, и как все было, и как они бросились друг другу в объятия.

Но я был сдержанным, молчаливым охотником Поповым.

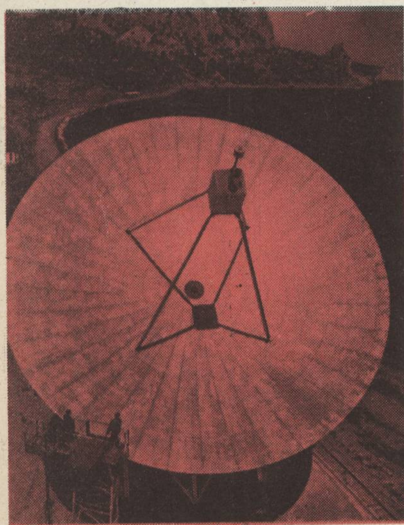
— Передай моим, что я немного задержусь,— сказал дядя Шура. Он был тоже крепкий орешек.

Я повесил трубку, открыл парадную дверь и вышел на крыльцо.

Весь мир предстал для меня в новом, совершенном виде, ибо он совершенен только в тот момент для каждого, сказала бы тетя Оля, когда ты сам приближаешься к совершенству. Но тетя Оля этого не говорила, это придумал я, ее не самый удачный ученик.

КОНЕЦ

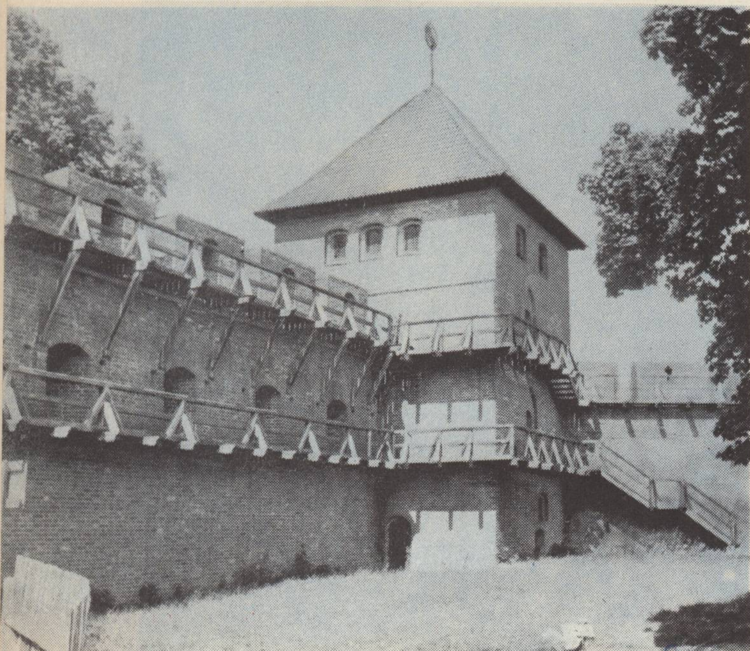

ТАИНСТВЕННЫЙ ЗАГАДОЧНЫЙ КОСМОС... Что там? Все пристальнее люди присматриваются к мерцающим далеким огням на небосводе — звездам. Все чутче слушают шорохи Вселенной гигантские радиотелескопы.

Уже человек вышел в открытый космос, уже земная ракета сумела улететь за пределы Солнечной системы. Марс, Венера, Луна — теперь они словно ближе к нам.

Теперь. А еще несколько веков назад представление о мире было совсем иным... Но некий человек с помощью приборов, которые он сам изготовил, долго наблюдал небо. Человек увидел лицо Луны — горы, огромные черные тени, равнины. Медленно — шаг за шагом, год за годом — подходил он к потрясшему его самого открытию. Рухнули в небытие сказки о Земле, Солнце, Вселенной. Сказки, которые еще вчера были научной истиной.

Пятьсот лет прошло со дня рождения того человека. А мы, люди, помним его. И будем помнить всегда великого сына человечества, польского ученого Николая Коперника.

Великий польский астроном Николай Коперник прожил семьдесят лет, из них тридцать он жил в небольшом городке Фромборке.

История этого города исчисляется шестью столетиями. Но всемирную известность городу принесли те тридцать лет, когда в нем жил Коперник.

Во Фромборке все напоминает о Копернике. Башня, откуда ученый вел свои наблюдения, обдумывал книгу «Об обращении небесных сфер». Знаменитый собор, где Коперник похоронен. Улица у собора, носящая его имя. Музей Коперника...

Во время прошедшей войны древний город был почти полностью уничтожен. Союз польских харцеров решил восстановить его, и Фромборк рождается заново: разрушенные войной здания выглядят теперь по-прежнему, появились новые дома, улицы заасфальтированы, посажены деревья.

Семь лет трудились во Фромборке польские харцеры. 30 тысяч ребят из разных городов и сел Польши были участниками операции «Фромборк-1001». Многие из них награждены памятной медалью — «Почетный строитель Фромборка».

В день 500-летия со дня рождения Коперника, 19 февраля, по городу пройдут харцерские отряды. Над остроконечными шпилями собора, над древними башнями прозвучит песня о Копернике, о Фромборке, опаленном войной и рожденном вновь, о харцерской дружбе и верности.

ФРОМБОРК

Ян ПАРАНДОВСКИЙ

Маленький КОПЕРНИК

РАССКАЗ

Рисунки А. МЕЛИХОВА.

В доме пани Барбары Коперник все ходили на цыпочках. Разумеется, не всегда, а лишь со вчерашнего вечера, когда из Влоцлавка прибыл брат хозяйки, его преподобие каноник [1] Лукаш Ваченроде. Целых два дня он трясся в карете по разъезженным дорогам. Измученный путешествием, он все еще спал, хотя дело шло к полудню. Ваченроде любил и опекал семейство сестры, а после смерти ее мужа стал, по существу, главой этого дома. Недели через две, после пасхи, он заберет всех к себе, во Влоцлавек. А сейчас он спит в алькове, за занавеской. Даже в соседних комнатах прикрыты ставни. Дети с самого утра выдворены из дому.

Вот они стоят рядком, неподвижно, друг подле друга: Кристя, Анджей и Николай. Из сжатого высокими стенами маленького двора, точно из глубокого колодца, они смотрят туда, где светлеет голубой лоскут неба. Дети во что-то напряженно всматриваются. Вдруг Николай срывается и убегает в дом. Он распахивает тяжелые двери, и его пронзительный крик разрезает тишину, старательно оберегаемую со вчерашнего вечера:

— Матушка! Солнце гаснет!

Пани Барбара с испугом оглянулась на альков. В сумраке она все же разглядела, какое бледное у сына лицо и как он судорожно теребил ленты шкаплежа [2]. Но прежде чем к ней вернулся дар речи, мальчик умчался на улицу.

Теперь каноник уж наверняка проснется. Шум такой, точно в городе пожар. Люди бегут и вопят. Пани Барбара выскакивает на улицу, но толпа заталкивает ее обратно в сени. Вся улица Святой Анны заполнена задыхающимися от бега людьми. Пани Коперник трет глаза, ей кажется, что внезапно стало темнеть.

В самом деле стало темнеть. На небе твори-

[1] Каноник — католический священник.

[2] Шкаплеж — два куска освященной материи с начертанным на них именем богоматери, которые носили на груди католики.

лось что-то ужасное. К ясному лику солнца приближался черный, как уголь, круг, он вторгался в него все глубже и глубже. Солнце заметно угасало. В конце концов адский круг накрыл его совсем. По краям темного неба разлились алые зори. Страшно было глядеть, как среди дня в небе замерцали звезды. Вокруг черного солнца, словно взлохмаченные на ветру волосы, забили беспорядочные лучи. Их желтовато-пепельный тусклый свет изменил все вокруг, лица людей стали похожи на лица мертвецов.

Весенний гомон смолк. Птицы в испуге устремились к гнездам. Ласточки не находили своих жилищ под карнизами крыш и бились о каменные стены. Над Вислой — она точно струя серебра, почерневшего от времени, течет к далекому морю — раздался вечерний хор лягушек. Со стороны Нового Мяста, откуда-то из развалин Замка Крестоносцев, вылетели привлеченные тьмой нетопыри. Собаки, поджав хвосты, льнули к людям.

Казалось, в городе наступил день страшного суда. Из амбаров на берегу Вислы, из лавок, мастерских, из домов люди кинулись в костелы, но, испугавшись этих темных громад, сбились на рыночной площади, неподалеку от ратуши. «Дева Мария, смилуйся над нами...» — пронеслось, точно гул моря, над собравшимися людьми. Люди кричали и били себя в грудь. Весь Торунь содрогался от человеческих рыданий и колокольного трезвона.

Но это длилось недолго. Еще не смели люди открыть глаза, полные ужаса, как солнце вновь засияло на лазурном небе. Оно казалось чище, чем прежде, точно омылось слезами отчаяния и внезапной радости. Толпа поднялась с колен. Никто не думал уходить. Люди искали друг у друга утешения.

Одна женщина рассказывала другой:

— Дьявол явился на небеса. У него были большие черные крылья и хвост.

— Я видела, как он схватил солнце и спрятал в мешок, — подтвердила другая.

— Да оно тяжелое, слава богу, мешок разорвался, и солнце убежало. Я хорошо видела, как дьявол улетел прочь, вон туда.

Городские стражники несли кого-то на носилках. Впереди шел муниципальный советник и просил толпу расступиться. Все спрашивали, кого несут, — лицо человека было закрыто плащом. Это был зодчий Ханс Бранд. Он работал стоя на лестнице в костеле и, когда солнце погасло, стал поспешно спускаться, да, оступившись, упал и сломал ногу.

— Хорошо, если все беды наши нынче на этом кончатся, — сказал кто-то из горожан. — Жаль, конечно, что Бранд ногу сломал. Трудился он на славу, украшал костел Святого Яна. Не запомнился бы нам еще большими несчастьями день 16 марта 1485 года. Кто знает, что в Кракове делается? Не грозит ли какая-нибудь беда особе всемилостивейшего короля.

Какой-то купец схватился за голову.

— Ох, упаси бог! Валятся на Торунь беды. Только избавились мы от тевтонцев, только приютила нас Польша, как бы снова не пожаловал к нам великий магистр со своим войском.

В доме Коперников тоже было тревожно. Куда-то пропал маленький Николай. Не было его ни в доме, ни во дворе. Пани Барбара без конца охала:

— Народу-то всюду сколько! Задавили мальчика, затолкали!

Каноник, давно уже одетый, ходил по комнате, изредка останавливался перед плачущей Барбарой, строго глядел на нее, не произнося ни слова. Наконец он сказал:

— Успокойся, сестра, я пойду разыщу мальчика.

И ушел.

Толпа на площади поредела. Люди кланялись канонику и целовали его руки. Он шел, оглядываясь по сторонам. Вдруг он увидел у колодца Николая. Мальчик стоял на том же месте, где он стоит сегодня, но тогда он был значительно меньше: у него не было высокого постамента и столетий славы. Вместо небесной сферы, которую он теперь держит в левой руке, он держал свернутый в трубку лист бумаги. Это был его телескоп. Вечерами он смотрел через эту трубку на звезды. Не многое можно было увидеть в такой телескоп. Но и у настоящих ученых в те времена приборы были не лучше. Мать частенько отбирала у Николая эту трубку, чтобы он не простужался вечерами во дворе.

Когда каноник положил Николаю руку на плечо, мальчик от неожиданности вздрогнул.

— Что это было? — спросил он.

— Я тебе дома расскажу.

Дома мальчику пришлось выслушать упреки матери, прежде чем каноник приступил к своему рассказу:

— Ну слушай! Удивителен и разнообразен порядок небесных тел, кои господь всемогущий сотворил, да лишь немногим ученым мужам дано сие умом постичь. Землю нашу господь поместил в центре Вселенной. Как поставил ее господь, так и стоит она неподвижно, подобная огромному шару, по которому рассеяны мы, люди, точно муравьи, копошащиеся на горе. Но против всего света она маленькая. Вокруг Земли нашей есть воздух, а над ним огонь, пылающий и бессмертный.

Пани Барбара вздохнула. Каноник замолчал и удивленно посмотрел на нее. Набравшись смелости, она сказала:

— Ох, братец, ваше преподобие, не по разуму мальчонке такие мудрые речи. В прошлое воскресенье приходил ко мне пан Войцих Тешнер, ректор приходской школы Святого Яна, жаловался, что Николай не больно ретив к наукам. Не все я поняла, что он говорил, да, видать, у Николая ученье не ладится.

— Не прерывай меня, сестра. Никто не во-

Страшно было глядеть, как среди дня в небе замерцали звезды.

лен знать, на что пригоден разум мальчика. В одном он может не угодить мастеру Тешнеру, а в другом преуспеть более, нежели от него требуется. Так вот, малыш, я продолжаю: вокруг нашей Земли есть еще семь сфер, одна над другой, будто колеса или обручи. Каждая сфера сотворена из прозрачного кристалла, и по ним движутся планеты, тела небесные. Первая из них, Луна, скользит по самому меньшему обручу, за ней Меркурий, потом Венера, Солнце, которое больше нашей Земли, затем Марс,

Юпитер и Сатурн — его сфера самая большая. И вот случается так, что Луна промеж Земли и Солнца оказывается, и тогда наступает затмение, как сегодня. Уразумел?

Вбежал, запыхавшись, Анджей и закричал с порога:

— Матушка, говорят, пан Ханс Бранд только ушибся, а ногу не сломал. Недели через две все заживет.

Николай вскочил с табурета.

— Погоди, Анджей, потом про пана Бранда скажешь, тут нам дядюшка, его преподобие, дивные вещи рассказывает.

И каноник продолжал:

— Каждый круг, обращаясь, звон производит, а все вместе они в удивительную музыку сливаются.

— Почему ж ее не слыхать? — спросила пани Барбара.

— Потому, что мы при этом звоне рождаемся и всю жизнь слышим его. А над теми обручами есть сфера небесная, голубая, из прозрачного кристалла. К этой сфере прикреплены малые и большие звезды. Звезды сами двигаться не могут, они вместе со сферой вокруг Земли обращаются. А над звездами теми находятся эмпиреи — обиталище святых.

— Ниспошли нам, господь, вечные милости твои! — перекрестилась пани Барбара.

— Аминь! — сказал Лукаш Ваченроде.

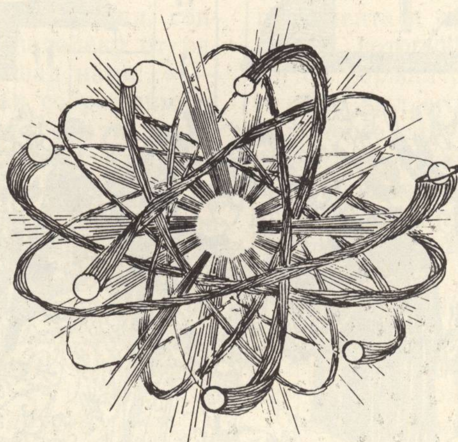
Глаза у Николая были влажны от слез.

— Спасибо, ваше преподобие. Одно мне удивительно, как это Солнце, такое большое, такое ясное, такое... даже сказать не умею... Вот сегодня оно ненадолго скрылось, и сразу холодно стало... Люди о конце света заговорили. Как же это Солнце ходит вокруг нашей маленькой Земли, точно раб покорный?

Преподобный Лукаш Ваченроде положил Николаю руку на голову.

— Не удивляйся, Ничек, так оно есть, и так будет всегда.

Перевел с польского
Михаил ЛАНДМАН.

Ты прочитал рассказ, который нам прислал польский журнал «Пломык», и как будто побывал в старинном польском городе Торуни — в тот далекий день 16 марта 1485 года, когда на город опустился мрак и поглотил Солнце...

Потом вместе с маленьким Николаем Коперником, потрясенным страшной картиной, ты слушал рассказ его дяди-каноника. Помнишь, он говорил, что господь поставил нашу неподвижную Землю в центр Вселенной, а вокруг на хрустальных сферах укрепил движущиеся планеты. И Солнце, говорил Лукаш Ваченроде почти пятьсот лет назад, всего лишь одна из этих планет.

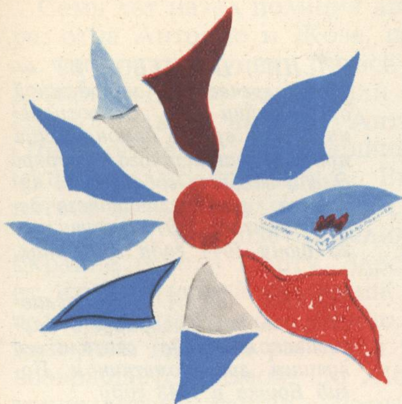
Сегодня, в век покорения космоса, тебе кажется невероятным, что когда-то люди верили в подобные сказки. Однако это было именно так: долгие полтора тысячелетия — до Коперника — человечество считало именно Землю, а не Солнце центром Вселенной.

Больше того, Николай Коперник, будучи уже взрослым, считался знатоком этой теории (по имени ее основателя — греческого ученого Птолемея — теорию назвали птолемеевской). Долгие годы Коперник работал, стремясь усовершенствовать и упростить сложные математические построения и выводы Птолемея. Размышляя над ними, он и пришел к своему гениальному открытию: птолемеевская система неверна! Центром нашей планетной системы может быть только Солнце. Земля же — просто рядовая планета.

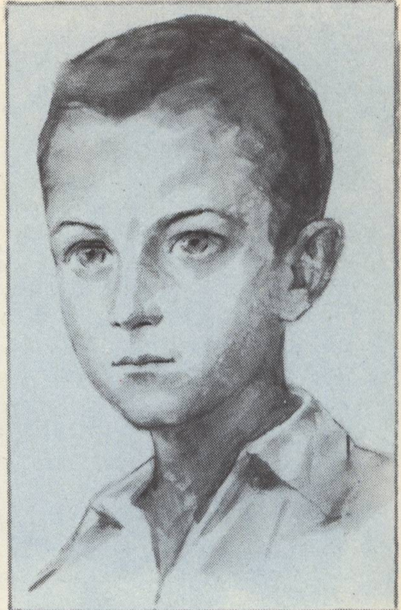
Подумай, какой силой ума, какой самостоятельностью мысли и мужеством должен отличаться ученый, чтобы пойти против всех и особенно против могущественной церкви. А служителей церкви очень устраивала система Птолемея: Земля от века создана господом богом и неподвижно покоится в центре Вселенной.

Коперник первый смог доказать, что учение это ложно, и тем самым открыл дорогу для развития науки и разума.

Международный пионерский клуб «Товарищ»

8 февраля— День юного борца—антифашиста

ДАНИЭЛЬ ФЕРИ — комсомолец. Он распространял «Юманите», газету французских коммунистов. Погиб Даниэль 8 февраля 1962 года во время антифашистской демонстрации против войны в Алжире.

МИТКО ПАЛАУЗОВ — болгарский пионер, который сражался за свободу своей родины во время второй мировой войны. До сих пор в народе живут легенды о «маленьком партизане».

К борьбе
За солидарность, мир и дружбу
будьте готовы!

Всегда готовы!

Immer bereit!

Zawsze gotowy!

Aina valmiit!

Altid beredt!

Хэзээд бэлхэн!

В. ЧУКАНОВ

Там, где идет борьба

DOCUMENTOS DO CC DO PCP

Na 5.ª pág. documentos aprovados na reunião de Maio de 1972:

Apelo do C.C. do PCP.

Saudações ao PT do Vietnam, à FNL do Vietnam do Sul e aos camaradas presos.

Avante!

ÓRGÃO CENTRAL DO PARTIDO COMUNISTA PORTUGUÊS

CONSOLIDAR E ALARGAR A UNIDADE ANTIFASCISTA!

GUERRA COLONIAL

PELA SEGURANÇA E A PAZ

EM ANGOLA

То, что ты видишь, не листовка, это газета «Аванте» («Вперед») — Центральный орган Португальской коммунистической партии.

Небольшой листок тонкой, как папиросная, бумаги (меньше одной страницы «Пионерской правды») легче спрятать и удобнее переправлять с места на место — распространять. Коммунистическая партия работает в подполье, и «Аванте» печатается нелегально.

Если полицейский увидит у кого-то «Аванте», этого человека немедленно арестуют, а газету тут же уничтожат. Газета коммунистов несет людям правду. Фашистское правительство Португалии боится ее. Боится коммунистов.

Узнает полиция, что ты коммунист,— бросят в тюрьму, помогаешь коммунистам— тюрьма, сочувствуешь коммунистам — тоже тюрьма.

8 февраля — День юного борца-антифашиста

ЭЛЕНИ ПАПАГЕОРГИУ — член греческой молодежной организации Сопротивления. Во время демонстрации против фашистского террора Элени закрыла собою дуло пулемета, расстреливающего демонстрантов. Это случилось 25 июня 1944 года в Афинах.

БОШКА БУХА — югославский пионер. Товарищи в партизанском отряде считали его лучшим гранатометчиком. Погиб Бошка в 1943 году.

Фашисты у власти. И вот до чего они довели страну: в Португалии очень высокая смертность, самые низкие расходы на образование. Большая часть государственных денег (сорок процентов) тратится на войну в Анголе, Мозамбике, Гвинее (Бисау), которых португальские колонизаторы хотят заставить по-прежнему оставаться в рабстве, и еще — на армию и полицию, которые должны всех держать в постоянном страхе.

Но страх больше не удерживает людей от борьбы за свободу и независимость. Все больше и больше португальцев встает в один строй с коммунистами. И не только взрослые. Дети Португалии — бесстрашные и верные помощники коммунистов.

Мальчишки забастовали

Карлуш помнит, как мастер привел Рафаэля в цех. Сказал: «Будешь работать здесь»— и ушел. А Рафаэль стоял неподвижно и не знал, за что и как браться.

— Сколько тебе лет? — спросил Карлуш.

— Десять.

— Давай покажу, что делать...

В перерыве Рафаэль без сил повалился на тачку с песком и уснул. Рабочие возмущались:

— Зачем берут таких маленьких на завод?

Кто-то сказал:

— Его отца недавно арестовали. Говорят, он коммунист.

С того дня Рафаэль и Карлуш стали работать вместе: подвозили песок для формовки — четыреста метров до склада, четыреста обратно, грузили на машины тяжелые мешки с песком. Рафаэль сильно уставал, но старался не подавать виду: после ареста отца он остался в семье за старшего.

Отец рассказывал ему, что дети на заводе работают, как и взрослые, а платят им в три-четыре раза меньше. Теперь Рафаэль сам убедился в этом.

Отец говорил еще: на стекольном заводе очень много ребят, и если все они забастуют, то завод остановится. И Рафаэль сказал однажды Карлушу:

— Почему вы не требуете повысить зарплату?

Карлуш рассмеялся: о чем говорит этот новенький?! Пусть скажет спасибо, что получил работу. За воротами полно желающих! И в их городе Маринья Гранде и во всей Португалии.

Но Рафаэль не сдавался:

— Потому и взяли, что платят в четыре раза меньше. Устроим забастовку, и им придется пойти на уступки.

Маленький Рафаэль готов был постоять за себя и за товарищей, и он нравился мальчишкам в цехе.

Однажды он заболел, и на его место сразу же взяли другого. Впервые мальчишки не промолчали, вступились за Рафаэля.

— Забастовка? — орал управляющий.— Всех выгоню!

Но ребят поддержали все рабочие. Завод остановился. И хотя забастовки в Португалии запрещены, управляющий не рискнул вызвать полицию.

Рафаэль вернулся в цех.

Отец был бы доволен тобой

Семь лет назад полиция арестовала Перейра, отца Антонио и Жозе, потому что узнала, что он коммунист. За все это время повидаться с отцом разрешили всего два раза. На последнюю встречу Антонио не пошел. Отец догадался: его старший сын стал коммунистом, подпольщиком. Ему опасно попадаться на глаза полицейским...

Антонио и Жозе поселились теперь на окраине города Порту. Здесь никто не знает их настоящей фамилии. Соседи и квартальный видят, что Антонио, как и все, каждый день идет на работу и вместе со всеми возвращается домой. Но Жозе знает: у Антонио совсем другая — партийная работа.

Жозе так хочется встретить брата с работы, но ему никак нельзя выходить на улицу: пусть соседи думают, что он живет в деревне у бабушки и приезжает к брату только в выходные дни и на каникулы. Иначе квартальный потребует, чтобы брат отправил его в школу, и тогда выяснится, кто они такие на самом деле.

И Жозе сидит дома. Два раза в неделю у них бывает друг отца, дядя Педро Моралес, занимается с Жозе, чтобы он не отстал от ребят, которые учатся в школе. Как-то дядя Педро сказал Жозе:

— Ты уже подрос, сынок, пора и тебе помогать брату.

А вечером дядя Педро и Антонио притащили в дом огромный черный чемодан — в нем был печатный станок. Жозе уже видел такой станок у товарища брата. Дядя Педро сказал, что они будут печатать листовки и газету «А Терра» («Земля»), которую коммунисты выпускают для крестьян. И стал показывать Антонио и Жозе, как управляться со станком.

Прошло время, и Жозе освоил печатное дело. Дядя Педро и брат были им довольны, и как-то дядя Педро сказал Жозе:

— Отец был бы доволен тобой!

Однажды ночью Антонио велел брату быстро собраться, они уложили станок в чемодан, отнесли к реке Дауро и погрузили на баркас — передали в другие надежные руки. Антонио объяснил, что опасно печатать газету все время в одном месте. Теперь партия поручит Антонио другое дело, и Жозе (он это твердо знает) будет ему помогать.

Посылки из Москвы

Раз или два в неделю отец потихоньку включает приемник, и они вместе слушают Москву, бой кремлевских курантов. Это, конечно, запрещено, но они все-таки слушают радио.

Раньше Изабелла не знала, что есть такая страна, где все богатства и власть в руках народа. Она и предположить не могла, что где-то все взрослые имеют работу, а все дети ходят в школу...

Как-то, когда Изабелла сидела, затаив дыхание, у своего приемника, она услышала голоса советских пионеров. Пионеры говорили о своей солидарности с португальскими коммунистами, рассказывали, что посылают для детей коммунистов, и в первую очередь для детей политзаключенных, подарки.

— Они посылают свои подарки по почте? — спросила у отца Изабелла.

— Нет,— ответил отец,— подарки советских ребят провозят смелые люди — коммунисты. С большим для себя риском.

В день рождения Изабеллы отец принес ей коробку. Изабелла открыла ее и замерла: там оказался красный пионерский галстук и очень красивая открытка — на ней Изабелла увидела Красную площадь, Кремль и Мавзолей...

Подарок ей прислали из Москвы Женя Федотова и Таня Иванченкова — члены клуба

интернациональной дружбы Московского Дворца пионеров.

ЖЕНЯ ФЕДОТОВА:

— Мы сидели и переводили статьи из «Аванте». (В нашем клубе все учат какой-нибудь иностранный язык. Я — испанский.) И вдруг прибежал кто-то из ребят и кричит: «Ура! Письмо из Португалии!» Прочитали. Оказывается, от Изабеллы письмо. Она благодарит нас с Таней за подарок...

Честно говоря, я чуть не заплакала. От волнения и от радости, наверное. Хорошо, когда ты можешь кому-то сделать приятное или помочь чем-нибудь...

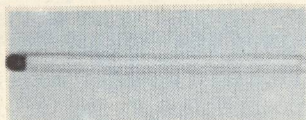
Другие ребята тоже получают письма. Письма к нам приходят даже из страшной лиссабонской тюрьмы Кашиас. Их пишут нам борцы за свободу и независимость Португалии, благодарят за поддержку и помощь. Пока эти письма доберутся до нас, они через сотню рук пройдут.

Когда португальские коммунисты бывают в Москве, они обязательно приходят к нам в КИД. Они считают нас своими друзьями, а мы стараемся сделать все, что в наших силах, чтобы быть настоящими друзьями.

А это письмо из тюрьмы Кашиас. Его странички величиной со спичечную коробку. Написано оно на папиросной бумаге. Известная португальская поэтесса коммунистка Мария Алдо Ногэйра сообщает ребятам, что об их клубе хорошо знают португальские коммунисты и очень высоко ценят их работу. Она посвящает ребятам из интернационального клуба имени Юрия Гагарина стихи «Красная гвоздика».

Красная гвоздика

Querido Amigo: Comovida pela amizade da tua mensagem do Natal de 1966, tão característica e tão cara na sua singeleza. Por detrás das grades salazaristas, símbolo da opressão de todo um povo, sabe bem apertar a mão jovem que de longe, se nos estende, plena de carinho, de compreensão e implicitamente também tão carregada de estímulo.
Foi num movimento da juventude — o MUD juvenil — que comecei a minha actividade de militante anti-fascista. Por isso compreenderás, querido Amigo, que me foi particularmente grato receber a tua carta.

Встала решетка железной стеной
Между вами и мной.
Но не сдержать
Никакой стене
Луч света, летящий
От вас ко мне.
Винтовки стоят смертоносной стеной
Между вами и мной —
Но что мне винтовка
В руках палача?
В мыслях я с вами,
Плечо у плеча.
Дружба ложится дорогой прямой
Между вами и мной.
Я вижу гвоздику
В наших горах.
Я вижу гвоздику
В ваших руках.
Друзей не разделишь глухою стеной.
Я вас обнимаю.
Будьте со мной!

Перевел с португальского
Л. ЯХНИН.

Алваро Куньял беседует с советскими пионерами.

«Дорогие друзья!

Ваша активная солидарность с коммунистами и народом Португалии — неоценимая помощь для нас. Можете быть уверены, что слова поддержки и доверия доходят до Португалии, до подпольных домов партии, до фашистских тюрем и заводских цехов. Эти слова доносят до нас голос братского советского народа, советской молодежи и детей, всех, кого славная партия Ленина ведет по пути к коммунизму.

Алваро КУНЬЯЛ,
Генеральный секретарь
Португальской коммунистической партии.

Борис УКАЧИН

Песня отца

Грустным ли, веселым ли
бывал —
Эту песню мой отец певал:

«Как бы ни был конь
горяч и скор,
На него отыщется узда.
Люди —
не вершины
дальних гор:
Живы будем —
встретимся всегда».

Много ярких весен, бледных зим
Встретил я в моем родном краю.
Нет отца, но я сынам своим
Песню ту же самую пою:

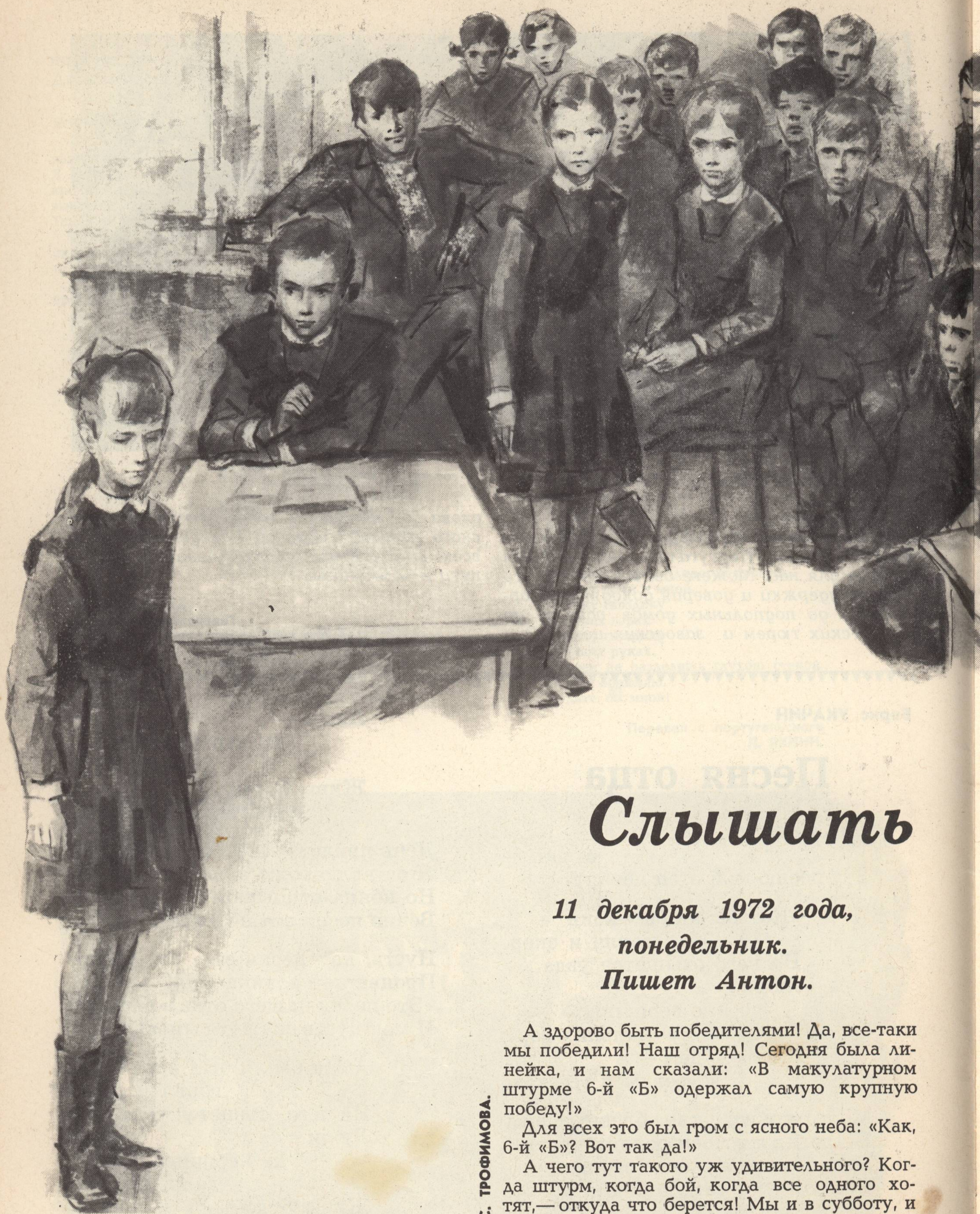
«Как бы ни был конь
горяч и скор,
На него отыщется узда.
Люди —
не вершины
дальних гор:
Живы будем —
встретимся всегда».

День придет — и этот белый свет
Я оставлю тоже в свой черед,
Но конца отцовской песни нет,
Вечно песня эта не умрет.

Пусть, как песня эта, без конца
Процветает родина моя!
«Это песня нашего отца!» —
И мои пусть скажут сыновья:

«Как бы ни был конь
горяч и скор,
На него отыщется узда.
Люди —
не вершины
дальних гор:
Живы будем —
встретимся всегда».

Перевел с алтайского
Илья ФОНЯКОВ.

Сбор. Да мало ли сборов у нас было. Но этот особенный, особенный! Самый важный в жизни нашего отряда... Стоит Танька Петрова на глазах у всего класса. И нечего ей сказать...

Рисунок С. ТРОФИМОВА.

Слышать

11 декабря 1972 года, понедельник. Пишет Антон.

А здорово быть победителями! Да, все-таки мы победили! Наш отряд! Сегодня была линейка, и нам сказали: «В макулатурном штурме 6-й «Б» одержал самую крупную победу!»

Для всех это был гром с ясного неба: «Как, 6-й «Б»? Вот так да!»

А чего тут такого уж удивительного? Когда штурм, когда бой, когда все одного хотят,— откуда что берется! Мы и в субботу, и в воскресенье, и сегодня, в понедельник... А Нелька Лабухова еще притащила из дому (как только справилась с такой тяжестью) двенадцать томов «Детской энциклопедии».

голос трубы!

Она их на весах взвешивала, так вышло, чуть не пуд! Особенно пятый и восьмой тома оказались тяжеленькие. Еле уговорили Нельку взять энциклопедию эту обратно. «Мне,— говорит,— детская и не нужна совсем. У нас,— говорит,— дома взрослая есть. Я ею буду пользоваться». Все были сегодня какие-то взбаламученные, хохотали над каждой чепухой. И даже Ангелина Андреевна в первый раз на уроке улыбнулась и сказала: «Что-то я перестаю узнавать свой класс. Что-то в нем новое...»

После уроков не все бросились в раздевалку. Кто был с нами на штурме, остались. Не хотелось расходиться. И произошла в 6-м «Б» еще одна невиданная вещь: и девчонки и мальчишки как-то перестали держаться своими кучками. И все разговаривали друг с другом просто, даже называли друг друга по именам.

Раньше это бывало, когда никто не видит или, например, когда все в азарте таскали бумагу. А сегодня — прямо в классе. Права Ольга Степанян: мы все сблизились за последнее время. Но жаль, что касается это пока только половины класса. А остальная половина пока еще в стороне.

— А пусть наш отряд и будет из шестнадцати человек,— сказала Нелька Лабухова,— а другие как хотят. И нечего им про штаб говорить. Только испортят!

Эта мысль многим понравилась. Но Мишка сказал:

— То есть, значит, отряд в отряде? Один для формы, а другой настоящий?

— А разве у нас не так, не так? — Это Марат Тухваттулин влез.

— Пока так,— согласился Мишка.

— А надо, чтобы всем было хорошо, не только нам,— добавила Саша Андреева.

Я считаю, что это был очень важный разговор. Вышли из школы всей гурьбой, и ребята по очереди тащили Нелькину энциклопедию. А потом Нелька попросила Вальку проводить ее до дому.

15 декабря, пятница. Пишет Валентин.

Как хорошо нам было в тот день после победы, когда мы шли, дружный отряд командира Саши, и пели! А теперь очень плохо. На нас обрушилась подлость! Но я буду по порядку! Раз уж дневник пишем, буду говорить по порядку.

Сегодня в пять вечера состоялось третье заседание «Клуба язычников» для шестых классов. Наши были, кто интересуется и кому Ангелина велела ходить,— хромающим по русскому языку. Наших человек восемь и ашников человек шесть. Руководительницы у нас очень хорошие — из пединститута, Вера и Света. Вера рассказывала, что слово «Волга» очень древнее, однокоренные к нему — «волглый» (влажный) и «влага», то есть «вода». Такое название может быть только у матери всех русских рек...

Но вообще-то не в том дело! Не хочу я писать по порядку! У нас в отряде подлость! Здесь уж никто не поможет. Даже Саша Большой нам не поможет! Потому что дело такое: касается Антона Багрова и Голубевой Лены. А некоторые очень довольны!..

Когда ашники ушли (заседание было у нас в классе), Танька Петрова отзывает меня: «Есть интересный документ, Осокин. Не знала я, что у нас в отряде... что ваша Леночка такими вещами занимается». А я, чтоб спокойно разобраться, закричал:

— Ты что лопочешь? Какими вещами!

Танька как будто даже обрадовалась:

— Ах, так? Ну тогда все пускай узнают!

И здесь повалил народ — во главе с Бутиной да с Квартальновой, да Кисель сунулся, да Захарова тут как тут, даже Фелька Жарковский — хвала и гордость нашей арифметики — очочки поправил и в общую толпу. Даже Лабухова... Я говорю: «Нелька, зачем ты слушаешь эту абракадабру?!» Но я и сам уйти не мог, а уж она-то что? Простая девчонка. А Танька в это время достает какое-то письмо... Как будто бы Лена его написала Антону: «Дорогой А.— черточка, черточка, черточка — Н.! Дорогой Антон! Ты горишь в моем сердце настоящим идеалом. Хочу с тобой дружить». И еще что-то такое же. А в конце многоточие и «Лена». Я подумал: «Танька! Какая же ты дрянь! Чужие письма читает. А я ее за человека считал... А Ленка! Неужели же не могла по-человечески сказать? Девчонки все одинаковые! Антошка так хотел с ней дружить, именно с Леной! Но теперь, конечно, все пропало навсегда!» И от этого я стал такой отчаянный и злой, что бросился к Таньке сквозь толпу. Мне хотелось вырвать письмо, разорвать его на клочки, уничтожить. Но тут Квартальнова да Захарова прямо грудью стали! Разве таких глыб сдвинешь?! А ударить я не решился. Стало мне понятно, что я не Касьян. И тогда я просто ушел от них. Пусть они никогда не увидят, как я чуть не реву...

Вечером того же дня. Пишет опять Валентин.

Ходил к Антону — его дома нет. Чтобы родители его ни о чем не догадались, стал ждать в подъезде. Продрог весь у этой несчастной батареи, но Антошки не дождался. Видно, он тоже узнал про это. А к Лене Голубевой я идти не могу: не знаю, что ей сказать.

16 декабря, суббота. На уроке истории (3-й урок).

Валька! Жаль, что урок, а то бы я тебе сказал кое-что. Как ты сообразил все это в дневнике писать? Кому это интересно? Эх, ты, а еще друг считаешься!

При чем здесь друг? Я же все как было написал. Или нет?

Пусть! Но зачем было расписывать? Разве это главное в нашем отряде?

Я не понимаю, Антон, если тебя касается,— значит, не писать? Так, что ли?

Да ты пойми, пойми же, Валька! Потом и мне, и Лене, да и тебе стыдно будет читать эту дичь. Ты об этом-то подумал?

А про Касьяна Мишку можно было — как он Захарову стукнул?

Мы тогда двое были. Мы тогда наш с тобой дневник для себя писали. А сейчас и Касьян, Лена и другие многие с нами. И мы, наверное, скоро дадим им его прочитать. Мы должны, раз мы вместе. Конечно, Касьяну будет неприятно про тот случай читать.

Ну хочешь, давай вырвем эти листы?

Нет, погоди. Я хочу все тебе объяснить до конца. Я знаешь еще почему обиделся? Потому что перед Сашей Большим стыдно. Вот, подумает, с какими людишками связался. Одни у них сплетни на уме. А вообще ладно. Я не обижаюсь. Может быть, мы еще над всем этим посмеемся.

Опять 16 декабря. Вечер. Пишет Валентин.

Но посмеяться нам с Антошкой пришлось уже в коридоре. Нина Николаевна увидела нас: «Багров, Осокин! Очень плёхо! Оченьочень плёхо!» А мы ничего понять не можем. Пол-урока дневник друг у друга вырывали, переписывались. А «Плёха» за нами в это время следила:

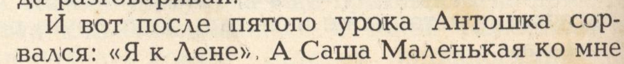
— Ну-ка, дайте-ка сюда, что вы там пишете?

Короче говоря, выставила обоих, но дневник остался при нас. Мы прочитали снова весь наш спор, и Антон сказал: «Ладно, Валь, пусть остается все, как ты написал. На честность так на честность!» А я этому очень обрадовался, потому что чувствовал себя, как канатоходец Тибул: вот-вот сорвусь в пропасть. В смысле, что мы поссоримся...

Кончилась история. Потом геометрия была... И тут по классу поползли слухи. Вернее, не слухи, а просто это видно было невооруженным глазом: Квартальнова ревет. Мы-то с Антошкой не обращали внимания: все силы уходили на разное презрение к Петровой. Да еще Лена в школу не пришла!.. Но Саша Маленькая такие вещи сразу замечает. Она хочет стать детским врачом. И это правильно. Она, я заметил, самая добрая у нас. И все всегда для других. Так вот, по Сашиным данным, Квартальнова Маринка уже чуть ли не пятый платок проревела.

На следующем уроке Саша взяла да и пересела к Маринке, потому что Бутина ушла к Петровой. Выходило, что Бутина с Квартальновой поругались! Это уже вообще землетрясение!

Саша просто так пересела, не для того, чтобы выведывать. Да мы и не подозревали ничего. Стала с ней говорить, в общем, успокаивать. На рисовании что еще делать? Сиди да разговаривай.

И вот после пятого урока Антошка сорвался: «Я к Лене». А Саша Маленькая ко мне

подошла, чтоб я остался и Касьяну сказал. А наши все из класса повалили. Бутина с Петровой Танькой идут. Бутина Каблуку: «Жень, Женя...» И дальше я не слыхал. Да и слушать не хотел! Вот все ушли, гляжу: и Квартальнова с нами осталась и Олька-Степа. Саша говорит: «Ну, Марина, рассказывай, что ты мне рассказала».

А Квартальнова: «Я не могу два раза это рассказывать!» И опять за платок. Саша: «Ну ладно, я сама скажу. Это письмо написала Бутина!..».

Степка:

— Ой!

Касьян:

— Как же на такую подлость она пошла?

Квартальнова:

— Потому что Петрова говорит, что Голубева зазналась и с мальчишками крутит.

— Завидно стало! — усмехнулся Касьян.

— Погоди! — говорит Саша.— Ну и что, Марина?

— И придумали письмо это. А потом жребий... ну, в общем, записки — какую вытянешь. Одна бумажка — письмо своей рукой писать, другая — чтоб в классе всем прочитать. А третья — ничего, просто пустая. И вышло — Бутиной... Ире писать, Петровой читать, а мне ничего...

— А если б тебе читать или писать?! — опять не выдержал Касьян.

— А что я, виновата? Я же не придумывала. На меня вообще все шишки! Ирка Петрову предупредила, что у меня отец от семьи ушел. Чтоб она со мной не водилась. А я, подумаешь, только сказала, что Голубеву ведь тоже жалко.

Касьян сидел понурившись. У него тоже отца нет. А мне было как-то неловко, что у меня вот есть отец. А Степка смотрела в окно и кусала губу. А Квартальнова просто ревела. Саша сказала:

— Идите, ребята, домой!

Так сказала, будто она взрослая. Даже Касьян сразу послушался. И мы трое ушли. А Саша Маленькая осталась уговаривать Квартальнову.

На том и кончилась эта очень плохая история в нашем отряде.

Антона и Лены дома нет.

17 декабря, воскресенье.
Пишет Антон.

Валь, вчера вечером я разговаривал с Леной.

Многого я не могу тебе сказать. Не сердись! Это не лично моя тайна. Даже, вернее, не тайна, а просто... не знаю, как это назвать.

Валя! Я напишу только про самое главное. И давай больше про это не говорить. И никогда меня не спрашивай про это, хорошо?..

Мы с Леной тогда еще не знали ничего про Квартальнову, про Таньку Петрову. Я даже на одну минутку подумал, что это правда Лена написала... Ты заметил, как мне на письма не везет?! Мишка Касьянов написал стихотворение «Барабанщик» и мне послал, а я подумал, что Лена. Теперь вообще письмо от имени Лены, а снова не Лена! Конечно, очень хорошо, что это не Лена сочинила, да? А все же мне было и обидно... Знаешь, Валь, мне так хотелось ну хоть один раз письмо получить от Лены, хотя, конечно, глупо. В одном классе учимся — зачем письма писать? А с другой стороны, вот видишь: уже два письма было из класса — на мое имя. А от Лены ни одного!.. Почему-то мне обидно было, хотя я и радовался, что это не Лена такую чушь написала. Но радовался я как-то без веселья!.. И знаешь еще что, Валь, я взял это все и сказал Лене. Но только не так хорошо, как сейчас, а путано как-то, сбивчиво. Но вообще-то тут ясности никакой особенной и не надо. Тут главное и так ясно!.. И знаешь, что я понял, Валь? Только это, пожалуйста, навсегда между нами. И никому никогда ни слова! Я понял, Валь, что Лена не хочет со мной дружить... Нет. Я неправильно сказал, она будет дружить со мной — ну так же, как с тобой, с Касьяновым, с Лабухой, со Степанян. Но так — знаешь, как иногда дружат, только вдвоем — так она со мной дружить не хочет. Так она хочет дружить с каким-то другим человеком... Я просто не знал, что делать, Валь! Я так растерялся. Только ты про это никому никогда не говори.

Может, Лена с ним уже дружит? А кто этот человек — я пока не знаю...

25 декабря, воскресенье.
Пишем вместе.

Танька после второго урока вдруг вышла к учительскому столу: «Внимание, ребята!» Огарок: «Ну, все ясно: воздушная тревога». А Танька: «После шестого урока сбор: «Отряд полгода на Марше». Вот как у нас получается! Отряд за полгода отчитывается, а ты ничего не знаешь до последнего момента! Мы подошли к Таньке ругаться, а она: «Я звеньевых еще вчера предупреждала». А нас, мол, рядовых, и не обязательно!..

После шестого урока началось. Касьян предупреждал, чтоб только не торопиться. И мы сидели, набрав в рот воды. А говорила Петрова по тетрадке:

«Наш отряд участвовал в различных маршрутах вновь развернувшегося Марша: «Равнение на пионерское знамя» (поход дружбы), «Пионерстрой» (сбор картофеля и сбор старой макулатуры), «Путешествие в страну «знаний» (клуб язычников, участие в авиа- и судокружках)».

Было видно, что это все для нее скука. А не живые дела, как для многих ребят. «А Женя,— говорит,— Каблуков увлекся художественной литературой».

Но тут стало кое-что происходить. Какой-то шум в классе начался. Но не обычный шумок от скуки, к которому так привыкла Танька Петрова. Это был какой-то другой шум — сердитый, хороший! И мы (Антон и Валентин) поняли, что не тот уже 6-й «Б»!

Танька тоже почуяла, что нелады какие-то. «Тихо! — кричит.— Надо же уважать своих товарищей!» Ангелина Петровна сидела молча. Ни капельки Таньке не помогла. А ведь обычно это она утихомиривает...

И все-таки Петрова доползла кое-как до того места, где она всегда говорит: «Ребята, кто хочет высказаться?» Это уже известно, что не для нас, а для звеньевых команда. Вышла наша Степка. И оказалось, что в нашем 3-м звене почти готов фотоальбом «Армения». Антон не выдержал: «Когда? Кто делал?» Олька сказала, что «несколько девочек». Ну, все ясно: Нелька да Олька — вот кто эти «несколько девочек»! Мы сперва хотели развопиться, а потом смолчали: сами же были когда-то своей группочкой! И они группочкой!..

Гарька Комаренко, звеньевой четвертого звена, сказал, что они тоже готовятся к пятидесятилетию СССР, изучают Грузию. И готовят теневую пьесу по грузинской сказке «Золотой кувшин». Но опять выяснилось, все делают Комаренко, да Жарковский, да еще один-два человечка... А уже третье звено!.. Картавцева буквально хлопала глазами. Я, говорит, их звала-звала на экскурсию. Куда? В школьную, отвечает, библиотеку. Ну разве туда нормальный человек пойдет (на экскурсию)? Так она одна ходила, для галочки!..

А сбор уже начал вроде бы закругляться. Уже Алла Доронина шла рассказывать про деятельность своего второго звена. И вдруг Марат Тухваттулин кричит с места: «А можно мне сказать?» Танька говорит: «Ты же видишь, я уже предоставила слово Алле!»

— Ну, вопрос задать хотя бы можно?

От этого Марата не отцепишься, он такой! Танька физиономию такую состроила, что, мол, отрывают ее от важного дела. «Ну, задавай, задавай»,— говорит. «Вот у нас тут выступали, выступали,— Марат кричит.— А так и непонятно, чтó у нас: хороший отряд или плохой». Танька только хотела рыпнуться, Марат: «Не перебивай! Дай вопрос задать!» И дальше: «Если Петрову на совет дружины выпустить, она там отчитается в два счета! Еще и похвалят!» Каблук кричит: «Ну и что, тебе плохо? Класс похвалят!» Тут Лена Голубева спокойненько так встала с места: «Да, плохо! Потому что от таких похвал нам ни тепло, ни холодно. Ты, Таня, стараешься для рапорта, а не для отряда. А у нас есть ребята, которые по-настоящему болеют за отряд и делают...»

«Знаю я,— усмехнулась Петрова.— Знаю я, что они делают. Какие они письма...»

«Замолчи! — крикнула Лена.— Стыдно!..»

Вдруг Саша Маленькая встала и шагает к столу. Там уже стояли Алла и Танька. Танька закричала: «А ты куда, Андреева!»

«Сейчас узнаешь!» — Саша умеет иногда быть такой строжайшей, просто дух захватывает.

«Ангелина Андреевна,— заныла Петрова.— Я не могу вести сбор».

«А по-моему, сбор идет хорошо! — вдруг сказала Ангелина. — Только говорите все по порядку...»

«Я по порядку!» — очень твердо сказала Саша. Потом: «Извини, Лена!» В классе вдруг наступила тишина. А Саша начала рассказывать историю с подлым письмом. Петрова стояла, опустив руки, опустив голову. Только в конце стала теребить хвостик галстука. Когда Саша кончила, Танька сказала среди полной тишины: «Я больше никогда не буду...» Потом пошла к себе за парту, села. И было слышно, как один раз пискнула под ее ногой половица. Алле Дорониной, наверное, неловко было стоять одной у доски, и она начала говорить: «А мы в нашем втором звене...».

— Ну ты что? — сказал Питер.— Совсем, что ли?

Доронина замолчала.

— Садись, Алла,— спокойно произнесла Ангелина Андреевна и пошла на свое учительское место.— Я, ребята, вот что вам хочу сказать...

— Можно выйти? — громко спросил Касьян.

— Пожалуйста! — пожала плечами Ангелина.— Я сейчас думаю не об этой крайне неприятной истории. Я вспоминаю выступление Марата. Его вопрос. А в самом деле, хороший у нас отряд или плохой? Только вот кто у нас сбор вести будет? — Танька подняла было голову, но, встретившись со взглядом Ангелины, опять уткнулась в парту.

— Пусть Степанян ведет! — сказал Валентин.

— Степанян?.

Мы про себя Ольку заклинаем: «Только откажись, только откажись у нас!..» А Степка идет себе спокойно к столу, становится на бывшее Танькино место: «Ребята, кто хочет сказать?» Антон встал: «Письмо это — подлость! Да еще какая. Но не за это мы будем Петрову с председателей снимать!»

— А почемуй-то сразу снимать? — закудахтала Бутина.— Что ли, сам захотел, Багров?

— Уж по крайней мере я получше бы себя вел, а не так!

— Багров-то у нас в председатели просится,— гоготнул Каблук.

— Успокойся, я не себя предлагаю,— отрезал Антон.— А нам надо и с советом отряда разобраться. Когда макулатура была, одна Степанян с нами пошла. Да Алина Набутова.

— Мы не обязаны по ночам работать! — крикнула Картавцева.

— Просто за отряд не болеешь!

И тут шум начался. Антон махнул рукой и сел — он главное сказал!

А потом Лена Голубева очень толково выступила, что отряд, она считает, все же у нас не плохой, а хороший. Но только пока очень недружный. «Леночка у нас за дружбу с мальчиками!» — опять тявкнула Бутина.

Но тут дверь раскрылась. Вошел Касьян и за ним робко четыре первака. Весь класс стоял, рты разинув. Кто-то чего-то сострил. И только несколько человек знали, что сейчас будет!..

Каблук рванулся с места, как ужаленный:

— Можно выйти из класса?

— Стой на месте! — крикнул Касьян.— Все равно не уйдешь!

— Ты еще докажи! — прошипел Каблук.

— Что случилось? — спросила удивленно и встревоженно Ангелина.

— Он грабитель! — крикнул Касьян.

Антон и Валентин рванулись к доске. С «Камчатки» поднялся Толян.

— А ну-ка все по местам! — крикнула Ангелина. Это был ее первый крик за полгода. И все растерялись. Послушно расселись по своим партам. Даже Каблук! Один Мишка остался стоять рядом с четырьмя клопами.

— Говори громко, не бойся! Сколько он у тебя взял? — сказал Касьян.

— Семьдесят пять копеек.

— А у тебя?

— Рубль.

— Рубль! — ахнул Щагин.

— Он не сразу! — сказал Касьян.— Он же у нас хитрый... староста!..

Каблуку теперь достанется по заслугам. Отца вызывают и так далее. Но жалеть такого нельзя! Выбрали нового старосту — Генералову Соню. Человек она надежный, ей верят ребята. За Соню проголосовали все единогласно.

А председатель — Касьянов Михаил. По предложению Антонова—единогласно. Мишка из наших самый подходящий. Да и вообще такому председателю позавидует любой отряд из седьмого или даже из восьмого класса! Теперь дела пойдут!

А заседали мы часа три. Танька-то, небось, думала за полчасика отбояриться. Но вышло по-нашему!

Вперед, 6-й «Б»!

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Дневник продолжается

«Слышать голос трубы» — письма с такой пометкой летят и летят к нам в редакцию. Откуда они? Сережа Вьюков пишет из Воронежской области. Таня Репина — из Калужской. Оля Григорьева и Галя Хатинова — из Краснодарского края. Из Дербента письмо Гены Амурова, из Казани — Оли Гапоновой, из Ташкента — Наташи Сандиевой. Письма с Украины, письма из Казахстана, Армении, с Дальнего Востока...

Все до одного прочитаны в редакции. Всем написавшим спасибо. Очень хорошо, подробно, искренне пишут ребята о своих отрядных делах. Дают добрые советы отряду 6-го «Б».

Во многих письмах одна и та же мысль: «Наш отряд чем-то похож на отряд 6-го «Б» (У. Ани, пос. Большой Камень, Приморский край), «Мне тоже двенадцать лет, и я тоже учусь в 6-м «Б». Класс Антона и Вали очень похож на наш класс» (Таня Демидова, г. Сыктывкар), «Ребята у нас хорошие, но есть и такие, как Каблуков» (Ира Евпак, г. Запорожье).

Часто ребята не согласны сидеть и ждать, пока недружный отряд станет дружным. Вот письмо москвички Иры Гусыниной: «Я просто отлично понимаю Валю и Антона. Немало таких ребят, как они, хотят жить по-настоящему, по-пионерски. Но мало только хотеть, нужно добывать ее, эту жизнь, своими руками».

Верно пишут ребята: маршруты пионерского Марша не для скучных отчетов бывшего председателя Таньки Петровой, а для решительного, интересного действия, для настоящей жизни, в которую смело шагает отряд 6-го «Б»!..

Особенно радуют «Пионер» такие вот письма: «Я прочитала дневник двух мальчиков. Он заставил меня задуматься. Очень прошу ребят поподробнее рассказать о жизни их отряда» (Ира Григорян, г. Свердловск).

Задумываются читатели, сопоставляя события в отряде Антона и Вали с тем, что происходит в их собственном отряде. Точнее оценивают свои успехи и неудачи, яснее видят, как и за что сражаться. Это хорошо.

Авторы писем не только соглашаются с нашими друзьями. Но и поругивают их. За то, что они поначалу больше рассуждали, а делали мало. Что ж, пожалуй, правильно.

И еще были письма лично Вальке: что очень уж он любит разные словечки, прозвища. Мы показали эти письма Вале Осокину, а он.

— Я пишу, как в жизни! Как ребята говорят.

Нет уж, друг! Надо от такой «жизни» избавляться поскорее!

Валька затылок почесал.

— Ладно,— говорит,— постараюсь!..

Константин ИОСИФОВ

3500 отрядов голубых патрулей 65 тысяч ребят участвовало в операции «Живое серебро» в прошлом году они спасли 150000000 мальков; прокопали 38 км. каналов и проток, соединивших отделившиеся озерца с большой водой; выкосили 250 га. растений, засоряющих водоемы; раскрыли 1319 нарушений правил рыболовства; прочитали 19 тысяч лекций о правилах рыболовства и рыбоводства; и еще многое сделали, чтобы рыбные богатства нашей страны выросли

операция... «Живое серебро»... продолжается

Готовы к спасению рыбы?

Легкие домики на высоких ногах-сваях разбежались по чистому полю. Это пионерский лагерь «Солнышко»; собираются в нем ребята старинной казацкой станицы Семикарской. Этим летом в легких, длинноногих домиках поселились еще и гости: голубые патрули из других донских станиц, с Кубани, Ставрополья, Приазовья. Привело их в «Солнышко» общее с семикарцами дело: забота о рыбе, которая живет в их реках, прудах, в море.

Людям, которые заняты одним делом, всегда охота поговорить, подумать, что хорошо получается, что плохо, посоветоваться, как делать лучше, рассказать друг другу о поисках, об удачных исследованиях.

Если ты тоже спасаешь рыбу во время паводков и заморов, охраняешь водоемы от браконьеров, — словом, участвуешь (или собираешься участвовать) в операции «Живое серебро», — тебе интересно послушать этот разговор и высказать свое мнение.

Весна — самое боевое, горячее для голубых патрулей время — совсем близко.

Отличная вещь план

В дни весенних паводков Дон разливается на двадцать четыре километра. И тогда станицы и хутора выглядят крошечными островками

посреди огромного моря. Казачки, вздумав навестить соседку или наведаться за покупками в магазин, снаряжают каюк — моторную лодку-плоскодонку.

А домики лагеря «Солнышко» поднялись ввысь на своих ногах, и никакая вода не страшна ни им, ни их обитателям — голубым патрулям.

Спадает вода, входит в берега, но там и сям остаются озерца — вода непокорная, не пожелавшая возвращаться в Дон. Хорошо, если такое озерцо легко перепрыгнуть, а если его и за пять часов не обойдешь, — сколько там задержится молодых рыбешек севрюги, стерляди, тарани, леща, судака, белуги!

Семикарские ребята из года в год помогают малькам перебираться в Дон и в Сол.

В прошлом году они объехали берега на велосипедах, мопедах и лодках, нанесли все на карту, наметили, где прорыть каналы и ерики, где выкосить траву, мешавшую рыбешкам.

Действовали по плану, организованно, и операция прошла быстро. Не погибла рыба!

Оказывается летом бывают заморы

Летом заморы? Летом же нет льда. Что мешает воздуху отдавать свой кислород воде?

На Азовском море летом стоит жара, и ни малейшего ветерка... Воздух словно застыл, и море не шелохнется.

Горячий верхний слой воды неподвижен и не пропускает кислород в глубины.

Зимой прорубишь во льду лунки, воткнешь в них пучки камыша, и готово дело — воздух поступает в воду. А в воде лунку не прорубишь. И рыба гибнет. Много рыбы.

Ждановские патрули вот что придумали. Сообщат дозорные, что у берегов бычки погибают. Голубые патрули спешат в пионерские лагеря — объявляют аврал. Тысячи ребячьих рук и ног баламутят воду вдоль побережья. Бычки получают кислород и остаются жить. Просто? Просто и мудро.

Спасительные сетки

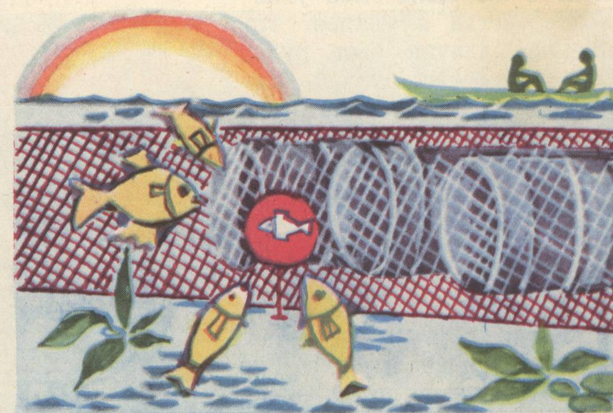
Большие и малые насосные установки качают воду из рек и озер и подают ее на заводы, и фабрики, и поля. Бедные рыбешки! Как часто и их втягивают вместе с водой насосы.

Закон требует, чтобы все насосы ограждались сетками, но разве всегда соблюдают правила?!

Голубые патрули из Каменска-Шахтинского обошли все насосные устройства, посоветовались с теми, кто их обслуживает.

Там, где в сетках были слишком большие ячейки или вовсе сетки вышли из строя, ребята заменили их сетками своей конструкции.

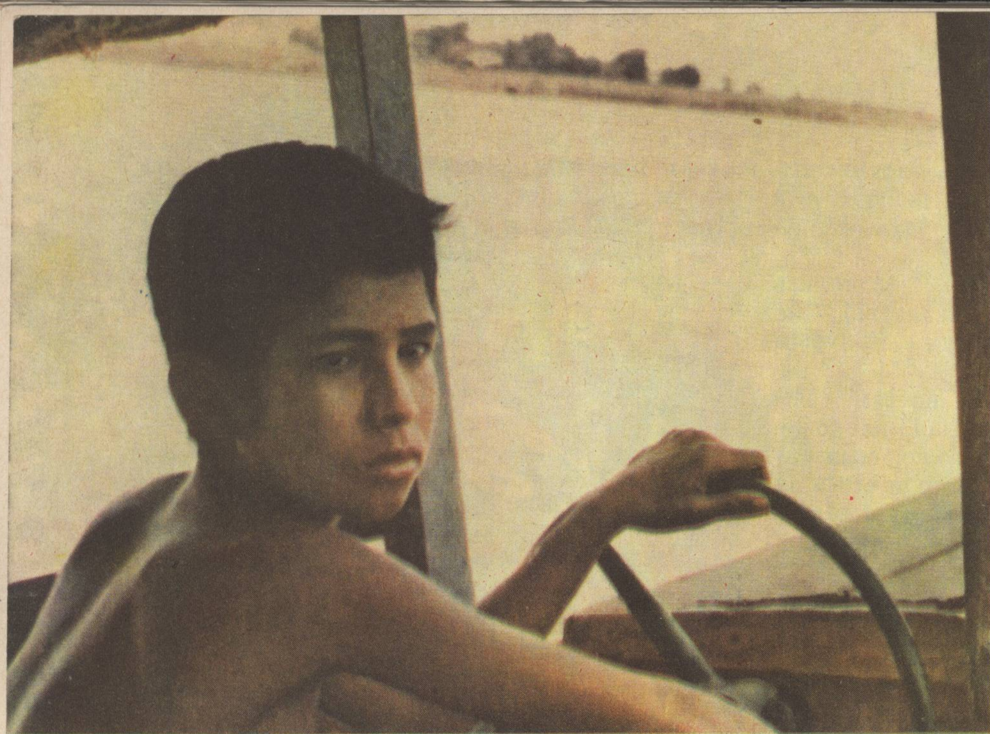
Поток воды, часто сильный и стремительный, прижимает ребешек к сетке, и они гибнут. Каменские ребята предложили прокапывать к засасывающей трубе канал и перегораживать его плетнем или сеткой, и тогда рыбешки останавливаются на безопасном расстоянии от насоса.

Расскажите и вы о том, что и как делаете. Ваши рассказы помогут всем голубым патрулям лучше провести операцию «Живое серебро».

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ.

Рисунки И. КРАСУЛИНА.

Познакомьтесь: это Аманула.

Но мечтает он об Индийском океане, в который несет свои воды река Мегхна. Аманула хочет стать морским капитаном.

АМАНУЛА БУДЕТ КАПИТАНОМ

В. НИКОЛАЕВ, фото автора

Рулевой

Я вышел из машины на берегу реки Мегхны, намереваясь провести день на катере. Мне предложили неказистую деревянную посудину, но с мотором и тентом, защищающим от палящего тропического солнца. Команда ее состояла из двух человек — парня лет двадцати и мальчика-подростка. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что именно мальчик был рулевым! Взрослый парень выполнял обязанности матроса. Он первым выскакивал на землю в тех местах, где я просил остановиться, чтобы сделать снимки, и закреплял трос. Когда я возвращался на борт, он сильно толкал наше суденышко вперед и потом прыгал на палубу. А мальчик сидел за рулем и ловко вел катер по оживленной водной дороге. Его худые, жилистые, но уже мускулистые руки надежно сжимали штурвал, он зорко следил за идущими навстречу судами, уверенно и быстро подходил к берегу. Он был молчалив, даже замкнут. Но в этой недетской сдержанности не было забитости, покорности. Наоборот, он вел себя с достоинством: у него есть свое дело, и он гордится им.

Уже потом, через несколько часов пути, я разговорился с рулевым. Узнал, что ему тринадцать лет и что зовут его Аманула. Работа дает мальчику кусок хлеба и помогает его большой семье.

Край воды и солнца

Профессия Амманулы — одна из самых распространенных и уважаемых в Бангладеш. Эта страна расположена на низменности, в дельте рек Ганга, Брахмапутры и Мегхны. Не сосчитать их притоков и менее значительных речек! Когда летишь на вертолете, то видишь внизу затейливый голубой узор. Нет ни одного населенного пункта, удаленного от реки больше, чем на два-три километра. Небольшую территорию страны (шестьсот двадцать пять километров с севера на юг и четыреста шестьдесят пять — с запада на восток) населяют около семидесяти пяти миллионов человек. С борта вертолета видно, как одна деревня сливается с другой, а та, в свою очередь, с третьей, и так без конца.

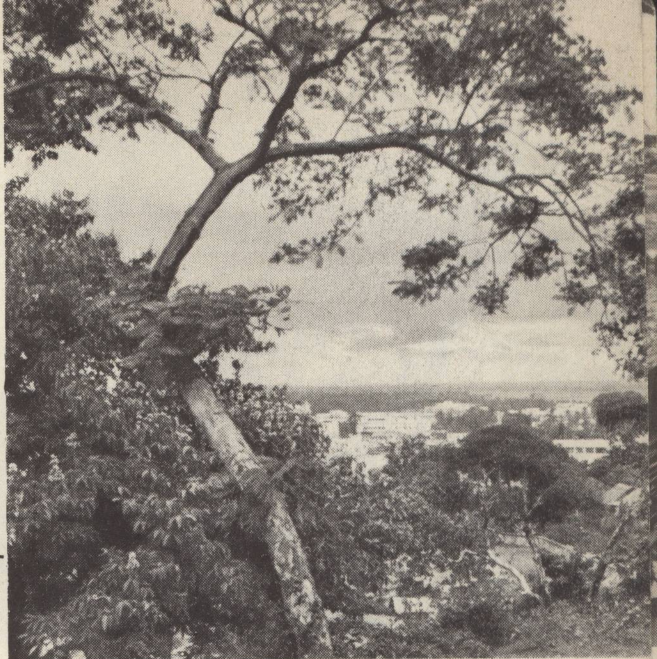
Земля кормит большинство жителей Бангладеш. По-

Многолюдно на улицах Дакки, столицы республики.

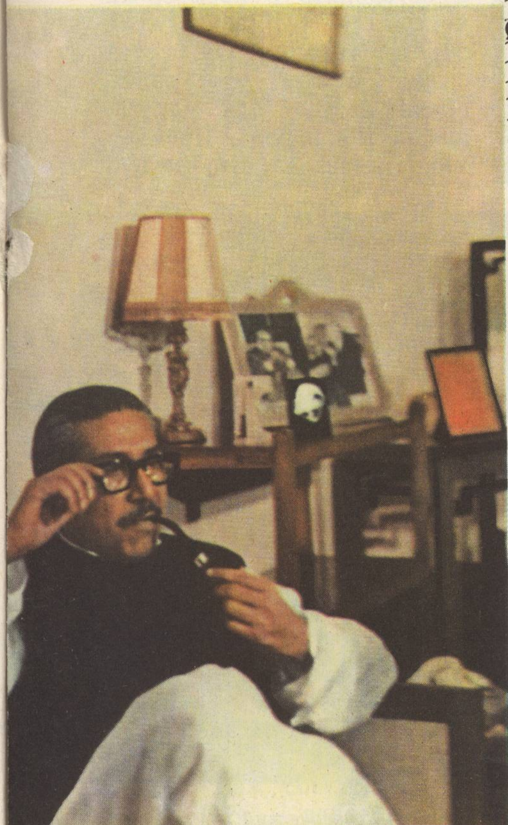

тому так тщательно ухожен каждый ее клочок. Здесь много солнца и влаги, и крестьяне выращивают по два, а то и по три урожая риса и овощей в год. В густых лесах и прибрежных зарослях много диких зверей, водятся здесь слоны и тигры. Реки, озера и Бенгальский залив богаты рыбой. Но люди на этой благодатной земле веками жили в голоде и нищете... Почему?

На этой благодатной земле народ веками голодал.

Премьер-министр республики Муджибур Рахман.

Как это было

Потому что весь Индостанский полуостров издавна был английской колонией. Только в 1947 году бенгальцы вместе с другими народами Индии заставили англичан покинуть Индостан. Но, уходя, они коварно разделили его на два государства — Индию и Пакистан.

Колонизаторы нарочно разжигали здесь религиозную вражду. И они добились раздела бывшей их колонии по религиозному принципу. В Индии множество религий, однако большинство населения исповедует две веры — индуистскую или мусульманскую. В Индии большая часть населения — индуисты, а в Пакистане — мусульмане.

В чем же коварство и несправедливость такого раздела? А в том, что он усилил религиозную рознь и создал огромные трудности в экономике обеих стран. Скажем, джутовые фабрики отошли к Индии, а плантации джута — к Пакистану. Люди одной и той же национальности оказались по разную сторону границы. Пакистан, кроме того, состоял из двух частей — западной и восточной. Они были удалены друг от друга на тысячу шестьсот километров.

Так колонизаторы посеяли раздор между Индией и Пакистаном, а также между

Вот так бангладешские крестьянки очищают рис.

Идет разгрузка цемента. Из этого цемента и бамбука (вдали вы видите много плотов) будут построены новые школы и дома.

года назад на страну. Еще во времена английского владычества Бенгалия была очень отсталой. Крестьяне не знали ни машин, ни удобрений, ни современной обработки земли. Я сам видел, как серпом жнут рис крестьяне, как пашут на волах деревянным плугом, видел, в каких убогих хижинах ютятся люди.

Мне довелось встретиться и поговорить с премьер-министром республики Муджибуром Рахманом. Он рассказывал о том, что делает правительство для улучшения жизни народа. Премьер-министр сказал, что республика будет строить социализм. У капиталистов отняли джутовые фабрики и передали их народу. Джут — главное богатство республики. Выращивают его здесь с давних времен. Всем нужен бенгальский джут. Из его волокон изготовляют пряжу, которая хорошо окрашивается, прочна, легко впитывает воду. Из джутовой пряжи делают мешки, декоративные и обивочные ткани, ковры, брезент, канаты, веревки. Раньше на бенгальском джуте наживались капиталисты из Лондона и Нью-Йорка. Теперь народ сам распоряжается своим богатством.

На металлургический завод в Читтагонге автор попал в обеденный перерыв. Сталевары отдыхали.

двумя частями Пакистана — западной и восточной.

Восточный Пакистан — сельскохозяйственный район. Западный — более индустриальный. И получилось так, что восточная часть Пакистана — Бенгалия превратилась в зависимую, эксплуатируемую полуколонию Западного Пакистана.

Правители страны угнетали и грабили свою восточную провинцию. И бенгальцы снова поднялись на борьбу, на этот раз против западнопакистанских властей. В декабре 1970 года партия Народная лига во главе с Муджибуром Рахманом одержала победу на местных выборах. Выборы показали, что весь народ против правителей Западного Пакистана. Это, разумеется, им не понравилось. Армия стала жестоко подавлять освободительное движение. Были убиты сотни тысяч патриотов, а Муджибур Рахман брошен в тюрьму.

Тогда бенгальцы взяли в руки оружие. Много было пролито крови. Но в конце концов патриоты победили. В 1971 году на территории Восточного Пакистана было создано новое независимое государство — Народная Республика Бангладеш.

Как видите, сверстникам Аманулы пришлось пережить немало. Я никогда не забуду, как в Дакке, столице республики, дети на моих глазах играли в... расстрел. Не в войну, не в разбойников, а в расстрел. Дети старательно копировали то, что недавно происходило на их глазах, и, может быть, не один раз.

Трудное начало

Хозяйство молодой республики сильно пострадало от войны. Огромные потери принес и небывалой силы циклон, обрушившийся два

Он взял в свои руки и текстильную промышленность, и сахарные заводы, и электростанции, и почти все банки.

Новая жизнь пришла и в деревню. Тем, у кого никогда не было земли или ее было очень мало, государство передало поля и плантации помещиков.

В Бангладеш очень много детей, и государство заботится о том, чтобы все они были сыты и могли учиться. Что такое школа, книги, кино, до недавних пор не представляли себе не только ребята, но и многие взрослые: подавляющее большинство населения Бангладеш неграмотно. Сегодня в республике печатаются учебники, строятся новые школы.

Идет подготовка и к созданию детской организации. К нам в Артек, на V Всесоюзный слет пионеров, уже приезжала первая делегация бенгальских ребят.

Друг рядом

В своей поездке по республике я на каждом шагу с радостью ощущал, с какой любовью относятся бенгальцы к нам, советским людям. СССР — верный друг Бангладеш. Здесь самоотверженно трудятся наши врачи, летчики, моряки.

В дельте реки Карнапхули расположен самый большой порт — Читтагонг. Это главные торговые ворота страны, и, если они будут закрыты, пострадает все хозяйство молодой республики.

Тут работают советские водолазы и моряки, очищают порт Читтагонг от мин и затопленных во время войны кораблей. Работают в тропическую жару, в мутной, илистой реке, которая к тому же очень своенравна. Океанские приливы и отливы дважды за сутки поднимают и опускают на несколько метров уровень воды — попробуй-ка к этому приноровиться!

Я видел, как водолазы готовили подъем греческого танкера «Авлос». Длина корабля — почти сто метров, водоизмещение — шестнадцать тысяч тонн. Танкер разломан пополам. Прежде чем поднять обе части и удалить их из реки, водолазам нужно тщательно обследовать все отсеки корабля, найти пробоины, измерить остатки нефти.

Из-за ила водолазам приходится работать на ощупь. По их рассказам составляются чертежи, без которых нельзя начинать работы по подъему. Подводная вахта длится всего полчаса — слишком уж высока температура воды. А тут еще приливы и отливы.

Трудно. Очень трудно, но благодаря героическим усилиям наших моряков Читтагонгский порт работает уже почти на полную мощность.

Великий певец Бенгалии, выдающийся поэт и мыслитель Рабиндранат Тагор писал в 1930 году о советских людях: «Все их старания направлены помимо собственного народа в равной степени и на благо других народов». Сегодня в Бангладеш слова Тагора звучат с особенной убедительностью.

Я не мог не вспомнить этого великого бенгальского гражданина, глядя на сидящего за штурвалом катера

Порт Читтагонг — ворота страны, во время войны он сильно пострадал.

Аманулу. О будущем таких вот мальчишек всю жизнь думал Рабиндранат Тагор. Он создавал для них школы, верил, что грядущее поколение бенгальцев будет свободным. И вот это время пришло. Будет водить по морю корабли капитан Аманула, сын свободной Республики Бангладеш.

Вот наши водолазы и моряки. Они подготавливают подъем затопленного танкера «Авлос».

НАША АВИАЦИЯ

ИНТЕРВЬЮ
С ИВАНОМ ИВАНОВИЧЕМ РЫШКОВЫМ
ФЕВРАЛЯ

Герой Советского Союза, заслуженный пилот СССР Иван Иванович Рышков вот уже сорок лет водит самолеты, у него почти двадцать три тысячи часов безаварийного налета, пройдено около десяти миллионов километров воздушных дорог...

Наш корреспондент недавно встретился с Иваном Ивановичем.

В феврале исполняется пятьдесят лет гражданской авиации

СССР. Скажите, Иван Иванович, как изменился за эти годы Аэрофлот?

И. И. Рышков. Первая в Советском Союзе регулярная пассажирская авиатрасса Москва — Нижний Новгород открылась в 1923 году. Летал на ней аэроплан «АНТ-2». Четыреста восемь верст он пролетал почти за три часа. Мой «ИЛ-62» за это время успевает долететь от Москвы до Алма-Аты, а сверхзвуковой пассажирский «ТУ-144» — до самого Хабаровска.

Первым цельнометаллическим аэропланом «АНТ-2» управлял один пилот. Летал он на

Рисунки А. МЕЛИХОВА.

Какие самолеты нарисовал здесь наш художник?

Что ты знаешь о них?

Победителей викторины ждут призы журнала «Пионер»

небольшой высоте, без связи с землей, ориентируясь по рекам и железной дороге. Теперь в самолете трудится целый экипаж: два пилота, штурман, бортмеханик, радист. В их распоряжении точные приборы, автоматика, электронно-вычислительные машины.

Но это вовсе не значит, что пилотам стало легче управлять самолетом. Без человека умного, технически образованного современный самолет не полетит. Знаете, сколько операций выполняет каждый член экипажа, например, при посадке? Больше трехсот!

Сегодня за несколько часов самолет может доставить нас в самый отдаленный уголок страны. А можно без посадки перелететь, скажем, в Австралию?

И. И. Рышков. Наши самолеты летают в шестьдесят четыре страны. А началось все с маршрута Москва — Берлин, открывшегося в 1926 году. Летчик Николай Петрович Шебанов пролетал его за 14—15 часов с несколькими посадками. Теперь «ИЛ-62» летит до Берлина два часа, а «ТУ-154» — и того меньше.

В девятой пятилетке Аэрофлот проложит новые воздушные линии. Планируются первые пассажирские рейсы и в Австралию.

А какие, Иван Иванович, появятся новые самолеты?

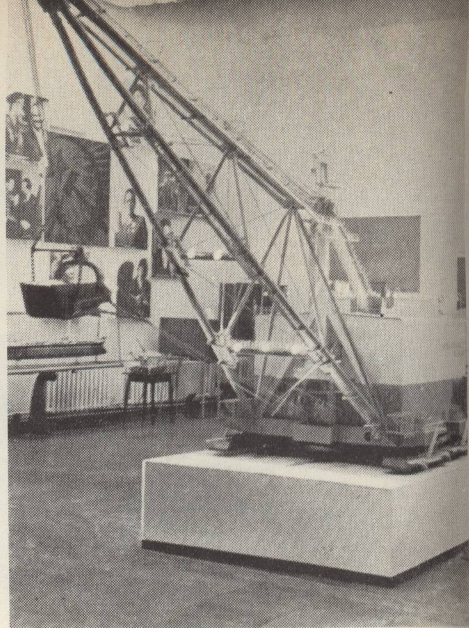
И. И. Рышков. Год назад в свой первый пассажирский рейс стартовал самолет «ТУ-154».

Скоро примет на борт 198 пассажиров «ИЛ-62М». Эта машина может пролететь без посадки десять тысяч пятьсот километров.

Успешно прошел испытания самолет «ЯК-40М». Будут и новые самолеты для перевозки грузов. Взлетный вес воздушного гиганта «ИЛ-76» — более 150 тонн. Выйдет на воздушные дороги «ТУ-144». Он откроет эру пассажирских сверхзвуковых полетов.

Вы, ребята, когда вырастете, будете летать на самых удивительных в мире самолетах.

Труд, мастерство, поиск

Что такое НТТМ?

Это эмблема Выставки научно-технического творчества молодежи, которая проходила в Москве на ВДНХ. Ее лозунг: «Пятилетке — ударный труд, мастерство и поиск молодых!»

В нашей стране огромное множество молодых изобретателей — 24 миллиона!

Рационализаторские предложения ребят из ПТУ только за один год дали государству экономию в 1 миллион 627 тысяч рублей.

На выставке были показаны десять тысяч лучших работ молодых изобретателей и рационализаторов нашей страны и братских социалистических стран.

Дом, который построил лазер

Понятно, что лазерный луч не стелил паркет и не клеил обои. Он проверял точность монтажа: следил, чтобы вертикали были вертикалями, а горизонтали — горизонталями. Для этого лазерные лучи пропускали через отверстия, по которым проходят трубы.

Раньше это делали с помощью других обычных оптических приборов. Но для них нужен свет, а лазер может работать и ночью и к тому же гораздо точнее.

Лазерный прибор для строителей создан нашими друзьями из ГДР, в клубе молодых техников при Берлинском домостроительном комбинате.

Бумажный скворечник

Скворечник этот необычный: он сделан из бумаги, проклеенной для прочности жидким стеклом. Такие скворечники намного легче деревянных, и их проще изготовить на заводе.

Сконструировали «гнездовье для птиц» — так очень серьезно назывался этот экспонат — молодые инженеры и рабочие Яснополянского экспериментального комбината картонно-бумажной тары. Именно сконструировали: когда изделие собираются делать тысячами, нужны строгие чертежи, даже если это изделие — просто скворечник.

Тележка без колес

Есть корабли на воздушной подушке, проектируются такие же поезда. А школьники изготовили тележку. Маленькую тележку, на которой можно перевезти большой груз — до полутора центнеров.

На металлическую плиту кладут груз, включают мотор, и вентилятор нагнетает воздух под плиту, создает воздушную подушку. Она и заменяет колеса. Тележка слегка приподнимается над полом, и стоит лишь слегка потянуть ее за ручку, как нагруженная до предела тележка легко, не касаясь пола, заскользит по воздуху.

Адрес изобретателей-школьников — Румыния, город Галац.

Строгий глаз фотоэлемента

Молодой инженер А. П. Гришков создал электронный прибор, который точно, до одной сотой секунды, регистрирует результаты конькобежцев и легкоатлетов.

Прибор включается от выстрела стартового пистолета и выключается в то мгновение, когда строгий глаз фотоэлемента заметит, что спортсмен пересек линию финиша. Прибор отмечает время не одного, а шести спортсменов на каждом круге и на всей дистанции и сразу же печатает результаты.

Автомобиль из пластмассы

Что за выставка без автомобилей? Конечно же, автомобили есть и на этой выставке. Вот они, элегантные двухместные машины, развивающие скорость до 140 километров в час. Их особенность — легкий и прочный кузов из стеклопластика.

Макет— не игрушка

Вот перед вами макет газотурбовоза, сделанный в московском ПТУ № 129. На нем можно обучать будущих машинистов. Или макет танкера «Рихард Зорге», который сделали ребята из Туапсе (ПТУ № 9). Корабли обычно строят в единственном экземпляре, и, когда корабль в плавании, его устройство изучают по макету.

Был еще на ВДНХ макет шагающего экскаватора ЭШ-80/100. Он занимал почти треть огромного зала (посмотрите на верхний снимок). Макет большой, потому что огромна сама машина: своим ковшом она вынимает сразу сто кубометров породы! Такую машину не внесешь в класс, не отправишь на выставку...

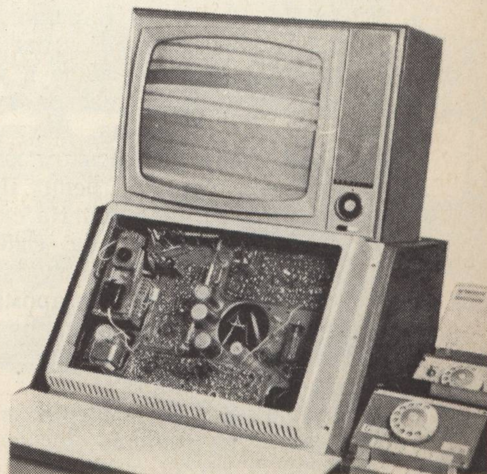
Экскаватор сделан в Свердловске, на знаменитом «Уралмаше», и его уменьшенная копия тоже прибыла с Урала, из ордена Трудового Красного Знамени ПТУ № 1. Модель показывали в действии несколько раз в день, точно по расписанию, как в кино. И к началу каждого сеанса вокруг собиралась толпа...

Мнимый больной

Это был телевизор как телевизор. Только, конечно, открытый. Рядом — его схема. В эту схему можно внести 125 неисправностей. Конечно, не все сразу, а по одной или по нескольку. Причем для этого не надо ковырять отверткой и разрывать проводки, а просто набрать на диске, вроде телефонного, условный код неисправности: срабатывает переключатель, и в схеме происходит неполадка. Это и есть тренажер неисправностей ТТН-100. Сделали его молодые ашхабадские мастера из ПТУ № 5.

А будущий телевизионный мастер, вооруженный хитрыми приборами, старается починить этот хитрый телевизор — найти и исправить неполадку. И как только он сделает все правильно, на тренажере загорается лампочка: телевизор в порядке! Вот так ТТН-100 помогает обучать телемастеров.

М. ГУРЕВИЧ, О. ЛИБКИН

«...ШЕЛ Я ЗА КОЛОБКОМ...»

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
М. М. ПРИШВИНА

Михаил Михайлович Пришвин никогда не расставался со своей записной книжкой.

«Ветрено, прохладно и ясно. В лесу «лес шумит», и через шум слышна яркая летняя песенка подкрапивника.

Лес шумит только вверху, в среднем ярусе, в молодом осиннике только дрожат и чуть слышно постукивают друг о друга нежные круглые листики. Внизу, в травах, полная тишина, и в ней, слышно, работает шмель».

Несколько строк из рассказа Михаила Михайловича Пришвина — и читатель слышит трепетный шелест листьев, видит, как одна ветка толкнула другую, как заволновались верхушки деревьев...

Здесь, в лесу, часто можно было увидеть писателя сидящим на пеньке с записной книжкой и карандашом в руках.

Одна из первых книг Пришвина называлась «За волшебным колобком». Это поэтический рассказ о его путешествии на север. Волшебный колобок приводит нас в неведомую, чудесную страну солнечных ночей, где солнце не заходит, а купается в безбрежном океане, окрашивая его в багровый цвет. Здесь, по лесным дебрям, горным хребтам и озерам, вместе с охотниками и рыболовами-поморами кочует писатель.

Страстный путешественник, неутомимый исследователь родной природы, где только ни побывал Пришвин: и в Карелии, и на Урале, и в Сибири, и на Дальнем Востоке.

Семья Пришвиных жила в усадьбе около деревни Хрущево, Орловской губернии, в двадцати верстах от Ельца. Двухэтажный деревянный дом стоял на высоком холме недалеко от живописных берегов реки Пальны, заросших ольхой и плакучей ивой. На склонах холма был большой фруктовый сад. Заберется Миша в глубину сада, бросится в густую, сочную траву, с наслаждением вдыхает аромат земли, цветов, трав. Над головой тонкое кружево переплетающихся веток. Луч солнца едва пробивается сквозь густую листву.

Хорошо лежать и смотреть в далекое небо, по которому неторопливо плывут облака. Мише кажется, будто это корабли и плывут они далеко-далеко — в заповедную страну. Вот бы и ему с ними...

А вечером, когда солнце зайдет за Пальну-реку и в темноте скроются все тропинки и канавки, прибежит Миша к няне и ждет, когда она начнет сказывать сказку. Няня рассказывает, а он на себя переводит, будто все чудеса с ним случаются.

В рассказе «Мои тетрадки» Михаил Михайлович Пришвин писал:

«Бывало, не раз, устанешь на охоте и заночуешь в лесу, и вот к твоему огоньку придет какой-нибудь местный человек, и тут, у костра, этот местный человек что-нибудь расскажет. Только через эти слова в лесу кажется, будто это сама природа о себе что-то сказала по-сво-

ему. А после вспомнится и то дерево, под которым развел теплинку, и тот ручей, который пел тебе всю ночь. До того мне с первого же раза полюбилось охотиться за такими словами, что однажды я собрал себе котомку ранней весной и вернулся только осенью: мне казалось, что всю весну и все лето шел я за колобком по волшебным северным лесам».

Где бы ни бывал Пришвин, он прислушивался к живой речи народа, к его песням, сказкам, легендам, охотился за словом, поэтому все его произведения так поэтичны, чисты и прозрачны.

Видели вы когда-нибудь лесное зеркало?

«Бывает, тропинка обрывается, из-под нее показывается колея, наполненная водой, с отражением деревьев; бывает... прерывается маленьким озером; бывает, и вовсе уходит под воду и оттуда, из глубины, сама виднеется среди огромного отраженного леса...»

Немало бродил Пришвин по лесам с ружьем и собакой. Он хорошо знал зверей, его «Рассказы егеря Михаила Михайловича» стоят рядом с охотничьими рассказами Аксакова и Тургенева.

Писатель не расставался с записной книжкой, и из коротких заметок о том, что видел его зоркий глаз и слышало его чуткое ухо, рождались его рассказы — «мои сказки», как называл их Пришвин.

Лучшая книга Пришвина для детей — его сказочная повесть «Кладовая солнца». Герои сказки, Митраша и Настя, брат и сестра, собирали клюкву и заблудились в мрачном лесу на Блудовом болоте. Природа как бы предупреждает детей об опасности: «Серая хмарь плотно надвинулась и закрыла все солнце с его живительными лучами. Злой ветер резко рванул. Сплетенные корнями деревья, прокалывая друг друга сучьями, на все Блудово болото зарычали, завыли, застонали...».

Кончается сказка победой света над темными силами. «Кладовая солнца» — это сказка-быль, правдивая сказка, как называл ее Пришвин, в ней выразилось неисто-

Видели вы когда-нибудь лесное зеркало? Вот оно — на фотографии Михаила Михайловича.

щимое богатство его творческой кладовой, сила его волшебного слова.

«...Я всю жизнь учился, очень трудился над тем, чтобы так легко, просто и свободно писать, как оно прежде сказывалось...» — писал Пришвин.

У писателя много друзей-читателей. Среди них отряд липецких пионеров — пришвинцы, как они себя называют. И называют себя по праву.

Пришвинцы всем сердцем полюбили мудрое, своеобразное, волшебное слово писателя. Они путешествуют по местам, где жил Михаил Пришвин, где писал свои рассказы, знакомятся с людьми и природой этого края, присматриваются, прислушиваются, разгадывают тайны ее, совершают открытия. И каждое такое открытие помогает ребятам глубже понять творчество любимого писателя.

Пришвинцы были во многих местах — и в Ельце, и в Орле, и в Москве, и в Дунине, где провел писатель последние годы жизни. О том, что видят и узнают, пришвинцы пишут и рассказывают товарищам. В своей школе они создали литературный музей, стенды его ребята оформили своими рисунками — иллюстрациями к рассказам Пришвина, фигурками зверей и птиц из пластилина.

В Ельце, в помещении гимназии, где учился Михаил Пришвин, сейчас школа № 1, там тоже есть отряд пришвинцев. Они организовали выставку, рассказывающую о жизни и творчестве писателя, которая будет основой для школьного литературного музея. Ребята устраивают литературные вечера и чтения произведений Пришвина. Все это приносит ребятам большую радость.

Разве не интересно побывать, к примеру, в Хмельниках, где живут Дмитрий и Анастасия Коршуновы, ставшие прообразами Митраши и Насти — героев «Кладовой солнца», осмотреть древний город Переславль-Залесский, основанный еще в XII веке Юрием Долгоруким, побродить по его окрестностям, своими глазами увидеть Блудово болото! Да мало ли красоты в «берендеевом царстве», как называл эти места Пришвин.

Читая рассказы Пришвина, мы радуемся чудесным его открытиям и переживаем все так, будто видим своими глазами. Вот «береза белая с другой березой издали перекликается»; дятел — лесной доктор, «такой умный, всегда бодрый, оживленный и деловой», стучит по коре дерева; белочка-хозяйка на зиму грибы по сучкам деревьев развешивает. Вместе с писателем мы слышим звон весенней капели, шелест тающего льда, первый зов кукушки, вместе бродим по лесу, сидим у костра, плывем по реке.

Все произведения Пришвина проникнуты верой в торжество добра, доверием и любовью к человеку, они пробуждают в читателе любовь к родной стране, ее природе, к поэтическому слову.

С. ЛИПЕРОВСКАЯ.

Журнал в журнале печатает

Наташа ЛАПШИНА — единственная девочка, которая участвовала в соревнованиях юных авиамоделистов Москвы. Может быть, поэтому у нее так хорошо получились «космические» стихи. Впрочем, стихи про ночной цирк нам тоже понравились.

Полет

Несешься дикой кометой
Среди миллиардов звезд
И очень боишься, что где-то
Мохнатый зацепится хвост.
Несешься, пути не зная,
Без всяких дорог и карт.
Полет — большая кривая,
И нет дороги назад.
А может, все же вернуться,
Растапливая звезд иней,
К планете, такой родной,
Закутанной в дождик синий?

*

Цирк

Представление давно окончено,
И арена подметена.
Очень тихо. Сквозь дырку
в крыше
В цирк заглядывает луна.
Погасли давно «юпитеры».
Спят фаготы, тарелки спят,
Длинноногие, без нот пюпитры
Одиноко в оркестре стоят.
Разошлась давно униформа,
Смыл у зеркала клоун грим...
Все ушли. Никого не осталось.
Цирк остался совсем один.

В твоем доме, наверное, живет зверь: плюшевый мишка, заяц из байки или смешная меховая собака. Зверь игрушечный, но вместе с тем будто живой, веселый и теплый. Потому что это Главный Зверь твоего детства. У Тани БАБЕНЫШЕВОЙ это тигр. Рассказ про своего тигра Таня написала, когда ей было 13 лет.

НАШ Р-Р-Р

Появился он у нас недавно. Длинный, полосатый, с громадными голубыми глазами. Назвали мы его Р-р-р. Он — это тигр. Правда, он не совсем настоящий, но все равно мы его очень любим. Он тоже, по-моему, привязан к нашей семье, а особенно к папе, потому что они вместе играют. Папа тоже длинный, с голубыми глазами, но, к сожалению, без полосок.

Р-р-р — ужасный шалун. Больше всего он любит раскачиваться на люстре, на хвосте, как обезьяна. Поэтому хвост часто отрывается, и мне приходится его пришивать, а так как Р-р-р раскатывает по всем углам катушки с нитками, то я пришиваю ему хвост разными нитками: или зелеными, или красными, или белыми. Люстру же время от времени пришивает мама, она это делает аккуратнее.

Один раз мама пришла с работы и не обнаружила на балконе белья, которое она вчера стирала до часу ночи. Конечно, мама рассердилась. Но как же она удивилась, увидев, что ее кофты, мои летние платья и папины носки висят на крышах и антеннах соседних домов вместо флюгеров. Дома никого не было, и поэтому мама решила, что сделал это наш Р-р-р. А так как в гневе мама страшна, ему пришлось признаться.

В этот день мама купила сливы, которые Р-р-р любит больше всего. Р-р-р съедает их вместе с косточками, а один раз чуть не съел тарелку, в которой они лежали, потому что она пахла сливами. Но мы вовремя удержали его. У него и так часто болит живот, а пить лекарство он очень не любит, как и все тигры, впрочем.

Пьет он их редко, и только когда его об этом попросит папа. Вот папу он любит, не то что лекарства. Вообще они очень похожи. Оба мягкие, пузатые и очень добрые. С папой тигр в основном играет в чехарду. Если у тигра плохое настроение (а это редко бывает), то папа играет с ним, а если у папы плохое настроение (это бывает довольно часто), то с ним играет Р-р-р и всячески старается развеселить его.

Когда мы с мамой обижаем папу, он всегда уходит к тигру. Они долго о чем-то шепчутся, гладятся друг о друга, и от тигра папа возвращается веселым.

Вообще дома у тигра всегда есть работа. С папой он дружит и играет в чехарду, с мамой говорит о поэзии, о том, какие прекрасные стихи пишут мартышки. А ведь об этом никто не знает! А со мной он делает уроки или помогает есть сливы, что получается у него очень хорошо. Часто вечером мы забираемся с ним на кровать, и я читаю ему «Винни-Пуха» или Биссета. Дома никого в это время не бывает, на улице темно и холодно, а у нас с Р-р-р горит свет, и нам очень-очень хорошо.

Стихи Нины ПЕТУХОВОЙ, десятиклассницы из города Долгопрудного.

* * *

На замороженных стеклах –
Тонких рисунков сеть.
Стеклам сегодня от солнца
Хочется потеплеть,
Хочется носом хлюпать
И от мяча дребезжать,
Хочется мутной лужей
Вниз на карниз стекать.
А с крыш воробьи чирикают!
И в комнату проплыло
Тревожное,
Просочившееся
Сквозь растаявшее стекло.

* * *

Как просто в детстве можно все забыть
И под подушку сто обид зарыть,
Калитку ржавым гвоздиком забить.
Все беды в детстве маленького роста,
Им дедовой калитки не открыть...

Из стихов Любы ТОКМАКОВОЙ мы выбрали два — одно «морозное», а второе «жаркое». Если вы захотите познакомиться с другими Любиными стихами, напишите ей (г. Чехов-4, пос. Скурыгино, школа - интернат, 7-й класс).

Метелица

Веселей танцуй, метель,
Кудри белые развей,
И меня, как в поле ель,
Снежным ветерком
обвей!
Ты кружись, звени,
блистай,
Под окно к нам прилетай,
Всем румянцы раздари,
Пой мне песню до зари!

В пустыне

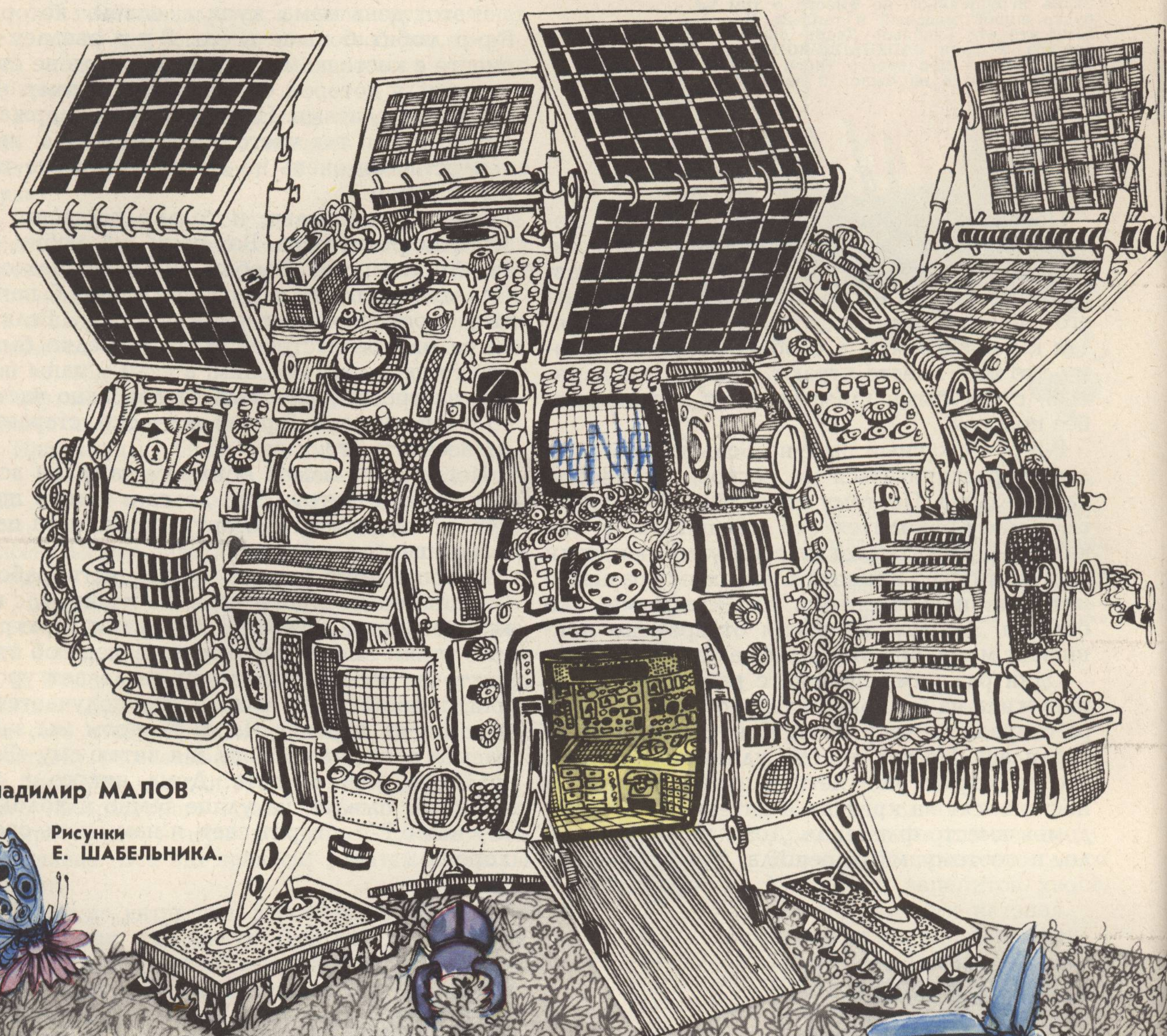
Пламенем дышат пески.
Ноги мои в них тонут.
Твердые скалы стонут,
Полные жгучей тоски.
Долгий лежит еще путь,
Трудно идти в пустыне.
Зной, хоть немного остынь,
Дай мне свободно
вздохнуть!

Я—ШЕРРИСТЯНИН

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Владимир МАЛОВ

Рисунки
Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Пролог

С Мишей Стерженьковым автор познакомился на «чертовом колесе» в парке культуры и отдыха.

Было солнечное субботнее утро, очереди отдыхающих москвичей тянулись к аттракционам, откуда-то издалека ветер доносил ритмы, предназначенные для танцев. Я пришел в парк, чтобы культурно стряхнуть усталость после напряженной недели; «чертово колесо», на мой взгляд, отвечало этой цели как нельзя лучше.

Совершили первый круг. Сверху парк был похож на калейдоскоп с быстро меняющимся рисунком.

— Простите,— тихо и очень вежливо сказал мой сосед по решетчатой кабинке,— это у вас, я вижу, фантастика?

Был он в спортивном пиджаке, из-под которого выглядывал спортивный свитер. Пиджак и свитер туго натягивались на юных, но уже широких плечах. Лицо собеседника пылало загаром, над которым, как можно было предполагать, долго не будут властны ветры и дожди надвигающейся осени.

Я отвечал на вопрос утвердительно. Обложку книги, которая лежала у меня на ко-

ленях, действительно украшали роботы, звездолеты, а также машины времени и установки для передачи мыслей на расстояние.

— Да, фантастика,— пробормотал молодой человек и сразу после этого повел себя както не так: поерзал на месте, бросил взгляд на обложку — загадочным был этот взгляд! — и стал напряженно смотреть куда-то вдаль. — Я вас прошу,— сказал он несколько минут спустя,— вас не затруднит... Я понимаю, конечно... Это вам достаточно странно...— Он задышал тяжело и часто. — Только очень прошу вас, пожалуйста, уберите эту книгу!.. Уберите!..

Я растерянно уставился на спортсмена. Он выглядел очень смущенным, и, пробормотав: «Конечно, конечно»...—я засунул книгу под пиджак. В моей душе начинало шевелиться что-то вроде страха...

Воцарившееся молчание было гнетущим. «Чертово колесо» продолжало меланхолическую свою работу.

— Меня зовут Миша Стерженьков,— сказал наконец спортсмен.— Я тут на колесе привыкаю к высоте, скоро у нас первый осенний практикум по парашюту... Недавно был по травяному хоккею, теперь вот по парашюту...

— Институт физкультуры, будущий тренер? — с сомнением (уж очень юн был собеседник) предположил я.

— Пока только восьмой класс спецшколы,— скромно отозвался он.— Специализируюсь на настольном теннисе...

— Школа со спортивным уклоном? Ни разу я не слышал о таких учебных заведениях!

— Нашу недавно открыли,— сказал он коротко.— Имени Марафонской битвы. Экс-

«Черепаха» не спеша объехала по кругу учебник и остановилась.

периментальная.— Минуту мы молчали.— Понимаете,— начал он тихо,— в себе мне уже нельзя носить... Книга — это последняя капля... Я должен рассказать кому-нибудь... Конечно, следовало бы раньше...

...В тот день я и Миша Стерженьков долго не могли расстаться: вновь становились в очередь к «чертову колесу», потом постреляли в тире, померили силы, ударяя молотом по соответствующему устройству, и, наконец, побрели по улицам, направляясь к спортивному комплексу экспериментальной спецшколы. Миша Стерженьков рассказал мне все. И, прощаясь с ним, я чувствовал, что у меня голова идет кругом, ибо факты выглядели совершенно непостижимо и превосходили любую фантастику.

Но слишком искренним и правдивым был тон рассказа, неподдельное волнение звучало в голосе восьмиклассника. К тому же из своей спортивной сумки, на которой латинскими буквами написано было название футбольного титана «Torpedo», последнего победителя Межконтинентального Кубка для клубных команд, Миша время от времени вынимал подтверждающие вещественные доказательства, и среди них...

Впрочем, не лучше ли будет все рассказать по порядку? Потому что Миша Стерженьков, излив наконец душу и облегченно затерявшись среди теннисных кортов, футбольных полей и вертикальных стен для мотоциклетных гонок, не взял с меня слова хранить его историю в строжайшей тайне. По-моему, история эта просто должна быть рассказана всем. И вот теперь я сажусь за пишущую машинку и словно бы опять слышу его голос:

— Вы понимаете, этот специальный предмет я никогда особенно не любил... Мне, понимаете, теория техники толкания ядра вообще очень плохо давалась...

К двенадцати часам дня Миша Стерженьков изнемог. Комната, в которой он готовился к завтрашнему зачету, стала казаться ему унылой, как теннисный корт под дождем. Гантели и гири, сложенные в углу, словно налились тяжестью, намного превышающей их истинный вес. Даже привычная ко всему боксерская груша выглядела съежившейся и поникшей...

В конце концов Миша отчаянно обхватил голову руками и откинулся на спинку стула. Закрыв глаза, он стал мечтать о тех временах, когда современные методы обучения полностью себя изживут, когда вместо толстенных учебников изобретут какой-нибудь аппарат, мгновенно заряжающий мозг информацией.

Миша качнулся на стуле и открыл глаза. Картины далекого будущего исчезли, вместо них он вновь увидел перед собой учебник «Теория техники толкания». Сделав невероятное усилие, Миша пробежал глазами еще несколько строк. Безуспешно: в голову не лезло ничего. Он захлопнул учебник и некоторое время уныло смотрел на его обложку. Развеселая песня про разноцветные кибитки — гвоздь эстрадного сезона,— которую напевала в соседней комнате сестра Татьяна, ученица седьмого класса школы с обучением на исландском языке, звучала насмешкой. Миша поднялся из-за стола и поплелся в ванную, чтобы принять холодный душ. Стоя под струйками воды, Миша чувствовал, что больше всего на свете ему хочется уйти из дома куда-нибудь подальше, в места, где люди обходятся без техники толкания ядра...

Здесь, однако, самое время пресечь определенные подозрения в адрес Миши. Ведь кое-кто, пожалуй, может предположить, что Миша действительно способен махнуть на занятия рукой, надеясь неизвестно на что. Нет, Миша Стерженьков упорно овладевал знаниями, положительно проявлял себя в теории и практике всех дисциплин. В дневнике его почти исключительно были четверки и пятерки. Что же касается теории техники толкания ядра, она была единственным предметом, с которым у Миши обстояло неважно, бывает так...

Много ближе к истине оказался бы тот, кто предположил, что, вытершись полотенцем и выйдя из ванной, позанимавшись немного с гантелями и гирями, потолкав штангу, Миша вновь вернулся к письменному столу и одолел в конце концов оставшиеся страницы теории. Да, так, без сомнений, поступил бы юный спортсмен... если бы не одно обстоятельство, исключительно важное для дальнейшего развития событий. Дом, в котором получила недавно новую квартиру семья Стерженьковых, расположен был на самой городской окраине, возле густого лесопарка, в котором протекала река Москва. Короче, Миша Стерженьков принял еще лучшее решение: взять с собой учебник и позаниматься где-нибудь в тихом и укромном лесном уголке.

Повеселев, он заглянул в комнату младшей сестры — сказать ей о том, что надо не петь, а готовиться к предстоящему экзамену по исландскому фольклору. (В ответ,—увы,— Стерженькова Татьяна показала старшему брату язык, и с большим трудом он сдержался, чтобы не применить меру физического воздействия.) Потом крепкие, тренированные ноги легко спустили Мишу по лестнице до первого этажа, и он вступил на асфальт, слегка пружинящий от июньской жары. Лес, начинающийся сразу за домом, манил тропинками, уходящими к реке... Настроение Миши менялось, душа вновь наполнялась энергией, привычной спортивной упругостью. Изредка Миша совершал короткие, хлесткие рывки метров на тридцать — сорок.

Но вот тропинка стремительно полетела под гору, к ленте реки, Миша выбрал на берегу тенистое место, лег на траву и углубился в учебник с силами, которых еще полчаса назад даже не подозревал в себе...

Время шло, Земля медленно поворачивалась вокруг оси. Наконец Миша закрыл книгу и, чувствуя приятную усталость отменно потрудившегося человека, перевернулся на спину. Над лесом нависало огромное июньское небо, слышно было, как на другом берегу реки, в сельской местности, негромко бормотали куры и коза время от времени пробовала голос. Миша Стерженьков глубоко вздохнул и прикрыл на мгновение глаза. Начиналось невероятное...

...Звук был тонким и похожим на комариный писк. Он возник где-то совсем рядом, и казалось, что до него можно было дотянуться рукой.

Миша Стерженьков открыл глаза, сел, осмотрелся. Ничего такого, что могло быть похоже на источник звука, нигде видно не было.

Но рядом с Мишей продолжались чудеса. Послышался лязг, откинулась вдруг одна из стенок странного сооружения, образовав наклонную плоскость. По ней сползала на траву конструкция, отдаленно напоминающая, как машинально отметил Миша, галапагосскую черепаху. «Черепаха» не спеша объехала по кругу учебник и остановилась. Раздался легкий свист, и неведомая конструкция ощетинилась целым десятком упругих «щупалец», похожих на антенны; покачиваясь из стороны в сторону, они задумчиво потянулись к страницам «Теории техники толкания»...

Миша закрыл глаза и открыл их снова. «Галапагосская черепаха» удовлетворенно шевелила антеннами. Внутри нее явно происходила непонятная, неизвестно на что направленная работа. Потом конструкция развернулась и поехала прямо на Мишу. Он был возле самой воды. Можно было броситься в воду и быстрым кролем уйти к противоположному берегу, но Мишу охватило полное оцепенение. «Щупальца» потянулись к нему. Секунду они оставались в вытянутом положении, потом вновь закачались из стороны в сторону, вновь раздался свист, и вдруг их стало раза в два больше.

Мысли в голове у Миши Стерженькова переплелись в невообразимый клубок. Затем все куда-то исчезло, голова стала пустой и очень легкой. И тогда раздался какой-то шорох, похожий на тот, что издает иголка проигрывателя, когда кончается пластинка. Затем зазвучали слова на родном Мишином языке: «Существо разумное, коренной обитатель планеты, данные зондов это подтверждают».

Миша Стерженьков мотнул головой. Но чужой голос возник снова. Его интонации были монотонными и даже какими-то скучными, словно бы он повторял вещи, которые приходилось говорить много раз:

— Планета Шерра лиловой звезды Па-Теюк проводит комплексные исследования по разведке разумной жизни в грандиозном районе Вселенной. Первый этап: засыл автоматических зондов в районы, предположительно благоприятные. У вас на планете выявлена разумная жизнь.

Голос монотонно бубнил, и каждое слово накрепко оседало в памяти Миши Стерженькова. Способность изумляться была им начисто потеряна, сейчас он воспринимал, и только.

— На Земле начинается второй этап исследований — разведка изнутри. Внешность землян и шерристян весьма несхожа. Чтобы провести второй этап незаметно для жителей Земли, на мозг разумного обитателя планеты будет наложена соответствующая матрица, после чего он потеряет свое обычное сознание и приобретет сознание, склад мышления и все психические свойства и способности среднего жителя планеты Шерра. Став как бы шерристянином и смотря на все его глазами, разумный обитатель планеты начнет аккумулировать в своем мозгу информацию об окружающем его мире. Собранная информация в свое время будет изъята из его мозга. Землянин после этого без всякого вреда для себя вновь обретет свое привычное сознание. В случае положительных результатов второго этапа исследований на Землю будет направлена экспедиция шерристян для установления непосредственного Контакта.

Щелк! Все антенны одновременно втянулись в конструкцию, и она вновь стала похожа на черепаху. Потом на ней распахнулись какие-то створки, и на кронштейнах выдвинулся вперед небольшой сферический колпак ярко-желтого цвета. Голос вновь забубнил:

— Время, после которого происходит полная трансформация сознания,— одна сорок восьмая времени оборота планеты вокруг оси.

Мишей Стерженьковым все еще продолжало владеть оцепенение. Колпак немного повертелся возле его головы, к чему-то примериваясь. Послышалось негромкое и протяжное гудение, кронштейны сложились, створки захлопнулись, и «черепаха» по наклонной плоскости вернулась на свое прежнее место. Затем фантастическое сооружение стало таять в воздухе, превратилось в ослепительную вспышку, после чего раздался звук, похожий на комариный писк...

Миша Стерженьков остался один. Несколько мгновений он сидел, обхватив голову руками, словно боялся, что она вот-вот расколется. Потом заметался по берегу, не зная, что делать, что предпринять. И наконец

побежал прочь, побежал, забыв учебник, без оглядки и совсем не спортивно, даже еще не зная толком, куда и зачем он бежит.

*

Виктор Витальевич Ворошейкин все взвесил, все обдумал и сделал вывод. Во всем, конечно, виновна была кошка Пенелопа. Ей ничего не стоило утащить с письменного стола бесценный клочок бумаги, содержащий блистательную догадку о том, как именно древние эстуарцы обозначали в своих текстах глаголы.

— Пенелопа,— сказал Ворошейкин, укоризненно глядя на кошку,— если бы вы могли отдавать себе отчет...

Профессор запнулся, потому что слово «отчет» вызвало в его уме кое-какие ассоциации, и о клочке бумаги с бесценными записями он тут же забыл. Несколько дней назад ему надлежало отправить отчет об обнаруженной недавно еще одной эстуарской надписи в Лондонское общество эстуарологов. Виктор Витальевич быстро набросал несколько слов, но спохватился: писать надо было не по-французски, а, конечно же, по-английски. Он стал искать чистый лист, и в этот момент в прихожей раздался длинный, настойчивый звонок, и вслед за ним голоса — жены и чей-то еще, голос решительный, сбивающийся, вроде чем-то обеспокоенный.

Рука профессора замерла на полпути. Прямо перед ним лежал клочок бумаги с драгоценными предположениями о глаголах древних эстуарцев. Ворошейкин радостно засмеялся и виновато взглянул на Пенелопу. Секунду спустя он уже восторженно перечитывал свои записи вслух...

— Витя,— робко раздался в кабинете голос жены,— вот мальчик, наш сосед... Я знаю, ты работаешь. Но у него что-то, он говорит, исключительное... Какие-то планеты, космические пришельцы... Я толком ничего разобрать не могу...

Виктор Витальевич восторженно повернулся на стуле.

— Ну конечно! — воскликнул он нетерпеливо.— Вы, молодой человек, пришли удивительно кстати! Так слушайте!..

— Там, на берегу,— выкрикнул юный сосед.— Они с планеты Шерра! Космический зонд опустился в двух шагах от меня! Сейчас у меня произойдет перестройка сознания! Мне... я... я стану шерристянином, чтобы смотреть на наш мир его глазами!..

— Что? Ах, да,— сказал Виктор Витальевич.— Но вы послушайте только!..

Он опустил одну руку на плечо молодого человека, а другой безошибочно вытащил из груды бумаг на столе какой-то конверт с красивым заграничным штемпелем.

— Доктор Рип Ван Винкль, президент Амстердамского археологического союза, писал мне еще совсем недавно...

*

Миша Стерженьков был настоящим спортсменом. Конечно, он воспитал в себе такие завидные качества, как выдержка, мужество, самообладание. И досадное непонимание, проявленное соседом по лестничной площадке, известным всему миру эстуарологом, не выбило Мишу из колеи, а, напротив, заставило его сконцентрировать волю, собраться с мыслями, как перед стартом.

Когда Миша, потеряв всякую надежду обратить внимание профессора на событие Контакта с цивилизацией планеты Шерра, еле-еле сумел выбраться из квартиры ученого, оставалось всего девять минут до того момента, как должна была совершиться трансформация сознания (время он по чисто спортивной привычке сумел засечь). Стоя на лестничной площадке, Миша уже полностью держал себя в руках. Итак, на берегу Москвы-реки произошел Контакт Земли с какой-то далекой, высокоразвитой цивилизацией. И ему, Мише Стерженькову, первому выпало столкнуться с чужим разумом. Возможно, когда-нибудь во всех учебниках истории будут его, Стерженькова, портреты, а его имя... Миша глубоко вздохнул по системе йогов и отогнал эти не очень достойные мысли прочь. Главное было не в этом...

Да, Контакт произошел. И Мише предстоит на какое-то время приобрести чужое сознание, стать кем-то совсем другим, потерять свое «я» и приобрести неизвестно что. Но каково это будет: потерять свое сознание, смотреть на мир чьими-то чужими глазами? Каков вообще этот чужой разум? Что обнаружит он на Земле, какие сделает выводы, какое примет решение?..

Миша почему-то вспомнил мрачный роман Уэллса, поежился и снова стал овладевать собой. Оставалось шесть минут.

Но ведь на все это надо смотреть по-другому! Жители планеты Шерра оказали ему, Стерженькову, неслыханное доверие: стать посредником в установлении контакта с Землей. И то, какими станут их отношения с землянами, зависит теперь целиком от Миши. Это почетнейшая миссия! Тут уж надо не ударить лицом в грязь!

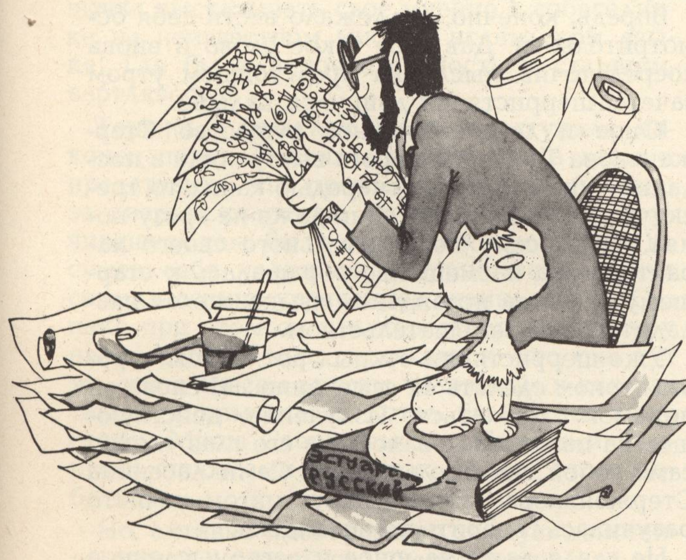
Миша Стерженьков глубоко, значительно вздохнул, широко расправил плечи и стал спускаться по лестнице. Пройдя один пролет, он остановился. О том, что должно с ним произойти, пожалуй, стоило бы все-таки кого-нибудь предупредить, ведь кто знает... на всякий случай... Но вот кого?.. Стерженькова Татьяна была существом юным и легкомысленным. Родители вернутся с работы лишь через несколько часов...

Был еще один человек... Миша кинулся вниз, нащупывая в кармане двухкопеечную монету. Телефон-автомат стоял у подъезда.

Ей, Наде Переборовой, учащейся музыкальной школы по классу виолончели, еще

не раз предстоит появиться в этой истории. Оставим пока Мишу, ему надо пробежать по лестнице ни много ни мало двадцать восемь пролетов, и воспользуемся этим временем, чтобы сообщить о Наде некоторые сведения...

Однажды Надя возвращалась с выступления, где с успехом исполнила концерт современного композитора Дупелькова для виолончели с трубой. Все еще оставаясь мыслями в переполненном зале, она вышла на проезжую часть под красный свет. Драматического столкновения с велосипедистом было не миновать, если бы велосипедистом этим не был Миша. Систематические занятия спортом, правильный образ жизни, соблюдение режима дня помогли ему выказать ловкость, завидную даже для киногероев из некоторых занятных на первый взгляд, но пустых заграничных лент. Другого выхода уже не было, он подхватил Надю на полном ходу вместе с виолончелью и понесся вперед, увозя ее все дальше от того места, где она даже не успела пережить испуг.

Профессор Ворошейкин все взвесил, все обдумал и сделал вывод: во всем, конечно, виновата была кошка Пенелопа.

А потом? Потом юные наши друзья вместе ходили на концерты, в театры и в кино, совершали лыжные прогулки и посещали бассейн, и каждый открывал в другом близкие себе качества и черты...

В телефонной трубке раздались длинные гудки. Стремительно летели секунды. Наконец, трубку сняли, и Надин дедушка хриплым басом сказал:

— Капитан первого ранга Переборов слушает!

— Надя, не перебивай, осталось двадцать секунд, событие исключительной важности,— скороговоркой, торопясь, начал Миша, когда наконец к телефону подошла Надя.— Я сейчас был на берегу, готовился к зачету, только не перебивай, и космический корабль с Шерры...

Но в этот самый момент в Мишиных глазах вдруг потемнело, и последним, уже машинальным движением Миша повесил трубку.

...Шерристянин увидел себя внутри какой-то странной конструкции, таинственного порождения земной инженерной мысли. Снаружи проложена была полоска из темно-серого вещества, изредка по ней с грохотом проползали неуклюжие механические сооружения. По ту сторону полосы начинались заросли земной растительности. Растительность была неплоха: своеобразного зеленого цвета, достаточной высоты, приятных форм. Об этом, впрочем, инопланетянин уже знал, изучив сведения, собранные зондами.

Снаружи, вплотную к конструкции, в которой он находился, стоял землянин и барабанил маленьким круглым предметом по прозрачному веществу, вделанному в дверцу. Предварительные сведения зондов помогли шерристянину определить, что землянин был женского пола — землянкой. Шерристянин быстро уловил ее биотоки и разгадал их смысл. Он толкнул от себя дверцу, ступил на полосу из темно-серого вещества и двинулся по ней наугад. Инопланетянину уже не раз случалось вот так же попадать в неизученные миры...

*

Дальнейшее изложение истории Миши Стерженькова, ставшего неожиданно для себя шерристянином, требует теперь краткого отступления. Автор,— увы,— вынужден сказать о том, что, начиная с этого момента, рассказ его в отдельных местах становится не очень полным. Ну как в самом деле описать мыслительный строй посланца другой цивилизации, значительно опередившей нашу по уровню развития?

Невозможно, пользуясь лишь нашими современными понятиями, раскрыть природу и механизм всех присущих шерристянам способностей и свойств. (Не объяснить и того, каким, собственно, образом Миша Стерженьков вместе с сознанием шерристянина приобрел и чисто физическую возможность применять эти свойства — ведь внешне его организм не претерпел никаких изменений?! А шерристянин, между прочим, обладал удивительным умением произвольно превращать пространство в разнообразные предметы, легко проникал взглядом сквозь любые преграды, читал мысли прохожих, мгновенно разбирался в сущности любого землянина и так далее и так далее.)

Но в конце концов не это главное в истории Миши Стерженькова!

...Полчаса спустя, стоя на одном из городских перекрестков, шерристянин подводил

первые, предварительные итоги. С чужой планетой он уже освоился полностью. Первые итоги получились такими. Земляне были живым, энергичным народом. Несомненным, непреложным был и тот факт, что население планеты вело активное и сознательное наступление на тайны природы, но перед ним лежала еще длинная дорога непрерывного развития.

Теперь шерристянин приготовился окунуться в земную жизнь еще глубже. Ему предстояло самому немного пожить жизнью собрата по разуму, испытать все, что происходит в течение какого-то временного отрезка с коренным обитателем Земли. Инопланетянин включил участки мозга, зафиксировавшие в момент трансформации множество точных и подробных сведений о том землянине, в чьей физической оболочке он находился. Тогда мгновенно он стал ощущать себя Мишей Стерженьковым. На его плечи легли все заботы юного спортсмена, определились цели, он обрел вес и остальной, отлично знакомый всем нам земной груз. (Но, ощущая себя Мишей Стерженьковым, на самом-то деле шерристянин не переставал, конечно, оставаться шерристянином.) И он направился к дому, где жила семья Стерженьковых.

Хорошим было в этот момент настроение шерристянина, начавшего жить жизнью брата по разуму. С удовольствием он ощущал тренированное свое тело, подставлял лицо солнечным лучам. Еще он думал о предстоящем наутро зачете, о позавчерашней победе «Торпедо» над гостящим в СССР «Сантосом»...

На одном из перекрестков он увидел старушку, которой нужно было перейти улицу. Конечно же, шерристянин, как сделал бы это восьмиклассник Миша Стерженьков, поспешил к ней, чтобы взять ее под руку, помочь.

И вдруг... Вот и настал он — момент, после которого история эта повернула на новые, неожиданные для шерристянина рельсы. Инопланетянин почувствовал вдруг, как определенный заряд его энергии передался атомам тела старушки, и она тут же рванулась с места со скоростью спринтера. Резким рывком старушка обошла плотную группу пешеходов, а потом, упруго оттолкнувшись от мостовой, совершила даже акробатический прыжок с двумя полными оборотами через мчавшийся автобус и наконец финишировала на противоположной стороне. Раздался оглушительный скрежет тормозов, послышались растерянные трели милицейских свистков. Шерристянин досадливо тряхнул головой. Нет, этого, конечно, делать не следовало. Активно вмешиваться в земную жизнь, выходя за рамки возможностей землян, исследователь не имел никакого права.

А на другой стороне улицы быстро густела толпа. Возникла транспортная «пробка». Растерянно переговаривались друг с другом, не зная, что делать, рослые милиционеры — люди, привычные ко всему. Наконец один из

Оттолкнувшись от мостовой, старушка совершила акробатический прыжок.

них дрогнувшим голосом сказал потрясенной старушке: «Пройдемте!..»

Впредь, конечно, надлежало вести себя осмотрительней. Дав себе такое слово и вновь сосредоточив мысли на предстоящем утром зачете, шерристянин двинулся дальше.

Юное и легкомысленное существо Стерженькова Татьяна с порога выстрелила в посланца чужого разума очередью каких-то трескучих фраз. Шерристянин даже не сразу понял, что в силу непочтительного своего характера она насмешливо обращалась к старшему брату на исландском языке, желая насладиться его замешательством.

Уже шерристянин открыл рот, чтобы суровым тоном сделать ей замечание... И снова он не смог сдержаться. Излучение, действующее на память, вырвалось из его глаз словно само собой, помимо его воли. Семиклассница Стерженькова Татьяна вдруг мигом начисто разучилась говорить по-исландски.

Не глядя даже на юное и легкомысленное существо, растерянно и беззвучно открывавшее и закрывавшее рот, шерристянин скрылся в комнате Миши Стерженькова. Только здесь он осознал, что опять активно преобразовал земную действительность. Не имел права делать этого и все-таки сделал...

А Надя Переборова между тем...

Да, читатель, пора уже вспомнить и о ней. Ведь мы оставили Надю в весьма затруднительном положении. Представь-ка, что это в твои ежедневные пятичасовые упражнения на виолончели врывается телефонный звонок и Миша Стерженьков не своим голосом выдавливает в трубку ворох бессвязных, бессмысленных фраз и среди прочего упоминает даже о каком-то космическом корабле неземного происхождения!..

Но Миша замолк на полуслове. Еще несколько минут Надя ждала, что он позвонит снова, а потом, справившись с изумлением, вернулась в свою комнату, к прерванным за-

нятиям. Чтобы выполнить ежедневную норму, ей оставалось играть еще ровно час...

И она играла, стараясь не глядеть на часы. Твердым и волевым человеком была Надя Переборова. Наконец час прошел, и Надя бережно убрала инструмент в футляр. Дедушка в соседней комнате читал старинный морской роман. Не желая его отвлекать, Надя написала ему записку азбукой Морзе, принятым между ними способом общения моряков, и тихо выскользнула из квартиры...

Звонок юной виолончелистки был длинный, взволнованный. Дверь отворилась. Улыбнувшись гостье приветливой и милой улыбкой, Таня Стерженькова сказала с порога:

— А, Надя!.. Здравствуйте, рада вас видеть! Что у вас нового?

Надя очень широко раскрыла глаза и даже растерянно отступила. Не Таня Стерженькова открыла ей дверь! Это был совсем другой и, по-видимому, очень хороший человек. Куда только девалась отвратительная привычка высказывать свое мнение о собеседнике на неизвестном многим исландском языке! Где были непочтительность к старшим, вертлявость?

Теряясь в догадках, Надя переступила наконец порог. Конечно, она не могла даже и представить, что́ произошло совсем недавно за дверью квартиры № 59. А событие, случившееся там, было очень важным. Опять, не сумев себя удержать, шерристянин вернул семикласснице утраченное знание языка. Однако при этом он так перестроил структуру некоторых ее мозговых клеток, что она тут же стала совсем другим человеком и как раз таким, каким всегда хотел бы видеть свою сестру Миша Стерженьков. Обычными, земными способами он никак не мог этого добиться.

Но, активно преобразовав земную действительность в третий раз, шерристянин уже почувствовал серьезное беспокойство. Что-то то и дело заставляло его активно вторгаться в мир землян. Такого не случалось еще ни на одной из планет. Но человек иного мира не мог сейчас думать только об этом, надо было продолжать изучать жизнь землянина, собирать информацию, и шерристянин встал к боксерской груше...

Таня Стерженькова вежливо открыла перед Надей дверь в Мишину комнату и ушла. Надя проводила ее взглядом широко раскрытых глаз и только потом растерянно шагнула в комнату. Здесь она увидела Мишу, боксирующего с грушей, и вспомнила наконец обо всех своих тревогах.

Нет, в комнате ничто не говорило о том, что с хозяином ее совсем недавно произошло какое-то исключительное событие. В самом Мише Стерженькове тоже не было заметно никаких перемен — бодрым, подтянутым был его внешний вид, экономная строгость чувствовалась в движениях рук, уверенно и мощно обрабатывающих грушу. Надя открыла рот, чтобы задать сразу очень много вопросов, буквально кипевших в ней и переполнявших все ее существо...

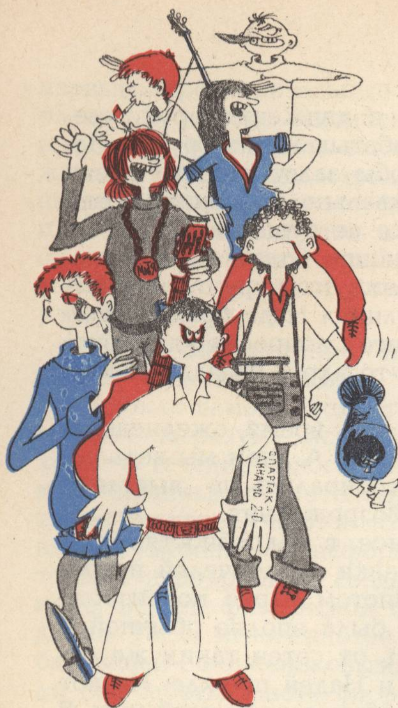
Смолкли удары. Миша Стерженьков плечом остановил качающуюся грушу, перчаткой вытер лоб и взглянул Наде прямо в глаза. И тогда вместо всех вопросов юная виолончелистка почему-то вдруг сказала совсем другое:

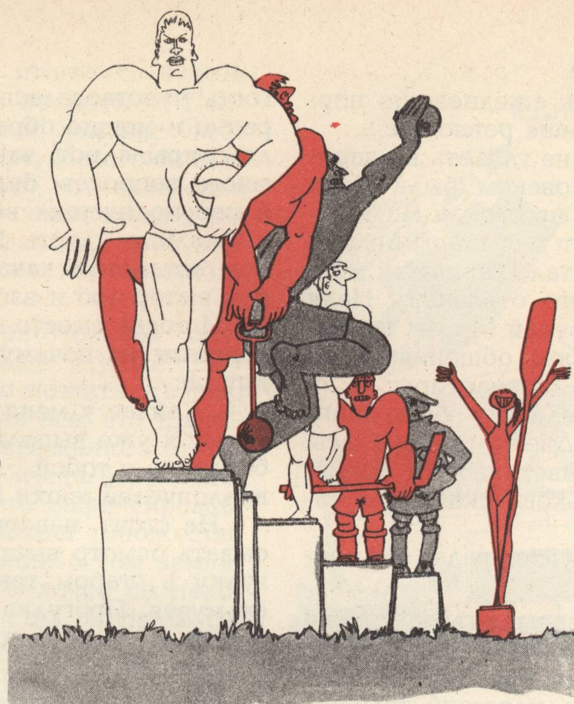
— Сейчас у меня есть время, ежедневную норму я уже выполнила. А днем мы ведь собирались с тобой... собирались на выставку виолончелей эпохи Возрождения...

...Не стоит, наверное, в подробностях описывать осмотр выставки виолончелей и прогулку в старом тенистом парке поблизости от музея. Прогулка была вполне обычной и ничем не отличалась от сотен таких же совершенных Мишей и Надей прежде. Но вот конец этой прогулки был совсем необычен. В пустынной аллее перед шерристянином и Надей Переборовой как из-под земли выросло семеро юных землян с лицами решительными и хмурыми. Только что они сломали несколько зеленых насаждений, изрезали ножами скамейку, разбили фонарь, бросили на землю окурки и повалили на газон урну для мусора... Хулиганы? Да, именно с ними столкнулся человек из другого мира. Это были они, любители показать свою удаль где-нибудь вдали от милиции, неряшливо одетые, расхлябанные юнцы. Но напрасно они, чувствуя на своей стороне всемеро превосходящую силу (ведь в таких только случаях, как известно, и обретает решительность подобный тип людей), закрыли дорогу Наде и шерристянину, намереваясь совершить еще один хулиганский поступок.

Вновь произошло то, что потом вызвало еще большее беспокойство инопланетянина. Какая-то неведомая сила вдруг снова заставила его преобразовать окружающую действительность.

Сначала мгновенным излучением своей мозговой энергии шерристянин разделил Надю на атомы и в какую-то тысячную долю секунды переправил эти атомы через весь город к ней домой, где она, оказавшись в полной безопасности, немедленно материализовалась вновь. Затем шерристянин занялся хулиганами... Никто бы не позавидовал им в этот момент! Перестроив молекулярные структуры их тела, он полностью всех преобразил. Вместо хулиганов вдоль аллеи немедленно выстроилась шеренга... из новеньких гипсовых статуй: застывшие в характерных позах метатель молота, толкатель ядра, дискобол и еще три атлетические фигуры спортсменов другого профиля. А самый непригляднй из нарушителей порядка, их вожак, стал даже статуей спортсменки — двухметровой высоты красивой гипсовой девушкой, опиравшейся на четырехметровое весло.

Вдоль аллеи выстроилась шеренга... из новеньких гипсовых статуй.

Осознав, что произошло, шерристянин топнул ногой и быстро пошел прочь.

*

— Так, значит, вот,— сказал Виктор Витальевич Ворошейкин.— Если вы поняли все предыдущее, последующее окажется уже гораздо более доступным для понимания, но некоторые аспекты последующего требуют все же...

Профессор сделал короткую паузу и испытующе взглянул в сторону слушателя. Взгляд его слегка затуманился.

— Ну, что тут можно сказать,— продолжал он неуверенно. — С монографией доктора Екатерины фон Кадш вы, конечно, вряд ли знакомы. Настоятельно рекомендую, на немецком языке, блестящие отклики, я сам писал рецензию...

Еще несколько секунд профессор размышлял.

— А впрочем,— сказал он слегка огорченно,— монография для вас, пожалуй, сложновата...

Белая кошка Пенелопа, любимица жены профессора, рассеянно встала, зевнула и перешла из одного угла кабинета в другой.

— Ах, Пенелопа, Пенелопа, неужели это вам совсем неинтересно?! А ведь история Эстуарии даже в масштабах всего древнего мира, в масштабах всей нашей планеты, я бы даже сказал, в масштабах космических...

Виктор Витальевич на мгновение застыл, а потом стремительно поднял свое длинное худое тело из-за письменного стола. Он что-то вспомнил.

— В космических? — машинально пробормотал еще раз ученый. Простонав, он бросился к двери.

— Маша! — крикнул он задыхающимся голосом.— К нам ведь кто-то приходил недавно??. Не ошибся ли я?!

— Приходил мужчина, перепутал квартиру. Приходили пионеры, но откуда же у нас макулатура? Мальчик, ну, этот физкультурник, сосед...

— И что, что он говорил? — крикнул Ворошейкин.— Ты, Маша, вспомни!..

— Я ничего не поняла. Какие-то космические корабли, другие планеты. Наверное, он начитался этих романов.

— О-о! — простонал Виктор Витальевич.— Так и есть! Ты представляешь, что произошло?! Первый Контакт!!! — И профессор стремглав выбежал из квартиры.

Близоруко щурясь, он нашел на одной из дверей своей лестничной площадки табличку «59» и что было сил надавил на кнопку звонка. Дверь отворила симпатичная девочка в синеньком платьице в горошек. Увидев соседа, чье имя было известно всему культурному человечеству, она слегка смутилась, покраснела и тихо сказала:

— Здравствуйте, Виктор Витальевич! Вы к папе?

— К папе? — почти проревел профессор, и девочка испуганно отшатнулась.— Нет! Я к мальчику, тебе он, наверное, брат, мне его нужно немедленно... с ним произошло такое...

— Миша,— пролепетала девочка, изменившись в лице,— что-то случилось... Вы знаете?

— Случилось?! — прогремел профессор.— Твой брат — пришелец из космоса! Поняла? Его сознание перестроено! То есть он сейчас не он, поняла? Он смотрит на наш мир глазами жителя другой планеты. Поняла?..

Виктор Витальевич пулей вернулся в свой кабинет, схватил телефонную трубку.

— Академика Сидорова! Как кто — Ворошейкин! Вася, это ты? Скорее приезжай, ты астроном, случилось, брат, такое!..

— Академика Колбова! В Париже? Какой там симпозиум, немедленно «молнию», да-да, это я, Ворошейкин, текст такой: «Саша запятая немедленно аэропорт Орли и мне домой запятая событие исключительной важности точка».

— Академика Овражина! Немедленно приезжай!..

— Академика Сивцова! Приезжай немедленно!..

Телефонная трубка стала горячей. Бросив ее на рычаг, профессор вновь кинулся в квар-

тиру Стерженьковых, на ходу крикнув жене, давно уже привыкшей не удивляться ничему:

— Маша! Сейчас ко мне начнут приходить, всех посылай, да-да, посылай в пятьдесят девятую!..

Несколько минут спустя у подъезда хлопнула дверца черной «Волги» и из машины выскочил живой и энергичный человек средних лет — академик Сидоров. Почти тотчас же прибыли академики Овражин, Сивцов и известный писатель-фантаст Синхронов. Подъехало еще несколько машин... И скоро в гуле растерянных голосов, наполнивших квартиру № 59, окончательно потонул голос Ворошейкина.

— ...Необходима, конечно, специальная комиссия, да...

— Виктор Витальевич, и вы не сразу...

— Это его сестра...

— Обещал скоро вернуться, она сказала...

— Девочка, а ты как думаешь...

— Таня, ее зовут Таня...

Еще час спустя в квартире Стерженьковых раздался резкий звонок, и все замерли.

Академик Сидоров зачем-то поправил галстук. Член-корреспондент Второв нервно полез в карман пиджака за расческой. Виктор Витальевич на цыпочках подошел к порогу и осторожно отворил дверь.

Приятный девичий голосок смущенно спросил с порога:

— Скажите, пожалуйста, профессор Ворошейкин сейчас находится здесь?.. Ах, это вы? Из вашей квартиры меня послали сюда,— сказала белокурая симпатичная девушка с объемистым свертком в руках.— Я из бюро находок. Три дня назад вы забыли на Крымском мосту какую-то древнюю вазу. Наверное, она очень ценная. А в вазе лежало письмо с вашим адресом. Получите, пожалуйста, и вазу и письмо...

А в квартале недалеко от парка, где недавно гуляли Надя и Миша, опять происходили необыкновенные события. В шести квартирах этого квартала с нетерпением ждали слесаря-водопроводчика, вызванного уже давным-давно, а он все не шел. Различные водопроводные неполадки в этих квартирах принимали угрожающие размеры. И вдруг в каждой из квартир водопроводчики возникли прямо из воздуха — шесть совершенно одинаковых деловитых мужчин в синих спецовках и с наборами слесарных инструментов. Быстрыми и точными движениями они устранили неисправности и, дав оторопелым хозяевам ряд полезных советов, вновь растворились в воздухе.

Конечно, причиной этого столь необъяснимого явления вновь оказался разведчик чужого разума, инопланетянин. Это он, подчиняясь действию прежних неведомых сил, превратил пространство в шестерых водопроводчиков... Шерристянин был в отчаянии. Он чувствовал, что окончательно теряет над собой контроль.

О серьезном продолжении второго этапа исследований на Земле теперь уже не могло быть и речи: что-то неведомое, заставлявшее шерристянина вмешиваться в земную жизнь, властвовало теперь над ним вовсю. Уже никакими усилиями воли он не мог заставить себя продолжать жизнь землянина и в очень короткое время совершил множество ужасных, на его взгляд, поступков.

Шерристянин стремительно шел по улице, не зная даже толком, куда он идет. Размышления его были сбивчивы и сумбурны — самые невероятные догадки одолевали его, и неизвестно было, какая из них была ближе к истине.

В каждой из квартир шесть совершенно одинаковых водопроводчиков возникли прямо из воздуха.

Инопланетянин рассекал волны прохожих. В тысячные доли секунды, автоматически, не прерывая сумбурных своих размышлений, он узнавал все о каждом из них. И, наконец, в двух шагах от одного из прохожих неведомая сила снова властно потребовала немедленного вмешательства.

Прохожий этот был маленькой и морщинистой старухой в блеклой зеленой кофте и с большой клеенчатой сумкой в руке. Фамилия старухи была Захарова, проживала она в многолюдной коммунальной квартире и преимущественно была занята тем, что мешала жить простым и хорошим своим соседям — выдумывала о них разнообразные сплетни и писала зловредные письма.

И помимо своей воли шерристянин мгновенно перестроил пережиточное ее сознание: старуха Захарова стала совсем другим

человеком. Отбросив в сторону сумку, в которой лежали блокноты и конверты для анонимок, она кинулась в ту сторону, где был стадион,— попробовать записаться в секцию фигурного катания на льду...

А вслед за этим началась вереница событий, в которых шерристянин уже полностью не подчинялся себе.

В троллейбусе без кондуктора, куда он сел, чтобы быстрее, как можно быстрее добраться до дома Миши Стерженькова (там, как ему казалось, уже не во что было вмешиваться), он выявил двух-трех человек, не уплативших, увы, за проезд. Указывая на себя пальцами, осуждающе покачивая головами и сгорая от стыда, объединенным хором они вдруг грянули: «Люди гибнут за металл! Люди гибнут за металл!!!»

Поспешно выскочив на первой же остановке, шерристянин оказался напротив большого учреждения под вывеской «ЦЕНТРЗАГОТКОНТОРРОЗЛЕПЕСТОК», и в учреждении тотчас же произошли небывалые перемены. Исчезли, растворились в пространстве письменные столы и кресла трехсот тридцати четырех сотрудников, растаяли многотонные архивы и тома переписки. А все сотрудники, сомкнув ряды, вышли из здания, и шествие направилось к вокзалу, откуда поезда шли на восток и на север — туда, где всегда нужны крепкие рабочие руки.

Стоит ли продолжать подробный рассказ о событиях столь невероятных, не лучше ли просто сказать, что в конце концов шерристянин побежал, как бежал не так давно и Миша Стерженьков, забыв на берегу реки учебник. Все убыстряя темп, мчался он навстречу не очень далекому уже концу нашего повествования.

— ...Ишь, понаехали,— бормотал дворник Никитич, опершись на метлу.— Ишь, уставили мостовую, подмести невозможно, не под машины же лезть!..

Конечно, дворник кривил душой: машины заняли далеко не полностью ту территорию, которую надлежало ему подмести, ему просто не очень хотелось работать. Но тут он встретился взглядом с пробегающим мимо сломя голову Мишей Стерженьковым из пятьдесят девятой квартиры и сразу же ощутил необыкновенный прилив сил и кипучую жажду деятельности. Схватив метлу и не обращая больше внимания на машины, Никитич принялся исполнять свои обязанности.

А шерристянин увернулся от еще одной подъехавшей «Волги» (из нее выскочил длинный, худой человек с портфелем, на котором были этикетки парижских отелей) и, не дожидаясь лифта, понесся вверх по лестнице.

На пороге пятьдесят девятой квартиры шерристянина встретил гул голосов и сверкнули вспышки блицев.

Инопланетянин резко остановился, как останавливает свое движение в момент укола спортивная рапира, быстрым взглядом пронизал все вокруг и, мигом поняв ситуацию, направленным излучением мозга подчинил всех собравшихся своей воле.

Один за другим, не говоря ни слова и не глядя друг на друга, ученые вышли из квартиры. О том, ради чего они собрались, уже не помнил никто из них.

Академик Колбов (это он вышел из «Волги» и все еще ждал на первом этаже лифта) спустя долю секунды вновь оказался в Париже, в номере отеля «Королевская лилия». Этого столь необыкновенного путешествия он не заметил, а о том, что недавно летел в Москву на самолете, напрочь забыл.

Последним из квартиры Стерженьковых вышел профессор Ворошейкин. Инопланетянин окинул его каким-то особенным взглядом, и на мгновение в глазах эстуаролога потемнело, исчезло все, и когда мир вокруг снова стал осязаемым, реальным, Виктор Витальевич уже был совсем другим человеком.

Еще несколько секунд профессор стоял на месте, словно бы прислушиваясь к чему-то внутри себя. Потом он пружинистым шагом пошел в свою квартиру, прямо к столу.

На столе был невероятный хаос, много лишнего и ненужного, было совершенно неясно, как мог возникнуть подобный кавардак. Быстрыми и точными движениями он привел все в порядок и начал работу. Профессор чувствовал отменную рабочую бодрость. Мысли были энергичными и словно упругими, следить за их ходом было настоящим удовольствием. Четкими, ровными строчками исписав несколько листов бумаги, профессор дал себе короткий отдых: проделал несколько физических упражнений из комплекса для людей умственного труда, потом он снова сел за стол и работал еще ровно час, после чего вновь сделал физкультурную паузу и принял холодный душ. Растершись полотенцем, профессор снова с головой ушел в работу...

...Надя Переборова между тем, еще не придя в себя после удивительного своего полета через весь город, словно бы в каком-то сне снова преодолевала расстояние между своим домом и домом Миши. Но вот наконец и дверь с табличкой «59», длинный, беспокойный звонок. Оттолкнув Стерженькову Татьяну, Надя влетела в квартиру. Миша встретил ее каким-то особенным взглядом, и тогда, сразу забыв обо всем, Надя Переборова без сил опустилась на стул.

Волной поднимаясь из самых глубин ее существа, внутри нее зазвучала музыка. Волшебная гармония звуков обретала чудодейственную силу, она словно бы открывала какие-то новые горизонты и грани жизни, за-

ставляла задуматься о том, о чем никогда не думала прежде, и понять то, чего не поймешь в обычные, рядовые моменты жизни. Музыка пела в душе Нади Переборовой, и она знала: так бывает, так было иной раз с самыми величайшими в истории исполнителями, она читала об этом в книгах, это был момент высочайшего вдохновения.

Скорее к инструменту, домой!.. И, подчиняясь этому властному требованию вдохновения, она кинулась домой, даже не попрощавшись с Мишей, как сделали бы это в такой момент на ее месте Паганини, Моцарт или Шопен. Громко хлопнула входная дверь, совершенно уже остолбенелым взглядом проводила Надю Переборову Стерженькова Татьяна...

И не успела, не успела Надя увидеть, как в Мишиной комнате прямо-таки из воздуха, из ничего, проявляется какое-то загадочное сооружение размером с обеденный стол — решетчатое, с множеством углов и волнистых линий, со сложным переплетением трубочек, проводков,— таинственный аппарат шерристян...

*

Миша Стерженьков сидел на полу, и в его голове был сумбур. Сферический колпак ярко-желтого цвета, покачивающийся на кронштейнах, уже отодвигался в сторону.

В Мишиной голове послышался какой-то неясный шорох. Потом голос:

— Второй этап исследований на Земле прекращен досрочно. Землянину возвращено его сознание. Довести ход исследований до конца не представлялось возможным.

Миша Стерженьков облизал пересохшие губы. Неожиданно для себя самого он вдруг услышал свой голос, задающий аппарату шерристян робкий вопрос о том, не он ли, Миша, виной тому, что исследования оказались прерванными. Вопрос прозвучал нелепо, Миша почувствовал, что отчаянно, неописуемо краснеет. Изо всех сил желая сказать что-нибудь еще, чтобы сгладить впечатление, он выдавил из себя фразу, которая прозвучала еще нелепее:

— Вы простите, если что оказалось не так... я... Мне вам очень хотелось помочь... Первый контакт... Вы и сами должны понять... Разве я стал бы... специально...

Воцарившееся молчание было гнетущим. Миша чувствовал, как краска заливает все его лицо. Еще он ощущал на себе постоянный взгляд, которым откуда-то из своих глубин смотрел на него аппарат шерристян. Взгляд, кажется, был укоризненным и чуть ли не печальным.

В распахнутое окно со двора доносились веселые голоса, стук мячей. В коридоре, за дверью, раздавались медленные, смятенные шаги — там, потрясенная всем случившимся на ее глазах, взад и вперед, не в силах прийти в себя, бродила Стерженькова Татьяна. Миша закрыл лицо ладонями. Все, что натворил на Земле шерристянин, он помнил отлично. Что-то неумолимо и властно продолжало подсказывать ему, что исследования шерристянам пришлось прекратить досрочно по какой-то его, землянина Миши Стерженькова, вине!

Чужой голос снова зазвучал в нем:

— Ход исследований все время был под контролем. Причиной, по каким исследования пришлось прекратить досрочно, были частые случаи вмешательства исследователя в земную жизнь. Действия исследователя в конце концов полностью вышли из-под его контроля. Установлены и причины, по каким исследователь утратил над своими действиями контроль. Сознание землянина оказалось недопустимо сильным. Впервые за всю историю комплексных исследований в громадном районе Вселеннои встречена цивилизация, представители которой оказались не до конца подверженными действию трансформации.

В интонациях голоса послышалось, кажется, даже уважение. В Мишиной памяти мигом пронеслась вся вереница приключений шерристянина. А их на Земле действительно произошло немало. Но Миша Стерженьков думал сейчас о другом: остаточные проявления его сознания помешали установлению Контакта, и только это сейчас было главным.

Отчаянно махнув рукой, Миша стал ждать, что теперь будет дальше.

— То, что было изменено на Земле шерристянином, подчиняющимся остаточным проявлениям сознания землянина, должно быть исправлено,— сказал голос.— Всякие воспоминания о том, что с ним происходило, будут после этого стерты из памяти разумного обитателя Земли...

Раздался негромкий щелчок, и внутри аппарата стал нарастать ровный, басовый гул...

*

Зрение Миши на некоторое время непостижимым образом оказалось трансформированным. Он увидел сразу множество разных картинок, и внимания, удивительное дело, хватало на все.

В парке сошли с гипсовых пьедесталов несколько статуй. Превратившись в семерых похожих друг на друга молодых людей, они как ни в чем не бывало двинулись по аллее. Воспоминаний о происшедшем не осталось в памяти ни у одного из этих молодых людей.

В редакции вечерней газеты со стола заведующего отделом науки исчезла заметка «Возможно ли?», в которой шла речь об удивительной старушке, совершившей на улице невиданный акробатический прыжок. Заметка эта сопровождалась комментариями не-

скольких ученых, которые утверждали, что ничего сверхъестественного в этом случае нет — один раз в миллионы лет все атомы тела одного человека вполне могли двинуться в одном направлении. Это и должно было явиться причиной полета.

Из коридора донеслись слова песни «Разноцветные кибитки». Распевая ее громким, крикливым голосом, Стерженькова Татьяна двинулась к себе в комнату.

В учреждении «ЦЕНТРЗАГОТКОНТОРРОЗЛЕПЕСТОК» все в буквальном смысле встало на свои места. Гражданка Захарова М. В., не принятая в секцию, нашла свою сумку и двинулась дальше по своим делам. Профессор Виктор Витальевич Ворошейкин кончил работать и встал из-за письменного стола; когда он вернулся к нему снова, листочек с последними, крайне важными для науки записями опять куда-то запропастился.

Все стало прежним. Миша Стерженьков снова увидел стены своей комнаты и аппарат шерристян. Голова слегка кружилась, и захватывало дух.

— Ну вот и все,— услышал он голос.— Осталось только стереть всякие воспоминания о происшедшем из памяти обитателя Земли, участника второго этапа исследований.

— А, понимаю,— сказал Миша Стерженьков глухо. — Если надо, то, конечно...

В аппарате откинулась какая-то створка, и на кронштейнах вперед выдвинулся сферический колпак голубого цвета...

*

...— Трудно поддающийся обработке,— сказал в Мишиной голове голос, словно бы обращавшийся не к нему, а к кому-то другому.— Необходима смена режима, перестройка структур.

Миша Стерженьков растерянно оглядывался по сторонам. Все, что происходило с шерристянином на Земле, он по-прежнему помнил отлично. Стерлись из памяти лишь самые мелкие подробности.

Аппарат вздрогнул и загудел снова. Теперь его шум был басовитей и гуще. Сферические колпаки зашевелились все разом.

Полосы легкого забытья, похожего на сон, находившие на сознание, стали продолжительнее. Когда Миша выныривал из них, он отмечал, что аппарат шумит все сильнее, но никакого особенно заметного действия обработки памяти он на себе по-прежнему не отмечал. Стерлись еще кое-какие подробности, чуть-чуть позначительнее, чем в первый раз, и только. Конструкция — порождение чужого разума — явно перегревалась!..

— Мама скоро придет с работы,— растерянно сказал Миша.— А тут... а вы...

Аппарат в третий раз начал наступление на Мишину память. Он содрогался и вибрировал. Войдя с ним в резонанс, тихонечко стали даже позвякивать хрустальные спортивные кубки и медали, завоеванные Мишей.

— Трудно поддающийся обработке,— повторил голос в Мишиной голове.— Все стереть невозможно. Некоторые воспоминания останутся.

Невидимый взгляд продолжал рассматривать Мишу. Во взгляде этом Миша все явственней ощущал скрытое уважение. Возможно, впрочем, что это ему казалось. Главное же, ему было обидно, очень обидно, что он не оправдал доверия братьев по разуму. И очень хотелось, чтобы вся эта история немедленно началась снова!..

Но никому не дано возвращаться к истокам каких-то событий и переживать их вновь, хотя часто, очень часто ничего не желает человек так сильно, как этого. Не дано... Второй и третьей попыток, как это заведено в некоторых видах спорта, не положено, к сожалению, в обычной жизни.

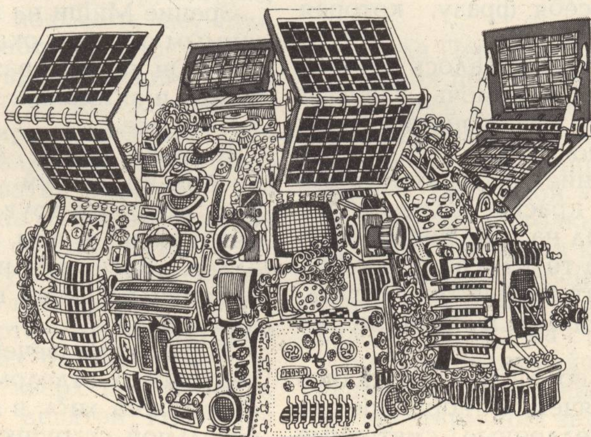
— Землянин, прощай! — раздался голос.

Аппарат стал медленно растворяться в воздухе. И на какое-то мгновение Мише Стерженькову показалось, что голос хочет сказать ему еще что-то другое — теми же очень дружескими, очень теплыми интонациями, с какими прозвучали последние слова. И он кинулся к тому углу комнаты, где стоял аппарат, но поздно — лишь легкая дымка осталась в воздухе... Вот и она растворилась бесследно. Навсегда!

Из соседней комнаты доносилась песня о разноцветных кибитках... В коридоре звонко щелкнул замок, мама, Алевтина Игоревна, в шоферском комбинезоне, пропахшем ветром дальних рейсов и бензином, стремительно появилась на пороге Мишиной комнаты.

— Ну,— начала она голосом строгого воспитателя,— как этот зачет?.. По технике теории... нет, по теории толкания?.. Короче, сейчас переоденусь, возьму учебник и проверю, как ты к нему готов...

КОНЕЦ

Землянин, прощай! — раздался голос.

— *Ну понял? Вот так и полетишь!..*

С. ИВАНОВ

Фотографии В. ПОСТНИКОВА.

На реактивных лыжах

Один на один со скоростью.

Мы в редакции, между прочим, почти что все за «Динамо» болеем. Но хотелось, конечно, рассказать о чемпионах. Однако чемпионы и призеры большей частью оказались в «Спартаке». Так что извините, юные динамовцы, извините, ребята из «Зенита» и из всех других обществ. Как говорится, до лучших времен!..

А за спартаковцами пришлось-таки побегать. Некогда, они говорят, некогда нам фотографироваться. У нас тренировка, время дорогое...

И подумалось: «Может, потому они и чемпионы?..»

На фотографиях эти ребята почему-то немного взрослее получились. А на самом деле их возраст—десять—двенадцать лет. Десять лет—самое удобное время для начала занятий прыжками с трамплина. Так сказал нам тренер юных спартаковцев Валерий Васильевич Рябинин. Вот он, видите, держит на вытянутых руках Игоря Арефьева. Это — специальное упражнение. Мальчишка прыгает с какого-нибудь пригорочка, а тренер подхватывает его и проносит несколько шагов. Чтобы полет почувствовал.

Этот репортаж рассказывает о прыгунах с трамплина. Об осенней их подготовке к ответственным зимним стартам.

Прыжки с трамплина — серьезный спорт. В полном смысле слова мужской! В нашем репортаже есть несколько фотографий, рассказывающих о специальной подготовке прыгуна. Вот тяжелые, как гири, набивные мячи.

Да, здесь тебе не волейбольные мячечки!

Это для прыгунов, для двоеборцев очень полезные упражнения.

Бывает футбол на снегу, а бывают лыжи на траве.

Но ими надо не просто так перебрасываться, а быстро, быстро, быстро! Из-за головы, через спину, из рук в руки... Тут не то что семь потов сойдет, а и все семьдесят! Но терпи, брат прыгун! Без скоростной выносливости на трамплине делать нечего!

А ноги какие должны быть у прыгуна с трамплина, представляете? Настоящие стальные пружины. Когда мы пришли на Ленинские горы (там занимаются все московские горнолыжники), даже не поняли сначала, что за стрельбы такие. То и дело в легком осеннем воздухе разносилось стопудовое — бух! бух! бух! Словно взрывались вдали снаряды... А это приземлялись лыжники!

Чтобы хоть отчасти представить себе, какие ощущения испытывает прыгун с трамплина во время приземления, влезь на стул и спрыгни... Ну, сделал это? Почувствовал, как непроизвольно напряглись твои колени и как напряжение побежало вверх и вниз по ногам? Чувствуешь? А прыгун летит едва ли не с высоты пятиэтажного дома... Серьезно! Рассмотри повнимательней снимок, где Витя Бортников (это, между прочим, призер первенства Москвы) поливает водой синтетическое покрытие трамплина. Видишь, какая высота? Как далеко земля! Майский жук по сравнению с той машиной, что стоит внизу,— просто гигант... Да, тут не только сила, тут и смелость нужна недюжинная!

Прыгуну требуется всесторонняя и очень серьезная физическая подготовка: специальные легкоатлетические упражнения, и кросс, и штанга, и турник, и футбол! Один снимок из этой серии, наверное, привлек твое особое внимание. Мальчик бежит по лохматой осенней траве на лыжнероллерах. Это Слава Донских, он двоеборец. В группе В. В. Рябинина занимаются и двоеборцы. У них соревнования проходят в два этапа: первый — прыжки с трамплина, второй — лыжная гонка... А Слава что, чемпион? Нет пока. Но посмотрите, как упорно он тренируется. И раз так — должен победить!

Кстати об упорстве. Откуда оно берется у этих ребят? Ну, станешь ты чемпионом, ну, не станешь... В десятый класс тебя все равно за это не переведут!

Нет, не в наградах тут, видно, дело, не в кубках, не в грамотах. А просто: раз уж взялся, так делай на совесть. А кое-как — лучше не начинать! Так заведено в секции Рябинина. Может быть, еще и поэтому они чемпионы? (Справка: юные горнолыжники тренируются круглый год, по три-четыре раза в неделю.)

Прыжки с трамплина. Мы все толкуем о том, как это трудно, какая тут смелость нужна. Но очень важно и вот еще что — подтянутость, собранность, аккуратность. Один из наших снимков называется «Оружие держим в чистоте». После каждого прыжка ребята

Оружие держим в чистоте!

Но зачем уж так понадобилось за ним охотиться? Был на то резон. И серьезный. Мальчик этот — Володя Саморев — чемпион Москвы... Видите как: чемпион, а фотографироваться ни в какую!..

Смелость, силу, точность движений — это все спортсмену с детства в себе воспитывать надо. Но и скромность тоже!..

Может, еще и поэтому они чемпионы?..

Когда писался этот репортаж и делались снимки, в Москве была осень, середина октября, последние погожие деньки. Теперь уже февраль. Солнышко, которое высоко и которому сверху куда больше видно, чем нам, уже разглядело где-то вдали весну. А что же наши летающие лыжники из «Спартака»? Дела их идут нехудо! Сезон в самом разгаре. Осенняя работа обернулась рекордными метрами красивого и стремительного полета. Чемпионы сражаются за свои титулы!

Динамовцы идут...
Серьезный противник!

— Мне лично очень нравится с трамплина прыгать.

Вот она, наша искусственная гора.
Гора искусственная,
а прыжочек-то настоящий!

очень тщательно и серьезно проверяют свои лыжи, чистят их, натирают парафином. Тогда уж все непредвиденности и случайности будут исключены. Дело-то все-таки нешуточное: пронестись по крутой, как обрыв, горе разгона, оттолкнуться и... Здесь точность ой как нужна, математическая точность!

А что за ребята изображены на этом снимке? Ну, впереди уже знакомый нам Слава Донских. А сзади парнишка — тот, что лыжи свои мажет парафином, — этот никак не хотел сниматься. Ну, просто нет и нет. Всеми способами от нас увертывался. Наконец улучили момент, щелкнули!..

Сверкают палаши и шпаги,
Венгерец вновь венгерцем стал —
Лучится солнце на клинках,
В очах горит огонь отваги.

«ГОТОВЬСЯ К ПОДВИГУ, ПОЭТ!»

Антал ГИДАШ,
венгерский поэт

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

Мы отмечаем стопятидесятилетие со дня рождения Шандора Петефи, а он юноша — моложе многих из ныне живущих больших поэтов!

Счастливец! И не только потому, что его поэзия остается юной, живой до сих пор, но и потому, что ему по-юношески было суждено умереть. Не пожалев жизни, без раздумья кинулся он в бой за свободу и двадцати шести лет от роду погиб — прежде, чем поражение стало явным и бесповоротным.

Но что я говорю? Без раздумья?! Напротив, его последний шаг — вступление в армию польского генерала Иосифа Бема, который бился за свободу повсюду, где бы народы ни выступали в бой за нее (в 1849 году он сражался за свободу в Венгрии), — этот шаг Петефи был плодом долгих раздумий о жизни и свободе, о невозможности и позоре существования в рабстве, заключительным аккордом всего творческого и жизненного пути Шандора Петефи.

Гибель Шандора Петефи на поле боя была столь же высока и героична, как вся жизнь поэта. Он предсказал ее в своем гениальном провидческом стихотворении, в нем он, величайший национальный венгерский поэт, высказал свою мечту о всемирной свободе:

…Если сбросят народы неволи ярмо
И восстанут бороться за счастье свое,
И с горящими лицами бросятся в бой,
И на алых знаменах появится лозунг святой:
«Мировая свобода!»,
И с востока на запад народы тот зов
протрубят
И тираны, услышав тот зов, задрожат, —
Пусть тогда упаду я,
Пусть там гибель найду я,

Пусть кровь молодая из сердца прольется,
Но с губ моих радостный возглас сорвется.
Пускай мои слова стальной поглотит гром,
И грохот выстрелов, и звуки труб кругом,
Но я услышу храп коня,
И пусть тогда через меня
Галопом скакуны к победе мчатся тут.
Останков вы моих не трогайте, придут
Иные времена — вы соберете их!
Он настанет, тот день похорон больших.
Знамена склонятся, марш грянет, успокоив
В одной могиле братской всех героев,
Которые погибли, добывая
Тебя, священная Свобода мировая!

Истощенный болезнью и голодом, стоял он у окна маленькой комнаты. Только что он получил два прощальных подарка от дебреценских студентов: потертую парусиновую сумку и пастуший посох. На столе лежала самодельная тетрадь — единственная надежда поэта, его стихи. Шандор Петефи отправлялся в Пешт. Вьюжный февраль ледяными лапами метелей загонял всех под кров — всех, кроме него...

«Я думал, — писал он позднее, — продам свои стихи — хорошо, а не продам — тоже хорошо... Тогда либо с голода помру, либо замерзну. По крайней мере, придет конец моим страданиям».

В сумке его — каравай хлеба и кусочек сала, в руке — пастуший посох. Вот и все, что дал на дорогу величайшему поэту Венгрии задыхающийся от сытости город Дебрецен.

«Один шагал я у подножия горы, ни одна живая душа мне не повстречалась. Все люди искали крова. Погода стояла страшная. Снегом вперемежку с дождем осыпал меня завывающий буран. Он мчался мне прямо навстречу. Слезы, выжатые холодом метели, замерзали у меня на лице».

Только двадцать второй год пошел ему. Но уже пять с половиной лет он странствовал.

Шел 1844 год.

«Голову хотел бы снести я тем, чьи деды ездили тогда на пятерке лошадей», — написал семьюдесятью годами позже другой великий венгерский поэт Эндре Ади.

*

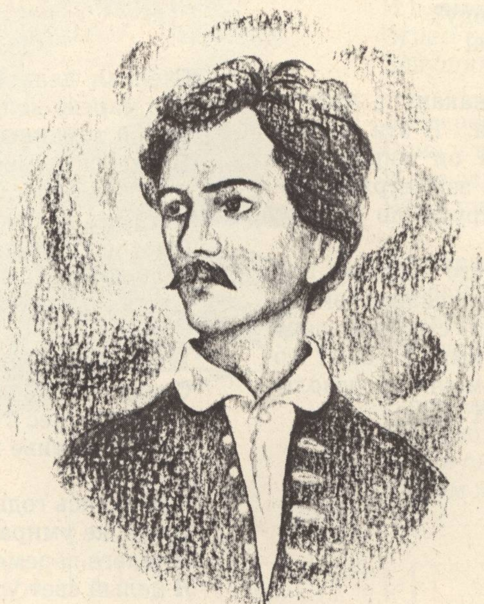
Шандор Петефи родился в канун 1823 года в маленьком степном городке Киш Кереш. Мальчик с детства проявлял исключительные способности, но школу ему пришлось бросить, так как отец его разорился. В 1838 году юноша пошел скитаться по стране: служил в актерских труппах, работал переписчиком, давал уроки, временами пытался продолжать учение. Но юноше из народа в условиях феодальной Венгрии было невозможно выбиться в люди. Петефи с детства ощущал то, что позднее написал в одном стихотворении:

Готов я голову пробить,
Но горбясь не хочу ходить я!

Могучий дуб, который нельзя согнуть, а можно разве только сокрушить молнией, — этот образ символизирует жизнь и творения поэта.

С пастушьим посохом и тетрадкой стихов в руках пришел Петефи пешком в Пешт. Стихи его вскоре издали. Передовые круги Венгрии приняли их восторженно. Имя поэта и его стихи не сходили с уст, его песни распевала вся страна. В них слышался запах полей, шум придорожных харчевен, заунывные звуки пастушьих рожков, нежные слова простых девушек.

Но стихи эти звучали слишком непривычно, по-новому. И Петефи стали травить. К каким только подлостям не прибегали, чтобы сломить

Любовь и свобода —
Вот все, что мне надо!
Любовь ценою смерти я

Добыть готов,
За вольность я пожертвую
Тобой, любовь!

силы молодого поэта! Но не так-то легко было справиться с этим юным Антеем, сильным своей неразрывной связью с народом, с землей своей родной страны. Чем больше нападали на него, тем прочнее сближался Петефи с народом, тем яснее осознавал он необходимость революционного свержения того строя, который — он ясно видел это — нес гибель всей венгерской нации.

Он первый принес в венгерскую поэзию идею народного освобождения. Петефи первый принес в венгерскую литературу и мотивы труда. Труд и труженик — вот подлинные хозяева страны, утверждал он и, обращаясь к привилегированным классам, вопрошал:

Кто вы такие, чтоб иметь права,
Которых не имеет весь народ?
Отцы добыли родину для вас!
Не на нее ль народный льется пот?
Вы говорите: золотые копи!
Но что ж молчите вы о рудокопе,
Что роет землю и дробит породу?
Ведь это же — рука народа!

1846—1847 годы. Европа накануне могучего революционного потрясения. В эти месяцы Петефи говорил друзьям, что он «предчувствует революцию, как собака землетрясение». Он жадно, с упоением читал труды по истории революций.

Все больше рождалось у него стихов, полных жгучего протеста, они рождались вместе с замечательными лирическими стихами, переплетаясь, подчас сливаясь с ними. В 1847 году Петефи напечатал свой знаменитый революционный призыв к поэтам XIX века:

Не для пустой забавы пой
В угоду суетному миру!
Готовься к подвигу, поэт,
Когда берешь святую лиру.
И, если хочешь воспевать
Свою лишь радость и страданья,
Не оскверняй заветных струн, —
Нужны ль тогда твои созданья?

Петефи всем своим творчеством содействовал подготовке революционного взрыва. Он был самым последовательным революционным демократом предреволюционной Венгрии. И не случайно поэтому, что вождем самого последовательного крыла венгерской революции 1848 года стал именно поэт Петефи.

Удивительный, тончайший живописец и лирик в поэзии, Петефи оказался самым ярким и острым публицистическим поэтом революционного 1848 года. Для него, как для каждого истинного революционера, личное и социальное было неразрывно, и это единство определило сущность поэзии Петефи.

Многообразный, наделенный фантазией, как немногие даже из великих поэтов мира, умный, по-детски непосредственный, гневный и добрый, великодушный и строгий, Петефи соединял в себе эти и еще многие другие черты в единое целое, позволившее ему к двадцати шести годам оставить такое творческое наследие, благодаря которому он вошел в число величайших поэтов мира.

К нам он приходит всегда, «как живой с живыми говоря». Потому-то и любим мы его, читаем, не расстаемся с его стихами.

Шандор ПЕТЕФИ

НА РОДИНЕ

Степная даль в пшенице золотой,
Где марево колдует в летний зной
Игрой туманных, призрачных картин!
Вглядись в меня! Узнала? Я — твой сын!

Когда-то из-под этих тополей
Смотрел я на летевших журавлей.
В полете строясь римской цифрой пять,
Они на юг летели зимовать.

В то утро покидал я отчий дом,
Слова прощанья лепеча с трудом,
И вихрь унес с обрывками речей
Благословенье матери моей.

Рождались годы, время шло вперед,
И так же умирал за годом год.
В телеге переменчивых удач
Я целый свет успел объехать вскачь.

Крутая школа жизни — божий свет,
Он пóтом пролитым моим согрет.
Я исходил его, и путь тернист
И, как в пустыне, гол и каменист.

Я это знаю, как никто другой.
Как смерть, недаром горек опыт мой.
Полынной мутью из его ковша
Давным-давно пропитана душа.

Но все печали, всякая напасть,
Вся боль тех лет теперь должны пропасть.
Сюда приехал я, чтоб без следа
Их смыть слезами счастья навсегда.

О, где еще земля так хороша?
Здесь мать кормила грудью малыша.
И только на родимой стороне
Смеется, словно сыну, солнце мне.

1842 г.

Стихотворение «Поэтам XIX века» перевел В. Левик. Остальные стихи, которые приводятся в тексте, перевел Л. Мартынов.

В то утро покидал я отчий дом,
Слова прощанья лепеча с трудом.

ВЕНГЕРЕЦ ВНОВЬ ВЕНГЕРЦЕМ СТАЛ

Венгерец вновь венгерцем стал!
Он сам собою стал отныне, —
Не будет больше он слугой
При иноземном господине.

Венгерец вновь венгерцем стал —
Ярма он не потерпит снова.
Звеня, осеннею листвой
На землю сыплются оковы.

Венгерец вновь венгерцем стал —
Сверкают палаши и шпаги,
Лучится солнце на клинках,
В очах горит огонь отваги.

Венгерец вновь венгерцем стал,
И пламенеют наши лица
Огнем развернутых знамен,
Зовущих в битву устремиться!

Венгерец вновь венгерцем стал!
Одно у всех венгерцев сердце,
И это сердце бьется так,
Что в ужасе враги венгерца.

Венгерец вновь венгерцем стал,
Героем стал на поле брани,
И мир, великий мир глядит
На чудеса в венгерском стане.

Венгерец вновь венгерцем стал
И вечно будет сам собою,
Иль в славный час, ужасный час
Умрем мы все на поле боя!

1848 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Здесь я родился, я в своем краю,
Вернулся в степь Альфельдскую свою,
Где все места следами старины
И нянинными песнями полны.
В одной припев был, помнится, такой:
«Жук, майский жук, пострел-проказник мой».

Ушел ребенком я из этих мест
И взрослым совершаю новый въезд.
Как странно, двадцать лет прошло с тех пор...
Да, время мчит во весь опор,
Наполненное счастьем и тоской!..
«Жук, майский жук, пострел-проказник мой».

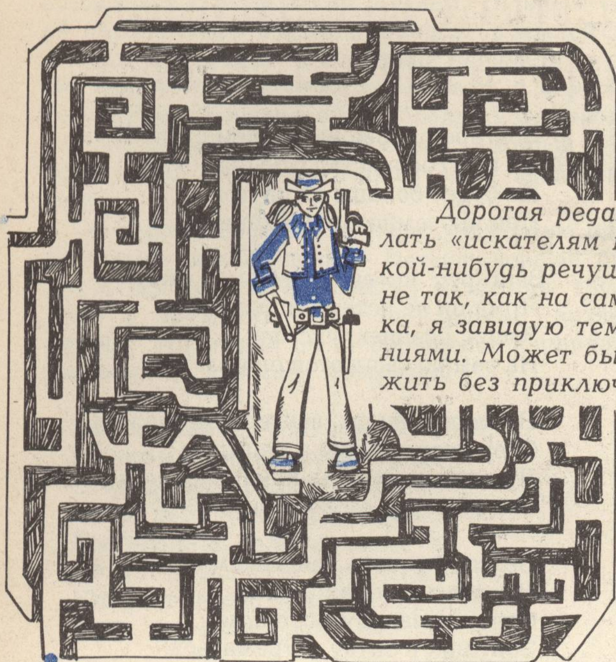
Где вы, друзья тех детских лет, сейчас?
Хоть одного б увидеть мне из вас!
Уверьте, что по-прежнему я мал.
Пусть я забуду, что мужчиной стал,
Что четверть века за моей спиной.
«Жук, майский жук, пострел-проказник мой».

Как птичка прыгает с сука на сук,
Бессвязно мысли носятся вокруг,
Ловя воспоминанья на лету,
Как пчелы мед на липовом цвету.
Ах, здесь воспоминаний целый рой!
«Жук, майский жук, пострел-проказник мой».

Я мальчик вновь и на лошадку — скок,
Скачу, трубя в осиновый рожок,
Но хочет пить конек мой боевой,
Я тросточку веду на водопой.
Напился конь. Пора, бетьяр, домой.
«Жук, майский жук, пострел-проказник мой».

Вот колокол вечерний зазвучал.
И всадник утомлен, и конь устал.
Я дома засыпаю в тот же миг
И долго слышу в снах своих
Припев любимой песенки одной:
«Жук, майский жук, пострел-проказник мой».

1848 г

Дорогая редакция, очень прошу ответить на мой вопрос: что делать «искателям приключений» в городе, который не имеет даже какой-нибудь речушки? В книгах все получается так складно и совсем не так, как на самом деле. Хоть и говорят, что зависть — плохая штука, я завидую тем, у кого жизнь насыщена опасностями и приключениями. Может быть, вы будете смеяться, но я вам скажу, что скучно жить без приключений...

Галя С.,
Донбасс.

А на самом деле так...

ГАЛЕ ОТВЕЧАЕТ КАНДИДАТ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАУК ИГОРЬ МИХАЙЛОВИЧ ЗАБЕЛИН.

Нет, Галя, мы не будем смеяться над тем, что тебе скучно жить без приключений. Напротив, мы порадуемся твоему стремлению к интересному, увлекательному, неожиданному. Прекрасно вступать в жизнь с мечтой об опасных происшествиях, об открытиях, о стоящем деле.

Одно только беспокоит и настораживает меня в твоем письме: правильно ли ты себе представляешь роль «искателей приключений», знаешь ли хорошо, к чему стремишься.

Очень молодым человеком я отправился в плавание по Берингову морю на совсем небольшом судне. Разумеется, я мечтал о приключениях и как-то сказал одному матросу:

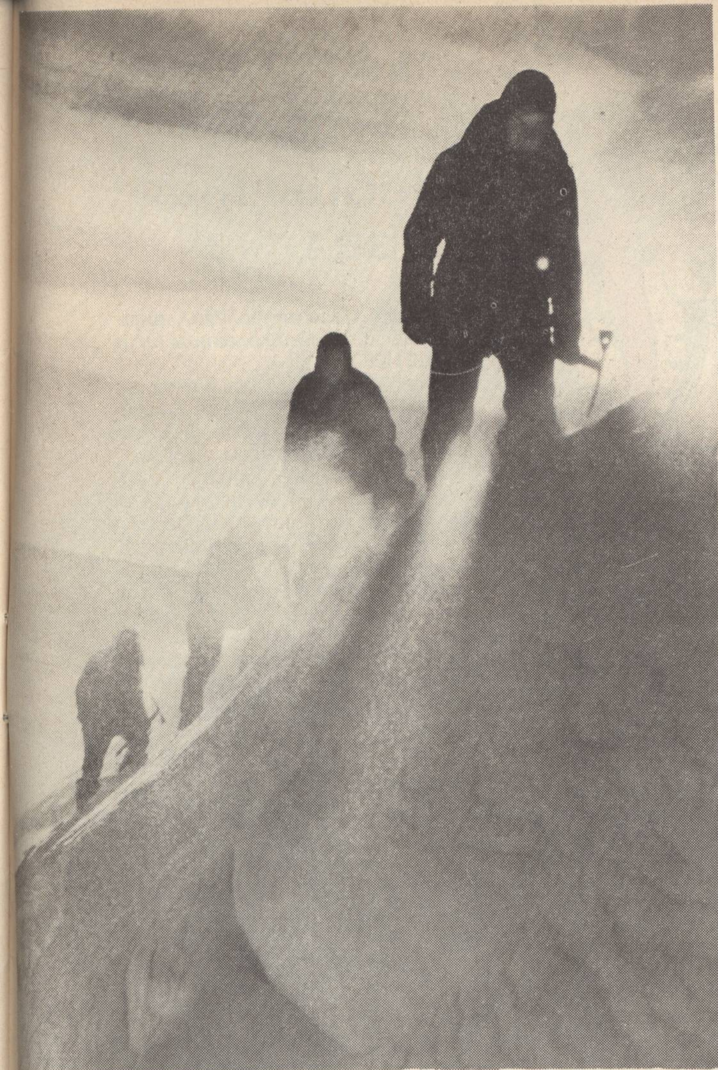
— Хорошо бы шторм!

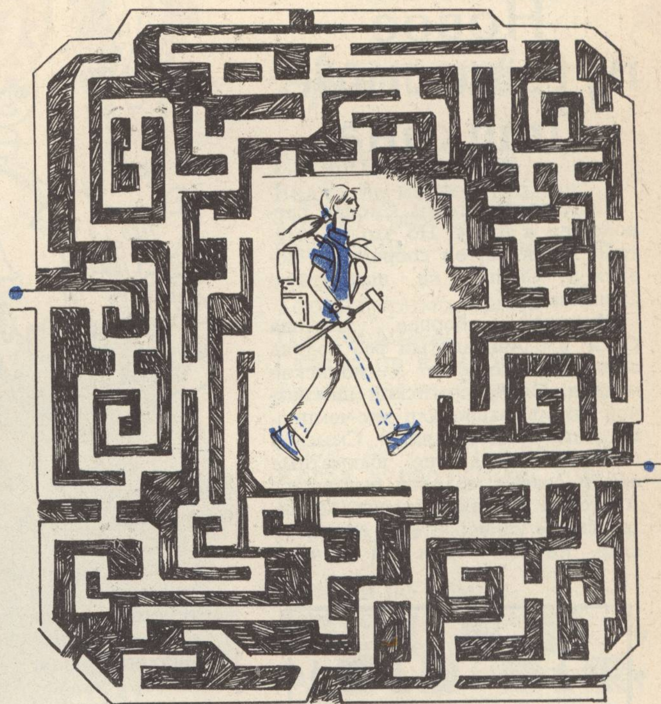
— Что же тут хорошего? — удивился матрос.— Тройная нагрузка команде, только и всего.

Меня поразил тогда его ответ: приключение — это двойная или тройная нагрузка, чаще всего работа без всякой меры... И опасность!

Я расскажу тебе о своем друге географе Тамаре Михайловне, а ты подумай и реши, о каких приключениях ты мечтаешь.

Однажды осенью наш отряд заканчивал работу в горах Южной Сибири, в Саянах. Близилась зима: надо было спешить в населен-

ные места, в долины. А тут, как на грех, наша с Тамарой Михайловной лошадь вывихнула заднюю ногу. Груз с нее пришлось снять и отряду идти медленнее. Ночью перед последним перевалом пошел снег. К утру и трава, и камни, и болото скрылись под снежным покровом. В горных болотах всегда много острых камней. Об эти острые невидимые камни мы сбивали ноги. Да еще тащили за собою лошадь. И одежда наша промокла, стала стопудовой. Неожиданно поднялась метель, и нам показалось, что мы никогда не доберемся до места.

Путь был далекий, мы обессилели. Тамара Михайловна упала, но все же заставила себя подняться и идти дальше.

Только к вечеру мы добрели до леса и разожгли костер.

...Через год Тамара Михайловна снова поехала в экспедицию, теперь уже в Западную Сибирь.

С проводником, хантом, они отправились в поход. Сначала плыли на лодке, выдолбленной из цельного ствола дерева,— Тамара Михайловна на веслах, а проводник — за рулем. Потом двести километров шли по ряму — так называют в этих краях болота.

По утрам Тамара Михайловна не могла подняться, ноги распухли и болели. Проводник надрезал ее сапоги и помогал пройти первые сотни метров (потом боль притуплялась). ...Когда они вышли к жилью и Тамара Михайловна увидела изгородь, она потеряла сознание и очнулась уже в больнице.

Я рассказываю тебе об опасностях и трудностях вовсе не затем, чтобы напугать тебя. Я хочу, чтобы ты знала, что сопутствует приключениям. И еще затем, чтобы ты поняла главное: выдержать такую жизнь из года в год, особенно женщине, у которой семья и дети, можно только во имя большой и прекрасной цели. Тамара Михайловна отправляется в путь не в поисках приключений. В Саянах она прокладывала трассу для будущей железной дороги — в Сибири в ту пору намечались крупные стройки; в Западной Сибири искала природный газ и нефть. Теперь ищет нефть в Прикаспии и в Туркмении.

Ни моряки, ни летчики-испытатели, ни геологи не называют себя искателями приключений.

Приключения для них не самоцель, а всего-навсего сложный и необходимый путь к открытиям, исследованиям, к знаниям, которые делают человека могущественнее.

И геологи, и летчики, и моряки с радостью обошлись бы без приключений, которые мешают им выполнить свою задачу.

Зря ты, Галя, мечтаешь о каких-то приключениях вообще. Постарайся уже сейчас решить для себя, чем ты займешься, когда вырастешь. Когда у тебя появится цель, главная в твоей жизни, готовь себя к тому, чтобы стойко преодолеть все трудности и все приключения, которые встретятся на твоем пути.

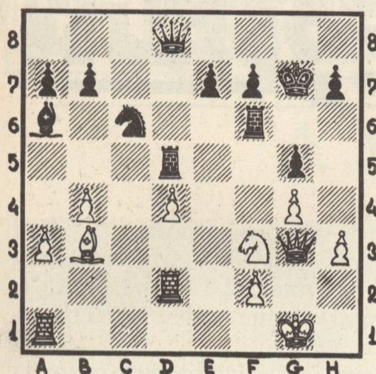
Фотографии Г. ДМИТРИЕВА.

Новое путешествие Пешкина

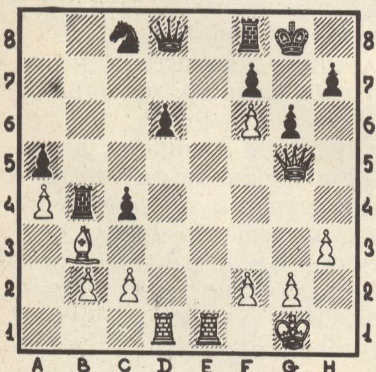
Югославский город Скопле расположен в горах. Но это не смутило Пешкина, он собрался и поехал в Скопле на шахматную Олимпиаду.

Мужская сборная команда СССР в одиннадцатый раз подряд завоевала золотые олимпийские медали. Славу советской шахматной школы защищали экс-чемпионы мира Т. Петросян, В. Смыслов и М. Таль и другие шахматные асы и совсем молодой шахматист Анатолий Карпов, студент Ленинградского университета. Гроссмейстер Карпов, один из лучших

шахматистов страны, на Олимпиаде сыграл 15 партий и внес в «золотую копилку» команды 13 очков.

На этой диаграмме вы видите позицию, которая возникла в партии Бисгайер — Карпов. Американский гроссмейстер играл белыми. Своим последним ходом он напал на черную ладью, а после отступления ладьи собирался продвинуть пешку на d5 и перейти в атаку.

Неожиданно для Бисгайера последовало: 27...Кc6 : d4! 28. Лd2 : d4 (На 28. С : d5 черные ответили бы 28...К : f3+ 29. С : f3 Ф : d2) 28... Лd5 : d4 29. Кf3 : g5 (белые все еще надеются на атаку, но их

планы терпят крах). 29...Лd4—d3 30. Фg3—h4 h7—h6 31. Кg5 : f7 Фd8—d4 32. Лa1—e1 · Лd3 : h3! Белые сдались.

Пятый раз подряд завоевали золотые медали и советские шахматистки. В сборную команду СССР входили чемпионка мира Нона Гаприндашвили, международные мастера Алла Кушнир и ленинградская студентка Ирина Левитина.

Ира выдвинулась еще в соревнованиях школьников, была чемпионкой СССР среди девушек. На Олимпиаде Ира сыграла шесть партий, в пяти одержала победу, одну закончила вничью.

Вот финал одной из ее победных встреч.

Белыми играла Ира Левитина, черными — болгарская шахматистка Весмина Шикова.

Король черных в опасном положении, но, напав на пешку f6, Шикова парировала перевод белого ферзя на h6.

Ира усилила нападение. Она сыграла 25. Лe1—e7! От угрозы 26. Фg5—h6 у черных не оказалось защиты.

В партии было: 25...Кc8 : e7 26. f6 : e7 Фd8—b8 27. e7 : f8Ф+Крg8: f8 28. Сb3—a2 Лb4 : a4 29. Фg5—f6 Фb8—c7 30. ЛdI : d6 (Еще проще было бы 30 Фh8+) 30. Крf8—e8 31. Лd6—d1 Лa4 : a2 32. Лd1—e1+ Черные сдались.

Грамоты «шахматным спринтерам»

Пешкин наградил «Грамотами ферзя и ладьи» ДИМУ КОНДУХОВА (Москва), ВАСЮ КОЗЫРЕВА (г. Нелидово), ГЕОРГИЯ ШИРИНА (Куйбышев), ТОЛЮ СДВИЖКОВА (с. Радчино, Липецкой области), ВАНЮ ПЕНЬКОВА (с. Лабазы, Оренбургской области), ЮРУ ВАСИЛЬЧЕНКО (пос. Сарокташ, Оренбургской области), ЮРУ МАЛИНИНА (г. Паневежис), ВАДИМА ШТЕПИНА (Челябинск).

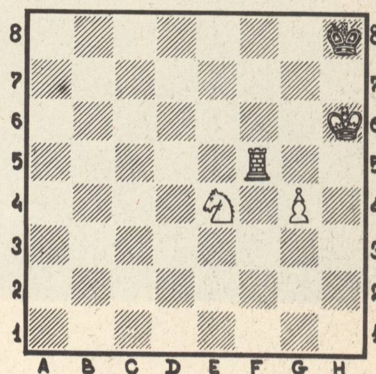
Необычная задача

Недавно Пешкин получил письмо от московской школьницы ОЛИ ЛОПАТИНОЙ.

«Пешкин, скажи, пожалуйста, почему ты не Ферзев или не Ладейкин? — спрашивает Оля.— Ведь это самые сильные фигуры».

«Сильные-то они сильные,— отвечает Пешкин.— Да пешка сильнее: она может стать и ферзем, и ладьей, и любой другой фигурой. Какая еще фигура способна на такие удивительные, можно сказать, фантастические превращения?»

Как видите, Пешкину нравится его фамилия. В подтверждение он вам предлагает, ребята, необычную задачу:

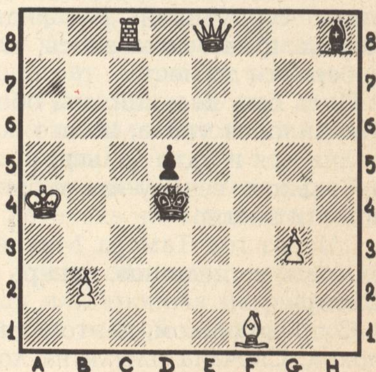
Требуется заматовать черного короля в четыре хода.

— Почему в четыре,— спросите вы,— если можно сразу дать мат ладьей на f8?

Все дело в том, что мат черному королю надо дать обязательно пешкой!

Попробуйте решить эту задачу. Пешкин включил ее в свой конкурс.

И еще одно конкурсное задание.

В этой старинной задаче белые, начиная игру, дают мат в три хода черному королю.

ПЕШКИН ЖДЕТ ВАШИХ ПИСЕМ, РЕБЯТА.

Крыстю СТАНИШЕВ

Громоотвод

Где вихри хоровод
Ведут на нашей крыше,
Торчит громоотвод,
Он любит — где повыше.

Торчит громоотвод,
И если дождь струится,
Глядит он в небосвод,
Дождя он не боится.

Свой долг исполнит он:
Когда в грозу наш город
И громом оглушен,
И молнией распорот,

И люди по домам
Бегут скорей укрыться,
По-прежнему он там,
Где злая мгла клубится.

Гроза ли, гром ли, град,—
Отважен и спокоен,
Стоит он, как солдат,
Как настоящий воин.

Да и не так он прост,
Есть у него сноровка:
Он молнию за хвост
Ловить умеет ловко!

Чтоб дом не подожгла,
Он молнию хватает
И с крыши вдоль угла,
Под землю посылает.

А тучи в небесах
Уйдут своей дорогой,—
Стоит он на часах,
Задумчивый и строгий.

Перевел с болгарского
Вл. ЛИФШИЦ.

Михаил ЛАКАТНИК

Орел

— Дай, орел, мне два крыла! —
Попрошу я у орла,—
Дай подняться в вышину,
Оглядеть свою страну:
Плодородные долины,
Неприступные вершины,
Полноводные озера,
Трубы фабрик, зелень бора,
Реки, села, города,
Теплоходы, поезда...
— Дай, орел, мне два крыла! —
Попрошу я у орла.

Рисунок А. БОРИСОВА.

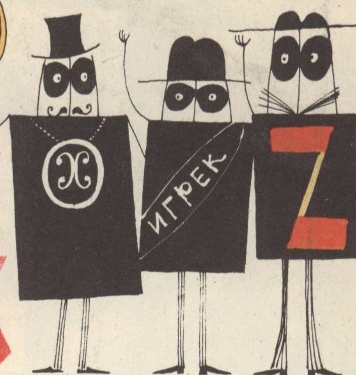

ЧЕТВЕРТАЯ ОЛИМПИАДА

ОЛИМПИАДА • ОЛИМПИАДА • ОЛИМПИАДА •

ТРЕХ

ОЛИМПИАДА • ОЛИМПИАДА • ОЛИМПИАДА

НЕИЗВЕСТНЫХ

Всем! Всем! Всем!

Ветеранам и новичкам!

Лягушатам и всем, кто старше!

Четвертая Олимпиада начинается!!!

Вас ждут задачи — трудные и легкие, смешные и серьезные, с закавыками и без. Задач много (закавык тоже!) — на разный вкус. Причем задачи для лягушат и для старших даны вперемежку.

Новички, пожалуйста, не стесняйтесь! Удалось решить две или три задачи — уже хорошо, кладите тетрадку в конверт и отправляйте нам свои решения. Наши ветераны знают: НАГРАДЫ НЕИЗВЕСТНЫХ ЖДУТ НЕ ТОЛЬКО ТЕХ, КТО РЕШИЛ ВСЕ ИЛИ МНОГО ЗАДАЧ. Мы очень любим красивые, изящные решения и всегда отмечаем их, даже если решены не все задачи.

Особые награды готовятся для тех, кто решит самые трудные задачи (они отмечены восклицательным знаком).

Лягушата! Для вас (учеников 3-х и 4-х классов) задачи помечены звездочкой. Победители ОЛИМПИАДЫ ЛЯГУШАТНИКА БУДУТ ОПРЕДЕЛЯТЬСЯ ПО ЭТИМ ЗАДАЧАМ. Дополнительно (самым храбрым лягушатам!) советуем сразиться и с теми задачами, около которых стоят две звездочки.

26 марта 1973 года — последний срок отправки решений.

ПРОСЬБЫ НАШЕГО ЖЮРИ:

Все решения отсылать в одном конверте. Если почему-либо надо послать второе письмо, не забудь упомянуть в нем, что первое уже послано.

Фамилию, имя, адрес, класс и школу пиши печатными буквами.

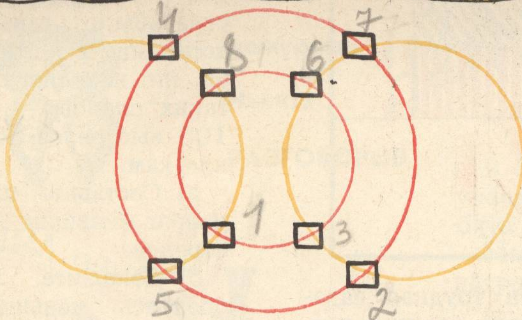
Помни: одного ответа недостаточно, присылайте подробные решения.

МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ ★ 49

Одного из учеников математической школы спросили: «Сколько тебе лет?» Он ответил: «Когда моему брату было столько, сколько мне сейчас, мне было втрое меньше лет, чем ему сейчас. Когда мне будет столько лет, сколько ему сейчас, нам вместе будет 49 лет».

СКОЛЬКО ЕМУ ЛЕТ?

Расставьте цифры

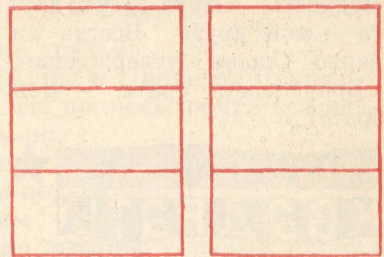
* а) Расставьте в восьми квадратиках числа от 1 до 8 так, чтобы сумма чисел в квадратиках, расположенных на каждой из четырех окружностей, была одной и той же.

б) Придумайте, как из одной расстановки получить еще несколько.

в) Сколько существует различных расстановок (две расстановки считаются одинаковыми только тогда, когда у них совпадают числа во всех квадратиках)? Ответ надо обосновать.

Задачу прислал нам Ю. А. Аленков из Харькова.

Загадочные рисунки

На рисунках показано некоторое тело, ограниченное плоскими гранями (на левом рисунке вид этого тела спереди, на правом — сверху). Как выглядит это тело, если посмотреть на него сбоку?

Дерзкий побег

Пленная королева вместе со своим сыном и дочерью заперты в каморке на самом верху высокой башни. Снаружи у их окна прикреплен блок, через который перекинута веревка. На каждом конце веревки висит по корзине. Вес обеих корзин совершенно одинаков. С помощью этого нехитрого приспособления и найденного в темнице груза пленникам удалось благополучно бежать. Если вес груза в верхней корзине превышает вес груза в нижней корзине более чем на 16 фунтов, спуск становится опасным для жизни, поскольку развивается слишком большая скорость. Члены королевской семьи сумели справиться с этим затруднением — при спуске никто из них не пострадал.

Разумеется, всякий раз, когда одна корзина опускалась вниз, другая поднималась вверх.

Каким образом удалось бежать королеве и ее детям?

Королева весила 195 фунтов, дочь — 165 фунтов, сын — 90. Вес груза — 74 фунта.

Из книги Л. Кэрролла «История с узелками».

Две дроби

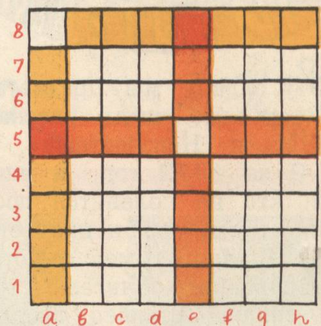
Какое число нужно вычесть из числителя дроби

$$\frac{8027}{1973}$$

и прибавить к ее знаменателю, чтобы после сокращения получилась дробь

$$\frac{19}{181}?$$

В гостях у Пешкина

Недавно Неизвестные побывали в гостях у Пешкина. И вот какую задачу он им предложил:

— Крестом, связанным с данным полем шахматной доски, я называю 14 полей, на которые можно попасть из этого поля одним ходом ладьи (то есть расположенных на той же горизонтали или на той же вертикали). На рисунке — кресты, связанные с полями a8 и e5.

а) Расставьте на доске 32 ладьи так, чтобы в каждом кресте, связанном со свободным полем, было не меньше 8 ладей.

б) Задача потруднее: докажите, что так расставить 31 ладью нельзя.

Друзья и братья ★

Вы знаете старинную мудрость: «Друг моего друга — мой друг». Всегда ли верно такое утверждение: «Брат моего брата — мой брат»?

Упрямые квадраты ★★

Расположите на плоскости одиннадцать одинаковых квадратов, не налегающих друг на друга, так, чтобы выполнялось следующее условие: как бы ни покрасить эти квадраты тремя красками, обязательно какие-нибудь два квадрата одного цвета будут иметь общий участок границы.

Задача для старых читателей (№ 9, 1972)

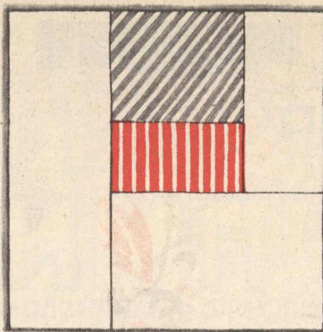
Эту задачу мы предлагаем тем, кто читал рассказ «ЭВМ и Неизвестные» в № 9 за 1972 год, и еще тем, кто не поленится достать этот номер и прочесть его. В программе выбора наибольшего из чисел (стр. 56, средний столбец, глава «Еще одна премудрость») допущена ошибка.

а) В чем состоит ошибка?

б) Более трудная задача: составьте правильную программу.

Разрежьте квадрат ★★

а) Разрежьте квадрат на пять прямоугольников так, чтобы никакие два прямоугольника не составляли вместе прямоугольник. Например, разрезание, изображенное на рисунке, не годится, так как заштрихованные прямоугольники вместе составляют прямоугольник.

б) (Весьма трудная задача.) Разрежьте квадрат размером 13×13 на пять прямоугольников так, чтобы 10 чисел, выражающих длины оснований и высот прямоугольников, были различными целыми числами (задачу удобно решать на клетчатой бумаге, проводя разрезы по границам клеток). Найдите хотя бы один способ.

Наш кроссворд ★

Расшифруйте записи действий. Одинаковые цифры заменены одной и той же буквой, разные — разными.

Первая шифровка: ЧАЙ : АЙ = 5

Вторая шифровка:

ТРУД
\+ ВОЛЯ
УДАЧА

Числа ТР и ВО делятся на 13.

Прислал Н. К. Антонович (Новосибирск).

На доске 19×10 для игры в морской бой стоит трехклеточный корабль, имеющий форму уголка. Будем придумывать планы стрельбы, гарантирующие попадание в корабль, где бы он ни находился. Один из таких планов — произвести 100 выстрелов по всем 100 клеткам.

а) Составьте план с возможно меньшим числом выстрелов.

б) Докажите, что нельзя обойтись меньшим числом выстрелов, чем у вас.

Знатоки попали впросак ★

Соревнования по плаванию были в самом разгаре, когда стало ясно, что первые четыре места займут мальчики из пятерки лидеров. Их имена: Валерик, Коля, Миша, Игорь, Эдик. Фамилии: Симаков, Чигрин, Зимин, Копылов, Блинов (имена и фамилии указаны в различном порядке).

Нашлись знатоки, которые предсказали, что первое место займет Копылов, второе — Валерик, третье — Чигрин, четвертое — Эдик. Но, как это часто происходит, знатоки попали впросак: ни один из ребят не занял того места, какое ему предсказывали. На самом деле первое место завоевал Миша, второе — Симаков, третье — Коля, четвертое — Блинов, а Чигрин не попал в четверку сильнейших.

Назовите имя и фамилию каждого из лидеров.

Прислал В. В. Клочков (Москва).

Блинов Эдик
Копылов Миша

Подготовили задачи
А. ОРЛОВ, А. РОЗЕНТАЛЬ.
Рисунки
Б. КЫШТЫМОВА.

Сергей ПОГОРЕЛОВСКИЙ

СОРОКА-ВОРОВКА

Посвящается писателю Л. Пантелееву.

В кубинском селе
Ребятня-малышня
Сбежалась ко мне,
Обступила меня.
Встречают совсем как родного,
А я по-испански — ни слова...

К себе одного на колени беру
И с ним затеваю потешку-игру:

Сорока-воровка кашу варила,
Кашу варила, деток кормила...

Еще малышей набежало — не счесть.
И все норовят на колени залезть.
Всем кашу в ладошках
Варить бы я рад,
А все же обидно-досадно:
Любимая сказочка наших ребят
Друзьям-смугляшам непонятна.

Зову переводчика:
— Ты бы не мог
Пересказать по-испански стишок:

Сорока-воровка кашу варила,
Кашу варила, деток кормила...

— Могу,— переводчик сказал.—
Но постой...
Сорока?.. На Кубе нет птицы такой.
— Так есть,— говорю я,— другая.
Возьми — ну кого? — попугая:

Вор-попугай кашу варил,
Кашу варил, деток кормил...

Вздохнул переводчик:
— И так не годится!
Каши не любят, не варят кубинцы.
А попугай — и крикун и нахал,
Но все же не вор —
Ничего не украл.

Морока-то нам с переводом какая!
Судили-рядили и так мы и эдак.
Вора сменили на негодяя,
Кашу сменили на суп из креветок.

— Сюда, ребятишки!
Ну слушай давай:

Креветок варил попугай-негодяй.
Дал этому ложку,
И этому — ложку,
Каждому дал попугай понемножку.
Не дал мизинчику лишь одному...

— Не дал?!
Большой — малышу!..
Почему?!
— Я же сказал вам, что он негодяй!
— Хватит, стишок про него не читай!
Больше с таким негодяем
Дела иметь не желаем!

Все ж перевелся стишок наконец:

Креветок варил попугай-молодец.
Дал этому ложку,
И этому — ложку,
Ну, а мизинчику —
Целую плошку!

Рисунок Ю. КАРПОВОЙ.

Ведет разговор
фотокорреспондент
нашего журнала
Владимир ПОСТНИКОВ

ОДИН НА ОДИН С ФОТОАППАРАТОМ

Секрет третий — секрет глубины

Нехитрое дело прищуриться. Мы все делаем это автоматически, когда важно что-то внимательно рассмотреть.

Металлический глаз твоего фотоаппарата тоже умеет прищуриваться. Чтобы этим «прищуром» управлять, придуман специальный механизм — диафрагма. Так называется регулируемое отверстие в объективе фотоаппарата. Поворачивая диафрагменное кольцо, ты можешь то сужать это отверстие, «прищуривать» фотоглаз, то раскрывать его во всю ширь. Обрати внимание: на кольце проставлены основные размеры диафрагмы — 4; 5, 6; 8; 11; 16.

Усвоишь секрет этих пяти цифр — и твои снимки как по волшебству перестанут быть плоскими и скучными, в них появится глубина, пространство, **выразительность.**

Вот, к примеру, несколько снимков. Каждый раз я ставил себе при съемке определенную задачу, а значит, выбирал ту диафрагму, которая нужна именно в данном случае.

Диафрагма 4

Что здесь было для меня главным? Конечно, портрет мальчика. Значит, мне нужно было сделать его четким, резким, а фон приглушить, чтобы не отвлекал внимание. Именно такой эффект — малую глубину резкости — дает диафрагма 4. При другой диафрагме, например, 8 или 11, глубина резкости увеличилась бы, но зато портрет смотрелся бы гораздо хуже. Четкие очертания деревьев, дома мешали бы ему.

Диафрагма та же. Здесь у меня и задача была та же, что при первом снимке. «Вороненок» — ведь тоже портрет. Но в отличие от первого снимка фон здесь совсем рядом, и при малой диафрагме трава получилась бы излишне резкой. Мне этого совсем не было нужно, я выбрал диафрагму 4, и мне удалось приглушить, ослабить фон на снимке.

Диафрагма 5,6

Здесь фотоглаз прищурился больше, чем на первых снимках. Мне нужно было сделать резким изображение первого мальчика, а второго дать нерезким, размытым. Диафрагма 5, 6 помогла сделать это, и поэтому на снимке чувствуется пространство, объем. А при диафрагме, скажем, 8 оба мальчика вышли бы одинаково резкими, и снимок стал бы плоским.

Диафрагма 8

Я снимал рыбаков в солнечный день. Хотелось, чтобы можно было разглядеть каждого — и того, кто стоит ближе, и дальних ребят. Каждый поглощен своим делом — идет отчаянное рыбацкое соревнование. Вот почему важно было добиться резкого изображения всей группы. Если взять уже знакомые нам величины диафрагмы (4; 5, 6), то резкими получились бы только ближние ребята. А диафрагма 8 позволила дать довольно большую глубину резкости — посмотрите, даже кусты вышли отчетливо.

Здесь разглядишь даже тех, кто на заднем плане. Специалисты говорят в таком случае, что объектив сильно «задиафрагмирован», дает большую глубину резкости.

Диафрагма 11

Такой снимок можно назвать групповым портретом.

Диафрагма 16

Эта — самая малая — диафрагма используется довольно редко, в тех случаях, когда нужно дать максимальную глубину резкости. Посмотри, на этом снимке и передний план получился резко (танцующие), и второй план (зрители), и даже самый дальний (белые хаты).

А ведь до них около двух километров!

Вот какие чудеса может творить диафрагма!

Со временем ты будешь подбирать нужную диафрагму на память, а пока тебе поможет таблица.

Проведи эксперимент

Выбери тему или объект для съемки и сделай несколько снимков. Каждый следующий делай с другой диафрагмой. Чтобы не отвлекаться, выдержку не меняй.

Перепробуй все значения диафрагмы. Когда отпечатаешь эту пленку, тебе будет ясно, какая диафрагма была в каждом случае единственно подходящей.

И так — несколько раз, меняй только объект съемки.

НАШЕ ЗАДАНИЕ

• ОБЪЕКТ СЪЕМОК •	• ДИАФРАГМА •
1 • ЗДАНИЕ •	5,6-8
2 • ПЕЙЗАЖ БЕЗ ПЕРЕДНЕГО ПЛАНА •	5,6-8
3 • ПЕЙЗАЖ С ПЕРЕДНИМ ПЛАНОМ •	8-16
4 • ПОРТРЕТ •	4-5,6
5 • ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ •	8-11
6 • РЕПРОДУКЦИЯ (ПЕРЕСЪЕМКА ИЗ КНИГИ ИЛИ С ГОТОВОГО СНИМКА)	8
7 • ДВИЖУЩИЙСЯ ОБЪЕКТ •	5,6

Академия Домашних Волшебников

Снег плотный, скрипучий—февральский. Лыжи сами бегут. Два часа Лёка, Алеша и Боб Сухарев катались с горок. Хорошо, что живут они в новом районе: вышел из подъезда — и на лыжи!

Алеша взобрался на самую высокую горку и — ух! — вниз! Солнце такое яркое, ослепило совсем, не заметил пенек на пути — и кубарем в кусты. И Боб за ним! Сидят в сугробе, снег набился под куртку, в носки, но так прекрасно, светло кругом, инеей на деревьях — сидел бы здесь с Бобом всю жизнь...

— Э-э-й! Вот вы где! — Мимо них лихо проехала Лёка и, резко развернувшись, остановилась.— Прячетесь? Вот обижусь на вас...

Вдруг что-то засвистело, зазвенело — и хлоп! Словно сугроб на них свалился, даже глаза залепило. Отряхнули они снег и...

— Калинка? — прошептал Боб.

Удивительно! Калинка твердо стояла на пушистом снегу, как на асфальте, легонько опираясь красным сапожком на упавшую лыжную палку. Капюшон красного стеганого пальто был откинут, а из кармана — «дин-дон-динь» — выглядывала зеленая шапочка с колокольчиком.

— Ой, Калиночка, здравствуй,— заулыбалась Лёка, сразу забыв про обиду.

— Здравствуй, Калинка,— тихонько сказал Алеша, а Боб ничего не сказал, только мотнул головой.

— Здравствуйте! Что, Боб, замерз? — участливо спросила Калинка.

Боб собрался с духом и сказал:

— Нет, да...

— Я думала, ты смелый...— Черная Калинкина косичка укоризненно качнулась влево-вправо.— А ты, Лёка, почему без варежек?

— Мокрые. В снежки играла. Любишь, Калинка, в снежки играть?

— Люблю.

— Мы все любим в снежки,— басом сказал Алеша и стал выбираться из сугроба.

— Покажите мне руки, любители снежков. У Лёки немного обветрились, надо скорее полечить.

— Да это только от сегодняшних снежков!

— Смотри не запусти. А у Алеши? Ай, ай, заусеницы и сильно обветрены. Ну, а у Боба не руки — наждак. Можно ржавые ножи чистить. Ногти обкусаны. Да-а. Ты, Боб, когда мыл руки последний раз?

— Когда мыл? — Боб наморщил лоб. Он хотел было сказать «днем», но Калинка посмотрела на него пристально, и он сказал то, что было на самом деле: — Позавчера. Мама их щеткой оттирала.

— Да-а, не часто ты моешься,— засмеялась Калинка и показала на темный след, что протянулся вдоль щеки Боба.— А это что?

— А это,— Боб даже рот прикрыл ладонью, чтобы не говорить то, что говорилось,— я так умываюсь: немножко лицо сполосну, а уши и шею ни за что не мою, кроме как по большим праздникам, да и то после маминого скандала...

Тут такой хохот был, что воробей, который грелся на калиновой ветке, свалился в снег и чуть там не утонул. Хорошо, Калинка помогла ему выбраться. Воробей снова взлетел на ветку и продолжал слушать.

Когда все успокоились, Калинка спросила:

— Как надо умываться, кто знает?

— Конечно, утром и вечером,— сказала Лёка.— Шею и уши мыть утром обязательно, а еще лучше мыться до пояса. Руки по меньшей мере перед каждой едой и еще разочка три в день. Слышишь, Боб?

Лёка вспомнила, как три года назад она записывала все это в свою записную книжку, и продолжала:

— Сначала руки отмыть мылом и щеткой. После мытья под ногтями должно быть чисто. Потом подрезать заусеницы и смазать их йодом. Ногти подстричь коротко. Чернильные пятна потереть серной спичкой или долькой лимона и смазать руки «Детским» кремом или глицерином.

А обветренные руки я сегодня полечу. Налью в тазик горячей воды, добавлю туда немного мыла, щепотку питьевой соды и несколько капель глицерина или подсолнечного масла. Опущу руки в эту ванночку на десять минут. А потом, не вытирая, смажу хорошенько «Детским» или «Персиковым» кремом для рук, или кремом «Аленушка», или «Ланолиновым» кремом. Правильно, Калинка?

— Правильно. Зимой это надо делать хотя бы раз в неделю... А теперь не пора ли нам домой?

И все гуськом встали на лыжню. Впереди Алеша, в середине Лёка с Калинкой на плече и замыкающим — Боб.

— Калинка, а ты не свалишься, если я прибавлю скорость?

— Кукла я, что ли? Я крепко держусь за твой воротник.

— Домой идти минут двадцать. Поговорим немножко?

— Нельзя, Лёка: наглотаешься холодного воздуха — и ангина обеспечена. Ангина — слишком серьезная болезнь, чтобы так, по глупости заболеть.— Калинка замолчала, только каблучки ее сапожек — «тук-тук» — легонько постукивали по блестящей ткани Лёкиной куртки.

После пятого «тук-тук» Калинка сказала:

— Подними правую руку.

Лека подняла руку и — не смешно ли? — из ничего, из воздуха, появилось колечко и наделось на мизинец. Такое красивое колечко, деревянное, что ли? Гладкое, коричневое.

— Мы с тобой, Лёка, будем разговаривать мысленно. Колечко нам поможет.

— Угу,— сказала Лёка и тут, как назло, ни одной мысли у нее не осталось, все улетучились.

— Не угукай, а думай!

И Лёка вдруг вспомнила, что ее подружка Наташа страдает из-за своих веснушек и мажется какой-то «Метаморфозой», а веснушки не исчезают. Что делать?

— Я бы ничего не стала делать с веснушками. Наташа рыженькая и белокожая, веснушки ей идут. Такие симпатичные солнечные зайчики.

— Я ей то же говорю, а она плачет.

— Умная девочка и плачет из-за веснушек?

— Да, мальчишки дразнятся.

— Ненавижу тех, кто дразнится. Дразниться и наговаривать всякую чепуху на человека — позор. Придется помочь Наташе. Пусть попробует отбелить веснушки кислым молоком.

— Простоквашей?

— Можно и простоквашей и кефиром. Полотняные или марлевые салфетки смочить в кислом молоке и держать на носу и щеках минут 15—20. Утром и вечером. После этого умываться не надо, а просто насухо протереть лицо. Через неделю станет ясно, помогает ли это безобидное и даже полезное для кожи средство.

— А если не поможет?

— Лимон и трехпроцентная перекись водорода действуют сильнее, но сушат кожу, поэтому применять их надо осторожно. Чистое, умытое лицо протирать или прикладывать салфетки, смоченные лимонным соком или перекисью, на 2—3 минуты. После этого протереть лицо сметаной.

— И все?

— Все остальные мази и кремы только по рецепту врача-дерматолога. Да, вот еще два «зеленых» средства. Свежий огурец натереть на терке и тонким слоем положить на лицо. И еще, другое — несколько сочных веточек зеленой петрушки размять, растереть ложкой и положить на нос и щеки. Одну и другую маску держать минут 25—30. Лучше это делать лежа. У тебя, кажется, тоже появились веснушки? — Калинка заглянула в Лёкино лицо.— Весна. И у меня веснушки. Мне даже нравится! А тебе?

— И мне. Ни за что не буду их отбеливать! А если станут какие-нибудь глупцы дразниться, я и внимания не обращу. Подумаешь!—Лёка гордо задрала приперченный веснушками нос, да перехватила покрепче лыжные палки.— Эгей! Сейчас за теми деревьями поле начнется. Ветер там страшнющий. Я прибавлю скорость. Ветер в спину, мы с тобой полетим стрелой.

Ответственный дежурный Никита РАЗГОВОРОВ

Награждаем победителей

Дорогие друзья!

В «Больших играх Лупы и Пинцета» приняло участие много ребят. На вопросы почти все ребята ответили правильно.

Мы долго думали и совещались: кого же наградить памятными подарками?

— Давайте бросим жребий,— посоветовал Дед Буквоед. И вот **по жребию** сериями марок награждаются:

Измаилов Рауф из города Баку.

Никифоров Сережа из поселка Таутово, Чувашской АССР.

Снегирева Таня из села Поршур, Удмуртской АССР.

Смульский Миша из города Одессы.

Величко Таня из города Петропавловска-на-Камчатке.

Скляревский Шура из города Долинска, Сахалинской области.

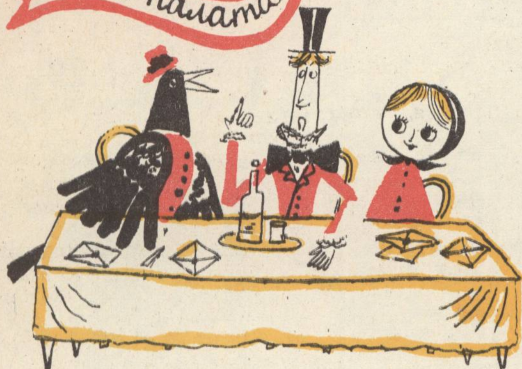
Бурдуковский Вова из города Улан-Удэ.

Ананьева Валя из города Новгорода.

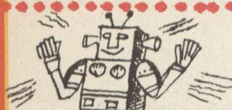
Ваничкин Коля из города Великие Луки.

Васильева Лена из города Воркуты.

Всем остальным участникам игр объявляется **БЛАГОДАРНОСТЬ!**

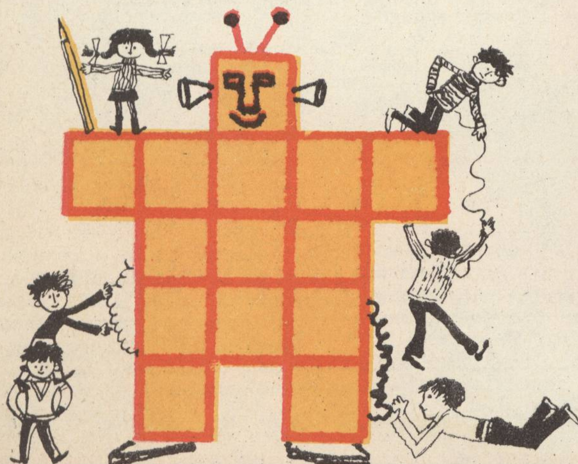
Схватка с роботом

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Я упрямый, я стальной,
Вам не справиться со мной!

Такой дерзкий вызов бросает вам робот. Попробуйте победить этого хвастунишку! Победит его тот, кто распределит в четырнадцати клеточках марки четырнадцати стран: Австрии, Венгрии, ГДР, Дании, Испании, Италии, Монако, Польши, СССР, Швейцарии, Франции, ФРГ, Чехословакии и Югославии — так, чтобы в прилежащих друг к другу клетках оказались марки стран, граничащих между собой.

В награду за проявленную при решении задачи настойчивость и упорство победитель получит четыре марки с изображением бизонов. Вы их видите на рисунке. В каких странах выпущены эти марки, вы, наверно, и сами можете разобраться.

Игры Лупы и Пинцета

ВНИМАНИЕ!

Следующая большая «маркиада» состоится в сентябре. Готовьтесь к ней. Решайте задачи, которые будут напечатаны в нашем журнале.

Ваши Лупа и Пинцет

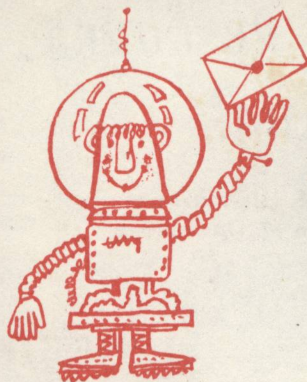
Содержание

Главный редактор С. А. ФУРИН.

Адрес для писем: 101459. Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.
Технический редактор **В. В. ВАНТРУСОВ.** Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 27/XI 1972 г. А 01047. Подписано к печати 28/XII 1972 г. Формат 84×60⅛. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 237. Заказ № 29.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Из газет и журналов будущего

1+1+1+1=3
4+4=6
5-1-1=4

Поспешный вывод

Экскаваторщик, работавший на строительстве нового канала в пустыне Каракум, обратил внимание на странный металлический предмет, попавший в ковш экскаватора. Это была металлическая капсула. Внутри нее оказалась маленькая пластинка с такими знаками, какие вы видите на рисунке.

По мнению ученых, капсула была сброшена на Землю с космического корабля. Пластинка, по-видимому, письмо жителей какой-то далекой планеты.

На пресс-конференции, которую устроили ученые, один из журналистов спросил:

— Как могли эти существа построить космический корабль, если они даже считать как следует не умеют?

— Вы неправы,— возразил ему корреспондент «Палаты Ума»,— они считают очень хорошо и, наверно, долго размышляли над тем, как самым простым способом записать несколько

элементарных математических действий, чтобы их могли понять математики в любом уголке Вселенной.

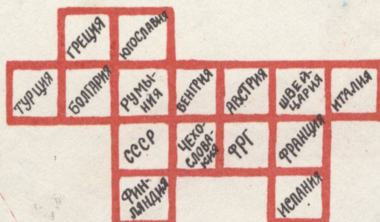
Присмотритесь повнимательнее к тому, что написано на пластинке, и вы убедитесь, что эти уравнения составлены правильно.

Журнал «Наука и жизнь», 2001 год.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ
ИЗ № 1

Игры Лупы и Пинцета

Кроссворд нужно решить вот так:

Уголок знатоков

В марках такие ошибки: слово «Австрия» (Osterreich) пишется через два «гг». У носорога впереди всегда большой рог.

Задачу «Пир в кроссворде» все ребята решили правильно.

Почему звери и птицы не одеваются?

Книжку с таким неожиданным названием выпустили американские художники Джуди и Рон Барретт.

На этот вопрос они дают ответы в рисунках.

Как видите, дикобраз не успевал бы зашивать дырки на своей одежде.

Верблюд то и дело путал бы свои шляпы.

Жирафу потребовалось бы слишком много галстуков.

Лось запутался бы в подтяжках.

Я жду от вас таких же веселых рисунков.

Живживка.

Ты не бойся, мама!

Слова Е. Шкловского.
Музыка М. Протасова.

31

У меня матроска,
Шашка у меня.
Мне купила мама
Быстрого коня.
Ты скачи, коняшка!
Шашка — наголо.
Ты не бойся, мама,
Никого.

Эй, вперед, ребята!
Загудел мотор.
Покатил по полу
Бронетранспортер.
Падают снаряды,
Завязался бой.
Ты не бойся, мама,
Я с тобой.

На столе ракета
Целит на врага.
Я ракетчик точный —
Твердая рука.
Не погаснет солнце,
Не погибнет сад.
Ты не бойся, мама,
Я солдат.

Подвижно

У ме.ня ма.трос.ка,
шаш.ка у ме.ня. Мне ку.пи.ла ма.ма быст.ро.го ко.ня.
Ты ска.чи, ко.няш.ка! Саб.ля-на.го.ло. Ты не бой.ся, ма.ма,
ни_ ко_ го! Ты не бой.ся, ма.ма,
Для повторения
ни_ ко_ го!
Для окончания
я сол_ дат.

Цена 25 коп.
Индекс 70694